

Александра Ковалевская

Ночь всех проверит

Наступает ночь – ты идешь распадаться на части, из которых сон составляет свои фигурки, управляет ими, как хочет: то дарует счастье, то печалит, ломает: послушны они и хрупки. [...] А потом организм встрепенется на метке «утро», но моменты сна ты в себе сохранишь, как милость... Просто дело в том, что ты снился еще кому-то, и собрать все части у рассвета не получилось.

Александра Ковалевская преподает в Школе Искусств. Пишет в жанрах «история», «фантастика», «юмор». Уважает здравомыслие и практицизм. Считает красоту улыбкой мироздания. После романов о белорусском средневековье «Бод» и «Час змеев» у автора вышли сборники рассказов «Сто милливольт души» (совместно с В. Вознесенским) и «Одиннадцать историй». В 2016 году опубликован роман «Война Моря и Суши», победитель конкурса «Стопроцентная научная фантастика».

© Александра Ковалевская, 2020

© ИД «Городец-Флюид», 2020

Глава первая

Пилот

Закат солнца на Ило Семилунном заворачивает. Это подтверждает даже Полная Галактическая Энциклопедия, издание, не склонное воспевать экзотику населенных миров.

На Ило Семилунном в вечерних потоках воздуха роятся мириады фосфоресцирующих насекомых. Оранжевые, ярко-голубые, белоснежные спирали лент, состоящие из крылатых хитиновых оболочек с крошечной жизнью внутри, устремляются в небо. Вверху ленты из насекомых закручиваются в петли и расцветают букетами: мотыльки-однодневки цитрозусы, поднявшись выше небоскребов, разлетаются прочь друг от друга и опадают, гаснут искрами в фиолетовых сумерках, оставляя после себя ощутимый аромат сандала с тонкой цветочной нотой. Это фиал, запах здешнего мира.

Дети засыпают первыми, стоит только фиалу проникнуть через окна, не нуждающиеся в стеклах в благословенном климате этой планеты.

Дети засыпают первыми.

Но не этот ребенок: он всю свою короткую жизнь провел на флагмане Звездного флота. Фиал для него просто аромат вечерней свежести. Просто запах, который мальчик, облокотившись о перила, впервые потянул в себя, дрогнул четко очерченными маленькими ноздрями: раз, другой. И не зевнул, а наоборот – взбодрился от вечерней свежести.

Понадобится один-два суточных цикла, чтобы феромоны цитрозусов, мягко воздействующие на биохимию живых организмов, проникли в кровь чужака. Вот тогда маленький пришелец подчинится и начнет жить в потоке могучих суточных ритмов планеты. А сейчас время подумать, как самому не уснуть раньше мальчугана. Фиал, счастливый дар и проклятие Ило Семилунного, действует одинаково на все живое: люди и животные теряют активность и погружаются в сон. Ночь – время безумной, неукротимой растительной жизни. Местное приветствие «Ловенна б-вилана!» означает «Доживем до утра!». Но лингвопереводчик переведет его вам как «Здравствуйте!». А короткое «Б-вила!» – как «Привет!».

«Ловенна б-вилана!»

Можно представить, как удивится мальчик, увидев поутру оплетенный лианами, буйно цветущий город.

Лишь башни небоскребов, связанные путепроводами на высоте десятого этажа, будут указывать место, занятое столицей кантона – Вечного Мая. Но это будет завтра. А пока цитрозусы только начинают вечерний танец восхождения.

С прогулочной палубы летающего отеля удобно следить за полетом легкокрылых насекомых. Постояльцы, развалившись в шезлонгах, лениво загадывают, дотянется ли сегодня хоть одна лента цитрозусов до высоты, обжитой аэрокraftами.

В небе перетекают волнами закатные сполохи. Семь лун, выстроившись узким клином, восходят на востоке и спешат догнать последний луч солнца, полыхающий в разрыве темного, почти черного, облака с кромками из расплавленного золота. Такая же позолота догорает на шпилях столичных высоток, сияет и плавится на брюхах гигантских аэрокraftов, стартующих от посадочных платформ Небесной Лестницы. А тени островерхих небоскребов, непроглядные, ночные, уже полосатят крыши нижнего Вечнома.

Мальчик оставляет без внимания чашку узорчатого стекла, наполненную овсяным киселем с ложкой душистого меда, – местный поздний ужин. Столик-официант привез чашку и замер, ожидая, когда его отпустят. Я переставляю чашку на свой поднос. Делаю жест рукой – столик тонко отзывается хрустальным звоном и спешит дальше.

Взгляд мальчика обращен ко мне. Он живой и наблюдательный – я уже имел возможность убедиться в этом, он неумемный в своем любопытстве:

- Почему ты говоришь «И Тимох Ррей, йло, полетел, оставив нас с глубоким вздохом»?

- Здесь так говорят, если очень огорчились.

Ребенок раскатывает букву «р»:

- Это неправильно! - горячится он. - Надо говорить: «Тимох Ррей полетел». Просто: «Тимох Ррей полетел». И все!

- Твой большой брат заставил всех поволноваться. Спасение белошвейки - слишком опасное дело.

Ребенок, я не скажу тебе, что тот, кого ты называешь братом, затеял игру со смертью.

- Спасение белошвейки - опасное дело? - спрашивает мальчик, настораживаясь. - Слишком далеко лететь? Кораблю не хватит ресурсов, да, дедушка?

Я думаю, как объяснить ребенку жестокую правду. Или часть правды.

Да, скажу ему часть правды, так будет лучше:

- Не только в ресурсе дело. Уж если белошвейка попала в эпсилон-зону, то, считай, пропала.

Маленькие пальцы закрывают мне губы в нетерпеливом требовании замолчать.

- Я знаю про эпсилон!

Мой собеседник вертится в шезлонге, следит за фантасмагорией в закатном небе, крутит локон над высоким лбом, разговаривает, пяткой бьет плетеные прутья переносного ложа - проверяет на крепость... Здоровый подвижный ребенок, хвала его неведомым родителям, мир им и светлая память.

- И про белошвеек я знаю все!

Улыбаюсь:

- Так и все?

- Так и все! - Он копирует мои интонации, умудряясь остаться верным произношению, бытующему на звездолетах.

Он жаждет быть выслушанным и лицедействует, не жалея сил:

- Первая мастерица пропала! А кто отправит Звездный флот на Фомальгаут? Караван из тысячи звездолетов! Воолос стынет! - От меня подхватил «воолос стынет», вот жук!

- Звездолеты ждут и ждут! И тут появился мой брат и громко крикнул: «Я полечу в зону эпс! Я верну белошвейку, потому что я - мусчина!» А потом он сказал:

«Я воррррвусь в престрррашный эпс, и так, так и вот так!..» - Мальчик рубит воздух воображаемым мечом, делая бойцовые выпады. - Эпс схлопнется, выплюнет мастерицу, мой брат привезет ее обратно! И женится!

- А ты мастер придумывать! У твоего брата есть меч? Как у Меченосца?

- Он взял с собой. На всякий случай, - глазом не моргнув, отвечает маленький проходимец, подкинутый мне с флагманского корабля сегодня утром.

- И твой брат собрался жениться на белошвейке?

- А если она красивая? Придется жениться... - серьезно вздыхает мой подопечный. Он не лишен здравомыслия.

- Значит, белошвейка красавица? - интересуюсь я, отчаянно сопротивляясь дреме. Нужно потерпеть, пока этот живчик не уgomонится. Не может быть, чтобы фиал, властно действующий на меня, оказался бессилен перед трехлетним ребенком.

- Волос стынет! - припечатывает мальчик. - Брат сказал, у нее вот такие голубые глаза!

Судя по жесту, глаза белошвейки размером с местные яблоки. Действительно, красавица. Спасти такую - дело чести каждого настоящего «мусчины».

В соседних шезлонгах переговариваются двое, они слышали слова ребенка.

- Издержки профессии... - Первый, негромко.

- Я бы запретил авантюру с поиском того, что не может быть найдено ни при каких условиях. Зона эпсилон - побочный эффект искривления пространства-времени, вызванный работой белошвеек, какой смысл бросать в эту дыру пилотируемый корабль с офицером на борту?

- Согласен. Глупо тратить человеческие и технические ресурсы. Мы пока не в состоянии объяснить парадокс эпсилон.

С меня разом слетает сонливость, и кровь приливает к лицу:

- Пропадают молодые девушки, настоящие профессионалы. Исчезают бесследно, не оставив после себя ничего, кроме воспоминаний. По-вашему, они недостойны помощи и участия?

- Конечно, конечно! - соглашается первый. - Молодые девушки... - он делает упор на «молодые», - их жалко, да. Но во всех концах вселенной постоянно гибнут люди, гибнут девушки разных профессий, не только белошвейки. Несчастные случаи, аварии, облучения и болезни не щадят никого.

Второй, с острым профилем и бесстрастный, по виду эриданец, отзывается после паузы:

- Я бы не говорил о высоком профессионализме, когда речь идет о белошвейках.

- Сударь, вы сторонник автономных полетов на до-световой? - интересуюсь я.

- Понимаю ваш сарказм, уважаемый патриарх. Нет, я не из тех, кто хочет любой ценой сохранить космический флот в том виде, в каком он был сто пятьдесят лет назад. Автономные звездолеты с термоядерными двигателями навсегда отошли в историю, но я хочу сказать: не надо так носиться с белошвейками, дело того не стоит. Девушки - рядовая обслуга космических перемещений. Работницы низшего звена, необразованные и, подозреваю, глубоко невежественные. Эта профессия собирает интеллектуально ленивых и лишенных амбиций выпускниц школ. Есть мнение, что участвовавшие случаи попадания белошвеек в зону эпс, как вы сейчас толковали ребенку, случаются именно из-за несовершенства навыков их первой мастерицы.

Я даже приподнимаюсь с ложа, хоть туристам не рекомендуется делать это в час, когда действует фиал, - на Ило Семилунном сон наступает мгновенно. Я говорю:

- Вас послушать, любой полководец древности, проигравший битву, - никудышный профессионал. Как и первопроходцы большого космоса, жизни отдавшие за то, чтобы проложить дорогу к звездам!

Первый, с гладко бритым округлым лицом и мягким подбородком, возможно, землянин, спешит примирить нас:

- Не будем заострять тему, господа! Честное слово, волос стынет! - он белозубо улыбается и подмигивает моему мальчику.

Постояльцам летающего отеля есть о чем поговорить, кроме заурядного случая с пропавшей белошвейкой.

Парень, ты отправился в небытие, чтобы спасти «рядовую», по словам этих господ, работницу. Ты совершил большую глупость. Рыцарский порыв не обернется ни славой, ни почестями - как говорят здесь, «скроет трава до полуночи».

А эриданец хорошо встряхнул меня – сон как рукой сняло!

Эридан не дал звездному флоту ни одной белошвейки. Девушек по-прежнему вербуют на Земле из системы Солнца. Иногда их находят на Глизе и редко, очень редко – в секторах Фомальгаута и Кеплера.

Одна польза от этого разговора: фиал еще не поборол меня, а ребенок уже засыпает, устроившись в шезлонге в обнимку с длиннорылой мохнатой зверюшкой местного изготовления. И мне остается лишь затянуть ложе прозрачным колпаком, чтобы утренняя свежесть не нарушила сон мальчика.

Девушка хохотнула в ответ на шутку, ни на секунду не прерывая свое занятие: голова вполоборота, взгляд прямо и чуть вниз. Он видел ее плечи. Ниже, там, куда направлен был взгляд белошвейки, – сплошное мельтешение искр, как всегда. В челноках белль камеры установлены так, чтобы никто не мог видеть их работу.

Она резко, на полутоне оборвала смех.

Взмах обеими руками, кисти выразительные, говорящие – как у дирижера оркестра, и тень, изменившая лицо...

Теперь он понимает, что за тень. Это было прикосновение ужаса, не успевшего даже отпечататься на ее лице.

Первая мастерица канула в никуда, когда белошвейки наряжали караван на Фомальгаут. Тимох видел ее на экране, успел даже перекинуться парой шуток. Чудесная девушка с роскошной грудью, с кожей невероятного, почти мистического, бело-розового цвета, какая бывает только у потомков сорока поколений белой расы Земли. Милашка, стремительная в движениях и на язык такая же скорая.

Не было никаких побочных эффектов, ни звука, ни сполохов – ничего, что могло сопроводить катастрофу;

все произошло просто и буднично – словно между патрульным кораблем и челноком белошвейки резко прервалась связь.

Тимох отшатнулся от монитора, осознав, что стал свидетелем гибели белошвейки. И, возможно, виновником гибели – ведь он заигрывал, когда девушка совершила роковую ошибку.

Тимох почувствовал холод у основания волос. Теперь ему предстояло жить с памятью о чужих последних мгновениях.

Волна горечи собралась комом в солнечном сплетении. Бездна, жалко глазастую!

А еще эта нить тахионов – она тянулась за пропавшей девушкой, и это значит, белошвейки чувствовали подругу и нервничали. Если они сработают наряд с изъянами, корабли рискуют выпасть вовне. Им придется начинать все заново, но во вселенной не существует и двух точек с абсолютно одинаковыми характеристиками, и потому повторить наряд невозможно. А безупречная чуйка – только у первой мастерицы.

В глубине экрана кубо-кубо четко виднелась нить между флотилией и кораблем белошвейки. Первая сделала почти невозможное – она умудрилась оставить след своего челнока, и она будет ждать помощи. Ждать... Если на изнанке вселенной вообще возможно ждать, если там существует такое понятие, как время...

«„Дорогу не выбирают“. Не согласен? Почему тогда чувствуешь, как она тебя зовет – дорога? Не сошел же ты с ума, капитан патрульной службы? Верный „Певень“, быстроходный и маневренный, обжитый за шесть лет службы, будет потерян для флота, из зоны эпсилон еще никто не возвращался. Не будет почетного караула у конвертера, не будет белых перчаток на руках ребят твоего взвода. Не будет черных цветков в петлицах. И урны не будет. Да что говорить, даже строки в служебном некрологе – ее

тоже не будет... Офицера, рванувшего спасти девушку, подведут под дюжину статей, разжалуют и предадут забвению».

Мог бы и не суетиться, утрясая юридические формальности: какой спрос с самоубийцы? Но кровь прабабушки эриданки – сильно разбавленная иланской, но все же, – заставила привести в порядок дела перед последним вылетом.

Семейный юрист неожиданно отказался переправить родственникам его документы. Ответил, отсекая возражения: «Вы сделаете все сами, когда вернетесь из эpsilon. А я пока спрячу их под кодами».

Оказывается, как просто – подарить человеку надежду на возвращение!

Тимох, расчувствовавшись, решил повидаться еще и с Петре Браге: старик сорок лет служил вместе с его отцом. Но больше грела мысль, что полковник способен дать дельный совет, не ударяясь в эмоции. Браге – один из немногих старых пилотов, кто не примкнул к движению «Сила» и, значит, лоялен к белошвейкам.

Для разговора Тимох оплатил закрытый канал связи, и канал открыли быстро, минуты через три. Тимоху повезло. И вот на его приветствие отозвался полковник в отставке, словоохотливый и, несмотря на возраст, энергичный, с огоньком в глазах:

– Многих солнц, Тимох, мой мальчик, подкажи, что в твоём имени дальше, чтоб как по протоколу, – сочным баритоном произнес старый Петре. – Надо чаще встречаться: за пять лет, как я пустил корни на твоём Семилунном, редко выпадает случай проговаривать здешние пышные имена от начала и до конца.

Тимох кивнул:

– Тимох Рей Гвен Тимофей Ило Семилунен, – отчеканил пилот. – Тимох, сын Рея, Гвен, сын Тимофея – у меня музыка, а не имя!

Полковник Петре Браге хмыкнул:

– Действительно, ловко! Занятно, как зазвучат иланские имена, когда у вас у всех наберется семь поколений предков. Вы же закрепили в законодательстве право каждого иланца носить семь имен по мужской линии, так? Седьмого колена на Ило в твоём роду еще нет, но будет – дело молодое...

Белоснежные усы старика мгновенно поникли, как только он услышал, о чем Тимох толкует.

– Помнится, твоя дипломная работа касалась парадокса эpsilon, этого бельма в глазу астрофизики, этого пыльного кармана вселенной. Я прав? Надеюсь, у тебя любопытство теоретика? Парень, ты не собираешься стартовать в эпс?

Тимох сдержался, чтобы не кивнуть – это было бы ложью, а перед прыжком в никуда не лгут. Он, сидя перед кубо-кубо, машинально отметил, что левый нижний угол экрана пульсирует слабым свечением: белошвейки не завершили наряд и энергия искривленных гравитационных полей перераспределялась, неконтролируемо «вытекая» в космос. Новой первой мастерице придется создавать иную торсионную схему; вряд ли незаконченный наряд удержит импульс, способный перебросить корабли на расстояние двухсот световых лет...

– О седьмом колене я, кажись, вспомнил преждевременно, – буркнул полковник, помрачнев. – Из эpsilon никто не возвращался. Никто. Парень, ты еще и наследника-то не оставил. Дай подумать. Нить к пропавшей белошвейке сохранилась?

Тимох подтвердил.

Старик молчал; пристально уставился на патрульного, закусив верхнюю губу.

Потом спохватился:

– Эх, я упустил, что ты оплачиваешь ради меня этот дорогуший тариф, который мог бы с большей пользой потратить, секретничая с девушками... Мы не знаем, что такое темная

область эпсилон и почему в ней исчезает лучшая мастерица. Но это еще можно оправдать. Когда-нибудь мы все пойдем. А вот то, что мы не знаем и знать не желаем, кто такие белошвейки, – вот что непростительно! Не в этом ли причина неудач? ...Ты все решил? Да, вижу, тебя не остановить... Разве что выдать твои планы инспекторам безопасности. Не напрягайся, парень! Мы с твоим отцом служили вместе, я не пойду против совести и против воли сына моего лучшего друга. Но прими совет: поспедай, не торопясь. Я свяжусь кое с кем на «Галере», центральной базе белошвеек, там тебя будут ждать. Примут и покажут все, что захочешь увидеть. Дальше – видно будет. Выполни мою просьбу, Тимох, побывай у Ксантиппы перед тем, как бликануть в эпсилон. Кса контролирует контакты белль с остальными гражданами Звездного Содружества.

Тимох подумал: «Ксантиппа? Сколько лет старушенции? Архаичные имена были модны век назад – Ксантиппа, Эрато, Мельпомена, Урания... Девчонки, названные в угоду моде, давно успели вырасти, состариться и умереть. Прабабушка, например. Ее звали Талия. Впрочем, если Ксантиппа – из белошвеек, то все может быть. Ничего невозможно знать наверняка, когда речь идет о белошвейках».

Старый полковник продолжал:

– А ведь я однажды заглянул в глаза белль... Не веришь?

– Да меня распирает от любопытства, полковник Петре! Говорят, что лучше не заглядывать им в глаза.

– То-то же! История простая, но, знаешь, из тех, которые меняют тебя изнутри. Нет, дружок, я не летел спасать белошвейку. Я был всего лишь курсант академии, без корабля, без офицерского хлыста. В те времена я боготворил нашего генерала: верный, скажу тебе, служака, надежный мужик. На его попечении в то время находились три эфеба, значит, генералу было за пятьдесят. Первого эфеба разрешают ближе к тридцати, второго – лет через десять, сам знаешь. У вас так принято, и в нашем поколении велось так; закон-то для холостяков приняли давно... Нам продемонстрировали хороший тон в отношении к белошвейкам в рабочей, хм, ситуации. Девочки потеряли первую мастерицу, и в этот самый миг стайку их челноков швырнуло под дюзы маневрировавшего флагмана. Каким-то чудом, не иначе, защита белошвейкиных «Игл» выдержала тепловой и радиационный поток. Беспомощные кораблики переловили и доставили на флагман, разумеется, в грузовой отсек. Девушек пришлось извлекать: обшивка «Игл» расплавилась на полдьюма, замуравав бедняжек. Вскрыли челноки, чтобы извлечь тела, а там – белль. Перепуганы, но живехоньки. Как им это удалось – непонятно. У нас, помнится, много болтали об этом. ...Мы думали, что пострадавших девчонок ждет радушный прием. Молодые идиоты, мы мечтали приблизиться к ним, пожать им пальчики, еще чего – случай-то как раз подходящий.

Сколько суеты развели! ...Все оказалось гораздо прозаичнее. Наш папаша генерал был сдержан, говорил сухо, коротко; скользил глазами по подбородкам девушек и избегал встретиться взглядом со второй мастерицей.

Как сейчас помню эту красивую смуглянку с иссиня-черными косами невероятной толщины: словно могучие змеи, косы лежали у нее на спине. Волосы оттягивают голову девушки назад, и второй белошвейке нелегко держать подбородок опущенным. Остальные крошки, хорошенькие, стояли слева от мастерицы: выровнялись обычной для белошвеек аккуратной шеренгой. И замерли, и тоже виновато опустили головы, сложили обе руки поверх юбочки, и вид их вызывал сочувствие у всех, кто знал, что им довелось пережить. ...Генерал отчитал вторую мастерицу, попенял ей на то, что корабли ждут и задержки недопустимы. Словно белошвейки в рабочее время сбежали в прогулочную оранжерею, забыв о своих обязанностях и высоком долге перед Звездным флотом... Помнится, он равнодушно козырнул, не замечая, как задрожали ресницы и пятнами пошло лицо второй белошвейки. Повернувшись на каблуках, сквозь зубы велел мне, адъютанту, подать угощение гостям. ...Я нес поднос с конфетами, чувствуя себя так, словно меня отправили кормить забавных зверюшек. На душе было погано. Нет, мой мальчик, на душе у меня было дерьмово, и руки дрожали от негодования. Будь на месте белошвеек любой из патрульных пилотов и выживи он в подобной переделке, ему бы не пришлось стоять, виновато опустив глаза, – его бы встречали как героя! ...Девушки не притронулись к сладостям. Я видел, они подавлены и робеют в чужом корабле. Еще бы: команда собралась, считай, полностью, а это сотни три мужских взглядов. ...В общем, я ссыпал конфеты в ранец – небось ты не успел еще забыть, как ранец ездил на твоём

хребте пять курсов подряд?..

- Конечно, не забыл, - вставил слово Тимох.

Полковник Петре одобрительно хмыкнул.

И снова предался воспоминаниям:

- Я повесил ранец на плечо девчонки, стоявшей в шеренге последней. А потом отбыл наказание по полной, за разбазаривание амуниции.

- Ого! - отозвался Тимох, понимая, на что решился молодой Петре Браге. Ранец курсантам разрешалось всегда держать при себе, а его вместилище было единственной приватной территорией, проверять которую мог только офицер и без свидетелей, один на один с бритоголовым мальчишкой в тоскливой коричневой униформе. Отдать свой ранец - это поступок! Будущий полковник Петре ради белошвеек лишил себя личного пространства. Тимоху доводилось видеть в Академии, как ребята молятся, засунув голову в ранец, а случалось, плачут. И никто не трогает курсанта, пока он прячет в ранце лицо.

- Вот откуда я знаю Ксантиппу. Юная Кса замыкала шеренгу: этакая, знаешь ли, рыженькая куколка с прямой спинкой, совсем еще девчонка. Ей и достались сласти, а еще мой связник. Да, связник с кибернитовой начинкой - подарок родителей - оставил. С конфетами. Разволновался и забыл его в ранце. С тех пор, где бы ни были, мы с рыженькой куколкой выходим на связь и отмечаем новое рождение Ксантиппы и девочек. А мастерица-смуглянка вскоре умерла. Чуть позже я узнал, отчего. Она, умница, в той передраге закрыла своим челноком остальные кораблики белошвеек, отдав приказ выстроить «Иглы» за ней точно в линию. И приняла львиную долю излучения из флагманских дюз. Торсионное поле каким-то образом защищает корабли белошвеек, но для второй мастерицы отсрочка составила всего несколько дней... Вот так-то, парень. ...Отменной реакции этих девочек может позавидовать любой пилот. Их стойкости и мужеству можно слагать гимны. Их сообразительность ставить бы другим в пример, а полеты «Игл» разбирать на тактических учениях! ...Может, я не прав, и твой покойный отец не сказал бы мне спасибо, но я уважаю твой выбор!

Изображение начало дрожать: время сеанса истекало.

- Слушай, сынок! Я вот что подумал... - Полковник Петре Браге засуетился, стараясь успеть, пока не прервалась связь:

- Оставь-ка мне своего маленького эфеба, если доверяешь, конечно. На Семилунном малышу должно понравиться. Мы вместе дождемся твоего возвращения. А не то придется тебе выжидать, когда караван снова прибудет в систему Ило-Соло, а на это, знаешь сам, уйдет года три, и эфеба отдадут в другую семью - малышу ведь нужна семья. Это я так, советуюсь с тобой, Тимох, сын Рея, внук Гвена-Тимофея. Конечно, решать тебе.

Тимох поспешно кивнул в экран:

- Спасибо, полковник Петре! Вот уж не ожидал! Действительно, мальчику будет лучше на Ило. И мне... - он проглотил комок, - будет к кому возвращаться...

Он был благодарен старику за поддержку. Мысль, что с приемышем придется расстаться, его угнетала.

Тимох пообещал:

- Я отправлюсь на «Галеру» прямо сейчас. Ты успеешь предупредить свою знакомую? И скажи, Петре, все, что плетут про «Галеру», - выдумки?

Петре Браге хитро сузил глаза, так что они утонули в глубоких морщинах:

- Мол, кто попал на «Галеру», там и умрет?

- Типа того, - настороженно хмыкнул Тимох.

- Не про тебя сказано! - с непонятым выражением в голосе ответил Браге. - Чего

опасаться тому, кто собрался в зо...н...у... Э... – истаял его голос вместе с истаявшим каналом связи, распылившим в пустоте космоса последние сигны.

Тимох прикинул, сколько часов в его распоряжении. Получалось, времени вполне хватает, если обновить ресурс корабля не на флагмане, а на запасном узле «Галеры».

Он повернул кубо-кубо и произнес в глубину экрана: «Галера».

Всемирная Галактическая Энциклопедия на мгновение дольше обычного копалась в бездонной электронной памяти и наконец выдала ответ: «Галера – морское судно, на котором для передвижения использовали подневольный труд. Название произошло от „каторга“ на одном из древних языков планеты Земля». «Каторга...» Энциклопедия вываливала все новые ссылки, но Тимох решил, что ухватил главный смысл, и занялся делом. Задал кораблю новый курс – на «Галеру», а это три часа лету. Если двигаться на поглотителе, прибудет минут через тридцать. Полеты на поглотителе небезопасны в то время, когда для флотилии создается наряд, но сейчас – не тот случай. Мастерница потеряна, работы остановились, а значит... Значит, можно рискнуть. Тимох привел в движение пилотское кресло, нажатием кнопки выдвинул утопленный в панели пульт поглотителя и ускорил свой «Певень».

Кто еще не видел работу белошвеек? Нужно быть очень заинтересованным, чтобы так откровенно убивать время. Придется долго наблюдать за суетой их челноков, бликующих в черноте космоса. Крохотные кораблики, узкие и длинные – точь-в-точь иглы, – шустро двигаются вокруг флотилии. Пока мечется этот планктон, огромные крейсера ленивыми рыбами висят в пустоте и флегматично ждут, когда вселенная привыкнет к ним, примет и унесет в немисливо удаленную, заданную шестью координатами точку. Непомерные в своем тщеславии, эти воплощения ночного кошмара архитекторики, с порами входных шлюзов для малых служебных кораблей, превосходящих их в маневренности и скорости, крейсера только и способны перемещаться между планетами на первой досветовой. Хотя с некоторых пор и первая досветовая обсуждается как устаревшее техническое условие для этих гигантов. Белошвейки вполне могли бы двигать крейсера от планеты к планете, и могучие когда-то космические корабли стали бы просто контейнерами для грузов и пассажиров. Лишь память о былой славе да старшее поколение ветеранов флота, непримиримое к подобной идее, удерживают радикалов от перемен.

Тимох застал время раскола Звездного флота на две группировки: противников белошвеек, обеспечивающих перемещения, и защитников этих самых создательниц пространственных туннелей.

Кубо-кубо тем временем выдал картинку.

Сейчас не только на экране «Певня», – на мониторах всех кораблей медленно проступало изображение наряда для флотилии. Это станет главной темой всех новостей, и визоры будут повторять на все лады: «Вселенная приняла нас! Скоро откроется путь на Фомальгаут!»

Но о белошвейках не скажут ни слова.

Тимох изучающе вглядывался в графику свернутых и закрученных плоскостей наряда. Серьезный недостаток поглотителя в том, что до прибытия в заданную точку ты бессильно повлиять на движение корабля. При таком раскладе недолго вылететь вовне... Тимох свернул хлыст кольцом и выдохнул в петлю – на удачу.

Зря беспокоился: судя по схеме на экране, «Певень» бликовал далеко от внешних границ пространственного туннеля. Наряд в этот раз немудрящий: крупные плоскости соединены трассами-пунктирами, волны энергетических кружев – без них редко обходится. В прошлый раз к Эридану флот отправляли «в ежовых рукавицах», энергии было столько, что она выбивалась яркими спицами по всему контуру наряда и тамошнее кружево выглядело устрашающе колючим.

Теперь верхняя часть схемы помечена красным пятном: работа не закончена, там запрещенная для полетов зона.

Полюбовавшись на результат трудов белошвеек, пилот забил данные искривления пространства-времени в бортовой компьютер.

«Мир прогнулся под нас!» – свистел он в ритме шлягера, выполняя рутинную работу: откорректировал курс корабля с учетом близкого пространственного прогиба, чтобы больше не возвращаться к этому.

Патрульный корабль Тимоха, раскрученный, как пуля на вылете из ружейного ствола, выбило из туннеля-поглотителя слишком близко от «Галеры».

Пилот глянул в экраны внешнего обзора, и ленивую расслабленность с него как ветром сдуло. Тимох живо «исполнил стаккато»: пальцы обеих рук пронесли над пультом управления, и «Певень», чудом не столкнувшись с «Галерой», ушел в тень; пилот лишь мельком увидел Ило-Соло, и солнце скрылось за огромным искусственным планетоидом – центральной базой белошвеек.

Обсидианово-черная причальная полоса, размеченная шлюзовыми камерами входов, огибала экватор «Галеры», уходила в перспективу и сливалась с бархатом космоса.

«Корабль гораздо больше, чем на схеме!» – с досадой отметил Тимох.

Ему пришлось спешно заложить еще один вираж, огибая ржавую мачту антенны, дрейфовавшую рядом с «Галерой».

– Йло, похоже, эту часть навигационной схемы не проверяли лет сто! За сотник «Галера» неплохо подросла, – процедил пилот сквозь зубы, лавируя на бешеной скорости. – Стулотеры из службы навигации могли бы подсуетиться и перепроверить размеры кораб... Ля! – добавил он, потому что с базы белошвеек в самый напряженный момент пришла рассылка услуг местного электронного навигатора.

Тимох быстро сообразил, что в его положении лучше не отвергать рассылку, и позволил местному лоцману вести «Певень».

Лоцман мгновенно включился в работу, «Певень» снова поменял курс, и оказалось, что между реальным планетоидом и схемой в кубо-кубо «Певня» – китовая разница.

«Галера» была как гигантская рыба, круглая с головной стороны и сильно вытянутая вдоль продольной оси. Постепенно сужаясь, корабль базы белошвеек заканчивался чем-то наподобие рыбьего же хвоста – расходившимся далеко в стороны плоским шлейфом, состоящим из конструкций с решетчатым переплетением и вмонтированных в эту решетку радиоантенн, телескопов и устройств непонятного назначения. Шлейф явно появился позже самого корабля, и его никак не обозначили на «внешних» картах, что было странно. Тимох успел рассмотреть разбитый в лом челнок с логотипом «крикунов» из «Службы Сенсаций» и подумал, что охотники за горячими сплетнями вряд ли добрались до места назначения.

Еще подумалось: не слишком ли много совпадений? Словно все делается так, чтобы как можно меньше внимания привлекать к белошвейкам.

Тем временем из сот решетчатого «хвоста» взлетела крохотная яркая иголочка, за ней – еще одна. Они бликнули так стремительно, что Тимох не признался бы и самому себе, что ему не померещились юркие челноки белошвеек.

Причалы «Галеры» обозначались белыми светодиодными контурами вокруг рабочих входов и оранжевыми вокруг «функционально ненадежных», попросту – заброшенных шлюзов. Оранжевых жаберных щелей больше. Эта рыба-кит оказалась не слишком-то здорова.

Через каждые десять шлюзов на обшивке корабля повторялась эмблема белошвеек: нагая женская фигура, за ней извилистые змеевидные лучи, исходящие из одного центра. Руки и ноги белошвейки раскинуты звездой, все тело вписано в окружность, словно молодая женщина устойчиво расположилась внутри обруча, упираясь в обод ладонями и ступнями.

Пилот подумал, что галерцы слишком старательно подновляют эмблемы – единственное, что надраено и блестит на шершавой коже планетоида, повидавшего время и космос.

Тимох выбрал исправный стыковочный модуль, ввел «Певень» внутрь и позвонил неизвестной Ксантиппе.

Оставалось надеяться, что полковник Петре не подвел и успел сообщить о его визите.

Глава вторая

Белошвейки

Вскоре он увидел эту госпожу.

Ксантиппа оказалась величественной и прямой, как колонна, словно космофлотская мода на антики наградила ее не только именем, но и статью кариатиды.

Госпожа белошвейка выглядела намного моложе, чем ожидал увидеть Тимох. (Если эта дама ровесница покойной прабабушки Талии, то она неплохо сохранилась!) Платье Ксантиппы водопадом складок мягко струилось до щиколоток. На «Галере», оказывается, женщины, по крайней мере такие, как наставница белошвеек, носили платья...

Волосы Ксантиппы, по словам Петре Браге, когда-то рыжие, прятались под высоким и сложным, с множеством заломов, головным убором, и выяснить, какого они цвета, не представлялось возможным. Атласно-белая перевязь спускалась с головного убора, закрывала подбородок и, несколько раз оборачиваясь вокруг шеи, оставляла открытым только породистое лицо Ксантиппы. Это лицо было обращено в сторону патрульного офицера: госпожа вежливо дожидалась гостя у входа в лифт. Лифт оказался внутренней пневмокабиной, и они ехали, поворачивая и петляя, все выше и выше. А затем Ксантиппа увела своего гостя в помещение, которое назвала рабочим кабинетом.

Тимох с любопытством принялся рассматривать рабочее место наставницы белошвеек. Он находился внутри цилиндра - высокого и просторного, даже чересчур просторного, чтобы служить обыкновенным кабинетом. По верхнему краю замкнутой в круг стены тянулись завитки серебряного и золотого цвета, тонко разделенные чернью, и повторялись, образуя плетистый орнамент. Обстановка помещения устарела, но была элегантно красива, как все, что сделано на заре межгалактических перемещений. В центре пустого, в общем-то, кабинета стояла пара легких сидений, тоже украшенных орнаментальным тиснением, да перед ними в полуметре от пола висела на прозрачном постаменте подставка для стержней многоканального голографического кубо-кубо.

Тимоху дали понять, что это - архив, хранилище данных.

Кубо-кубо плеснул цветами спектра, и патрульный увидел, как кабинет до отказа заполнился изображениями.

В воздухе густо ткались голограммы девушек и женщин, занятых работой где-то, возможно, по всем палубам корабля.

Тимох определил «Галеру» как гигантскую швейную мастерскую. Выбирая картинку и увеличивая ее, он разглядел символы планет, сопровождавшие изображения работниц. Оказывается, Ксантиппа имела доступ к данным, собранным со всех населенных миров.

- Наши швейные производства, - скупом промолвила неразговорчивая госпожа Ксантиппа. - Что конкретно вы хотите узнать, офицер?

- Я хотел бы понаблюдать за работой девушек...

- Вы хотите наблюдать или вникнуть?

- У вас найдется оборудование для быстрого погружения в суть дела?

- Я легко могу это устроить, офицер, - с легким пренебрежением пожала плечами госпожа. - Но зачем вам?

- Ищу дело по душе... - осклабился Тимох и понял, что неприятно уязвил главную белошвейку. Теперь отступать некуда. Он скрепился и настоял на том, чтобы его ввели в суть производства одежды.

Ксантиппа кивнула, причем Тимоху померещился злорадный блеск в ее глазах.

Она потребовала разуться и обнажить ступни.

Перспектива разуться смутила патрульного, он не привык видеть ноги вне пилотских ботинок. Пилоту, как мальчишке, захотелось сбежать, но он сдержался и стал выполнять распоряжение госпожи: щелкнул замками на щиколотках, затем расшнуровал и стянул с ног офицерские берцы.

Ксантиппа водрузила ему на голову глубокий закрытый шлем, поднесла небольшой баллон и распылила сенсорные датчики. Микродатчики с едва ощутимым электрическим покалыванием облепили тело пилота, особенно густо приклеившись к кистям рук и ступням. Инициатива патрульного капитана закончилась тем, что Тимоху довелось пережить смену за швейной машиной, лишь после этого, и ни минутой раньше, симулятор оставил в покое его мозг.

Он сначала неловко, но потом все более сноровисто подавал раскроенные заготовки под иглу, прокладывая строчки разного вида и назначения. Взмах, заготовка ложится под машину, выворачивание, припосаживание или собирание складок: быстро, быстро, еще быстрее... Он переходил на скоростные машины-оверлоки, которые коварно тянули ткань, резали край и забивались, требуя чистки и заправки. Не сразу, но он приноровился к работе на оверлоках и довольно ловко обметывал края заготовок. Потом спешил на другую машину и вшивал окантовку; вставлял застёжки всех видов, втачивал рукава, подлаживал и крепил на одежду магнитную ленту; расстрачивал швы, закреплял край коротким стежком... Он ломал иглы и заменял иглы. Он рвал машинную нить, портил сточку, порол шов – что оказалось невероятно долгой и самой нудной работой. Он неловко рассыпал заготовки, и приходилось заново сортировать и раскладывать их, тщательно следя, чтобы не сшить ткани разных оттенков. Он подбирал порванную нить, соображая, как заправить ее заново, щурясь, тянул нить сквозь систему пыльных наэлектризованных ходов-отверстий, у каждой машины своих. Ругался, сознавая, что цех укомплектован бросовым старьем и всю эту швейную машинерию пора на слом...

Строчил, строчил...

Когда Ксантиппа смилостивилась и сняла шлем симулятора с патрульного пилота, голова Тимоха отяжелела, спину, кисти рук и ступни, тоже занятые в работе, сводило от напряжения. Утомила монотонность процессов. В довершение всего, от постоянного всматривания глаза его устали и нещадно болели.

Тимох почувствовал, что утомлен, нет – совершенно измочален работой, которую привык считать простой. А ведь это – всего лишь одно занятие на тренажере!

Ему стало тоскливо от мысли, что женщины обречены на такую работу всю свою жизнь. Тот, кто давал имя этому космическому кораблю, хорошо знал значение слова «галера»!

Ксантиппа протянула ему табличку и несколько мелких кредиток. Тимох даже не сообразил, что получает первое жалованье в качестве швеи. Оказывается, тренажер отметил потенциал новичка. За смену Тимох способен сшить 4 костюма, 20 % дневного плана – в настоящий момент это предел его возможностей.

– Сколько?! – Тимох присмотрелся к цифрам, осознав ничтожность затраченных усилий. Объем работ, который делали женщины в швейных цехах, был огромным. От них требовалась высочайшая дисциплина и сосредоточенность. Пилот не выполнил и четверти дневного задания. Тимох подумал о профессиональном спорте, например, пентатоне, в котором отточность движений и их скорость оплачивались очень и очень высоко.

Он произнес:

– Это невероятно тяжелый труд. Сколько девушкам платят за их работу?

Ксантиппа не стала скрывать.

– Что?! – Тимох снова не удержался от удивления. – В вашем ведомстве все в порядке? Труд ваших девушек по интенсивности можно сравнить с работой пилота рейсового погрузчика, но ребята так выматываются не всегда, разве что в день аврала перед стартом флотилии.

И пилот погрузчика – одна из самых высокооплачиваемых профессий! А что я вижу

здесь?

Он ткнул офицерским хлыстом в жалкую цифру в нижнем углу «Технологической карты», где был расписан цикл выполнения изделия по операциям с указанием секунд, которые отводятся на каждую часть работы. Цифра внизу обозначала стоимость пошива одной мужской робы.

Сказал возмущенно:

– Нет, я понимаю: это число прирастает разными надбавками, увеличиваясь раз в... – Тимох прикинул обычную схему начисления вознаграждения: – Раза в два увеличиваем, считаем... но все равно, доход девушек пустяковый! Смешной заработок! Недостойный заработок!

– Офицер, здесь указана конечная плата за труд швеи, – ответила Ксантиппа. – Девочкам нужно много, очень много работать, чтобы обеспечить себя едой.

Тимох замолчал, пораженный.

А потом недоверчиво расхохотался:

– Обеспечить себя едой?! На кораблях эскадры нет голодных! Еда, тепло, свет, воздух и средства защиты положены любому по праву рождения.

– Значит, на «Галеру» эта привилегия не распространяется... – прошелестела госпожа.

Тимох резко хлопнул в ладоши.

Изображения работающих женщин, наполнявшие пространство кабинета, истаяли, распылившись искрами.

Ответ Ксантиппы его шокировал. Все увиденное противоречило привычным представлениям об обществе Звездного Содружества.

Это была совсем другая реальность.

Это была «Галера».

Ксантиппа оценивающе смотрела на патрульного, совсем недавно собиравшегося лететь в неизвестность за пропавшей мастерицей. Тимох выдержал ее взгляд. Он твердо решил составить собственное мнение о белошвейках.

«Галера», какую ему показали, не вязалась с романтическим представлением о принцессах космоса. Может, члены партии «Сила» говорят правду и белошвейки всего-навсего «операторы космических перемещений» – работницы низшего звена? И тайны зоны эпсилон не существует вовсе, а есть обыкновенная халатность туповатой девчонки, занятой созданием наряда – пространственного туннеля? И высокие напряжения космических энергий иногда приводят к тому, что первая мастерица исчезает бесследно...

Нет. Все-таки он должен сам разобраться и сделать выводы.

Он повесил на спинку стула именной хлыст, что, в общем-то, делать запрещено – хлыст всегда с офицером, но внутреннее уставное правило вряд ли знают на «Галере».

Проницательная госпожа правильно оценила его жест.

Он почувствовал это по вежливому движению век и кивку горделивой головы.

Ксантиппа вызвала старую, как и сам корабль, но вполне бодрую тележку с припасами, извлекла из ее недр пенал с чайными принадлежностями, крохотный заварочный чайник, две чашки и уютный подогреватель с живым огнем, плясавшим маленьким веселым божком внутри керамической грелки. Чашки были небольшие, но все же крупнее кукольного чайника.

Госпожа по-хозяйски плеснула заварку на дно чашек и разбавила ее кипятком из водогрейки. Струйки пара поднялись от жидкости, заигравшей всеми оттенками

зеленого. Ксантиппа поместила чашки на теплую поверхность подогревателя и стала помешивать напиток палочками трех видов по очереди. Эта часть церемонии, неизвестная патрульному пилоту, вызвала у него живейший интерес. Сначала госпожа пустила в ход черную палочку с небольшой лопаткой на конце. Погруженная в чай палочка задымилась, источая запах дерева, породу и происхождение которого пилот знать не мог. Затем Ксантиппа воспользовалась зелено-белой парой палочек, задерживая их в чашках и встряхивая. От помешиваний зеленый цвет жидкости стал насыщеннее, переходя от салатного к малахитовому, и тем сильнее проявлялся ни с чем не сравнимый аромат напитка.

Пилот с удовольствием потянул воздух носом: так пахнет нежнолист из системы Сириуса. А чашки, судя по росписям, местной работы – с Ило Семилунного. Почтенной белошвейке кто-то шлет такие дорогие подарки? Уж не полковник ли Петре Браге? Молодец, седоусый!

«Узнать бы еще, как в серой массе забытых и бесправных швей находят мастериц, – размышлял Тимох, смакуя чай. – Не просто умелиц, но белошвеек – звездных принцесс, повелительниц торсионных полей».

Любезность никогда не бывает лишней в общении с женщинами.

– Как вам живется? – спросил он госпожу после паузы, стараясь быть обходительным, и с наслаждением потянул в себя богатую оттенками вкуса жидкость, а потом вернул хрупкую чашку, которую держал одним пальцем (больше не помещалось в крохотном фарфоровом ушке) на подогреватель.

Нежнолист истаял во рту, оставив яркое послевкусие на языке.

– В целом они довольны, – ответила Ксантиппа, тоже под впечатлением от чая, и повела головой в сторону пестрого роя изображений, медленно вращавшихся по спирали над спицами кубо-кубо.

Она явно гордилась дорогим угощением, которое подала гостю.

Тимох снова посмаковал чай, заодно полюбовался на семь улыбающихся лун на боку расписной чашки и заметил, что госпожа, как те луны, находится в самом наилучшем расположении духа. Тимох украдкой глянул на себя в отражении столешницы. Только он в счастливой компании лун и Ксантиппы сидит насупленный.

– Вы говорите, они довольны? Они, работающие за еду?

– Здесь есть и другие.

Он повел ногтем по расписному ободу чашки.

– А эти, другие, работают за еду и одежду?

– И зрелища, – медленный кивок горделивой головы.

Тимох запрятал глубоко внутрь горький сарказм:

– Я предполагаю, на «Галере» некому читать книги? Никто не путешествует, не исследует новое, не совершает открытия, не занимается спортом, не интересуется искусством, не творит?

Ему пришло на ум космофлотское поверье: «Белошвейки не умеют читать, берегут чуйку».

Госпожа ответила:

– Зачем? Здесь есть кубо-кубо, и люди, заполняющие кубо информацией и развлечениями, адресуют свой труд и нам тоже. Этого недостаточно?

Патрульный капитан почувствовал, что ментально залип.

«А Петре Браге хитер! Коварен, как фиал Ило Семи-лунного!» Полковник знал, что делал, когда отправил его к Ксантиппе. «Смотри, любуйся, патрульный пилот Тимох! Ты

рвешься спасти одну из этого сонма рабочих муравьев, бросив доверенный тебе участок космоса и подчиненных ребят. Ты ставишь на кон карьеру и честь офицера, свой корабль, свою жизнь! Хорошо подумай, стоит ли того смазливая девчонка».

- Жизнь приобретает смысл только тогда, когда мы ее делаем сами, - дерзко заявил он.

- Вы знаете, как это можно было бы устроить на «Галере»? А кто будет одевать людей?

Тимох потер лоб ладонью и признался:

- Я почему-то преувеличивал роль синтезаторов в этом деле...

- Синтезатор - статусная игрушка. Эффектная настолько, что очарованные пользователи забывают о себестоимости вещей, сделанных синтезатором. На четыре костюма, которые вы, пилот, сшили бы за смену, синтезатор израсходовал бы половину дневного ресурса такого корабля, как ваш «Певень».

Он согласился. Госпожа умела считать, и в здравомыслии ей не откажешь.

- Я всегда был уверен, что именно из швей выбирают белошвеек. Хм, и я не один на кораблях Звездного флота думаю так, - признался он величественному профилю госпожи.

- И что вас разубедило в этом? - невозмутимо ответила Ксантиппа, уловив сомнения в голосе гостя.

Тимох открыл было рот, но тут же захлопнул.

Похоже, его разыгрывают.

- Вам не понравилось то, что вы увидели? - повернула к нему голову Ксантиппа.

- Да! - резко ответил пилот, наплевав на вежливость, и опустевшая чашка в его руке жалобно звякнула о столешницу сервировочной тележки, из недр которой тотчас же вытянулся гибкий щуп и утащил чашку - обследовать на наличие трещин.

- «Растут цветы в садах и в землях диких...» - задумчиво произнесла госпожа. Она цитировала кого-то, Тимоху неизвестного. Но смысл он уловил.

Ксантиппа продолжала:

- Ваше предположение правильно, офицер. В этой части космофлотские слухи не врут. Белошвеек действительно выбирают среди обыкновенных работниц, это главное и неперемное условие, и это положено не нами. Чтобы стать белошвейкой, девушка сначала должна научиться безупречно шить. Это традиция. Она должна стать мастерицей еще до того, как будет выбрана в белошвейки. Невозможно предугадать заранее, какой наряд ей доведется творить. К тому же швейное дело собирает женщин с определенными, существенными для работы с торсионными полями качествами.

«Белошвейки, в понимании пожилой госпожи, став хозяйками торсионных полей, продолжают заниматься шитьем?» - подумал Тимох. Забавно! Не просто забавно - смешно! Нелепо до комизма. Одно дело - назвать непомерно длинные и остроносые корабли белошвеек «Игла», другое дело - с серьезной миной убеждать офицера, выпускника Академии, что мастерицы реально заняты шиванием гравитационных полей! Это все равно, как если бы прошивка индивидуальных аппаратов для связи на планетах на самом деле выглядела бы как застрачивание, собирание в складки и выворачивание электронных микросхем.

И ведь нечего возразить... Во всех поисковых системах информация о работе белошвеек ограничивается космофлотским фольклором.

Он иначе поставил вопрос:

- Скажите, как вы определяете, кто из швей делает карьеру?

Кубо-кубо засиял, разбрасывая во все стороны крохотные смерчи искр. Ксантиппа позволила изображениям девушек снова заполнить весь объем кабинета и произнесла:

- Думаю, у вас тоже получится обнаружить ту, которая может стать белошвейкой. В этом нет ничего сверхъестественного. Внимательно наблюдайте за всеми девушками и сообщайте мне, если что-то остановит ваше внимание.

Тимох вернул хлыст на запястье, развернул стул так, что тот занял место в самом центре кабинета, уселся задом наперед и принялся вглядываться в женские изображения. Ему показалось... нет, через некоторое время он уверился, что девушки отупели от работы. Их лица не выражали ничего, кроме усталости и безразличия; веки были полуопущены, что старило их и добавляло сходства с механизмами. Работницы сосредоточенно всматривались в то, что привычно делали их руки, подавая ткань, стремительно вертя под иглой и доставая отшитую часть.

- Эти ваши девушки... немного не такие, как женщины Звездного флота. Не могу понять, в чем отличие...

Они э-э-э... я не могу подобрать слово для человека, который покорно и терпеливо сносит свою участь...

- В старину таких называли «смиранные» и «кроткие», - охотно подсказала госпожа потеплевшим голосом.

- Кроткие, - посмаковал слово Тимох. - Еще я не вижу рисунков на их коже. Да, точно! Девочки не могут себе позволить татуировки, или это какая-то религия?

- Ни то, ни другое. Эти девушки уже прошли первый отбор по внешним признакам. У них нет искусственных знаков на теле. Меченые не годятся. Метка - знак принадлежности, инициации. Белошвейка должна быть с нетронутой кожей, - изрекла Ксантиппа. По ее тону Тимох догадался, что она говорит о заурядном украшении тела как о чем-то, что мешает работать с торсионными полями.

Изображения таяли, уступая место новым.

Вот девушка с крашеным хохолком вьющихся волос на темени и бритыми висками. Она время от времени мечтательно поднимает глаза, и ее лицо приобретает ждущее выражение. Наверняка там, куда смотрит девушка, «окна» - виды местной планеты на экране, и она заглядывается на пейзажи.

Тимох взглянул на Ксантиппу.

Госпожа поворотом головы дала понять - по ее мнению, гость должен был разглядеть будущую белошвейку. За неимением лучшего, Тимох указал на девчонку с хохолком волос:

- Кроме этой мечтательницы или лентяйки, не вижу ничего интересного.

- Вы угадали. Она ловкая девушка, в работу вникла быстро. Зря укоротила волосы, - зачем-то добавила Ксантиппа. - Один малый перелет назад ее завербовали на звездный флот и отправили на «Галеру» - сейчас как раз готовят новую группу белошвеек. ...Еще хотите поучаствовать?

Тимох кивнул и снова занялся поиском белошвейки.

Ничего не складывалось.

У большинства девушек были сосредоточенные лица, лишены всякого выражения. Две девчонки болтали... нет, переругивались - значит, сидят в одном цеху. Где-то, возможно за сотни парсеков, по цеху ходила статная женщина с венком каштановых кос на голове, приветливо склонялась к швеям, садилась за их машинки, помогала беднякам, зашившимся окончательно, поднималась и шла дальше. «Наставница. Хороша! Но в белошвейки ей поздно», - решил Тимох.

Появилось изображение девчонки в старомодных наушниках. Она с охалкой заготовок шустрой козой скакала от машинки к машинке, улыбалась и шевелила губами, наверное, напевала. Остальные лица не запомнились в сонме изображений. Терять было нечего, Тимох показал на девчонку в наушниках.

Ксантиппа удостоила его похвалы.

- Вы на правильном пути! - сказала она. - Впрочем, вы проглядели Настасею («наставница» в венке каштановых волос) и эту девушку. - Она указала на одну из двух ругавшихся малолетних мегер.

- Склочная белошвейка? - рассмеялся пилот.

- Нет, другой случай, - спокойно разъяснила Ксантиппа. - Прямодушная и честная девочка, в настоящем времени - одна из лучших мастериц. Вы видели, как она отстаивала свое мнение. Она рано осиротела и оказалась на «Галере» благодаря социальной программе, но сберегла в себе лучшее, что успела дать ей семья.

- Я так понимаю, в белошвейки попадают те, кто не успел окончательно отупеть?

- Мы отбираем индивидуальности. Дальше выбирают ОНИ, - госпожа выразительно отвернулась, недовольная выводом гостя, и отправила тележку с чайным прибором прочь из кабинета.

Тимох решил, что беседа закончена и больше он не добьется от Ксантиппы ничего, что могло бы ему пригодиться в поисках мастерицы.

Отклонялся с мыслью, что побывал в женском цветнике, но так ничего для себя и не вынес. Нежно-розовая пышногрудая белошвейка нуждалась в помощи, а он бездарно тратил время...

Но перед входом в лифт запоздалая догадка заставила пилота развернуться, и Тимох пошел, почти побежал - обратно. К госпоже. Ксантиппе.

Он успел много раз обругать себя за то, что поздно додумался до такой простой мысли: путеводная нить - тахионный след рабочего корабля белошвейки, - ведь она, эта нить, видна не только пилотам Звездного флота!

Если зона эпсилон - реальность, то нитью должны интересоваться подружки пропавшей и, прежде всего, вторая мастерица! Если же путеводная нить их не интересует, то верно говорят противники белошвейек: на самом деле изнанка мира - выдумка, новое название того, о чем раньше говорили «слепой случай». А зона эпсилон - легенда, прижившаяся на Звездном флоте.

- Госпожа Ксантиппа! - сказал, запыхавшись, Тимох и козырнул. - Понимаю, что просить об этом не вправе, но все-таки, скажите: есть ли шанс для такого, как я, наблюдать работу второй мастерицы на месте, в ее челноке? Запрещает ли это ваша традиция?

Бесстрастная Ксантиппа на этот раз не стала скрывать удивление:

- Зачем это вам, молодой человек?

- Чтобы в следующем воплощении не тратить впустую отпущенное мне время жизни и разгадать тайну зоны эпсилон!

Тимох философски вздохнул.

- Ваше полное имя, пилот?

- Тимох Рей Гвен Тимофей Ило Семилунен.

- Так. Четвертое поколение поселенцев Ило Семи-лунного. Вас назвали в честь прадеда-первопроходца, именуют старым вариантом имени. Будьте добры, офицер, напишите, как на самом деле звучало имя вашего прадеда? Если семейная традиция сохранила фонетику произношения.

- Конечно! - как само собой разумеющееся ответил Тимох. - Меня зовут так, как звучала краткая форма имени Тимофей. Это, знаете ли, один из языков планеты-матери, мне нужно использовать два регистра, кириллицу и латиницу. На вашем кубо это возможно? Вижу, есть. - Он набрал: «Цімох».

- Молодой человек, я знаю кое-что именно об этом языке. Немного, но знаю. Могу

перевести название вашего патрульного корабля.

- О?! - только и нашелся офицер.

- Певень - это птица, возвещающая зарю. Птица живет на Земле, и с птицей связано множество легенд. Певню приписывалось свойство разгонять ужасы ночи.

- Певень будит солнце! - вставил Тимох, не скрывая гордости за свой корабль - он любил «Певня» за все, и за славное имя тоже.

- А еще у этой птицы задиристый и упрямый нрав.

- Это по мне! - хохотнул Тимох.

- И еще певень - хозяин и защитник стайки самочек, - поддержала Ксантиппа, про себя подумав: «Надо же, как все складно!»

Патрульный отшутился:

- Вот и я давненько подумываю, не переименовать ли восемь кораблей моего взвода в «Курочек», да по номерам?

- Молодец! - ответила старая белошвейка. Метнула на пилота оценивающий взор, ее губы дрогнули и уголки рта растянулись. Тимох не сразу понял, что госпожа удостоила его улыбки.

- Ваши предки, судя по имени, все с Ило Семилунного?

- Одна прабабушка эриданка.

- Похвально. Вы искренни и честны, как все жители Ило. Плюс эриданская кровь в ваших жилах... Интересное сочетание... Впрочем, теперь мне многое понятно: вы последовательны в своих намерениях, и я обязана вам помочь. «Певень», «Певень»... - Госпожа в задумчивости словно покатила слово на языке и буркнула в сторону: - Надо же - певень!

Сделав пилоту знак молчать, Ксантиппа выкрикнула имя в пустоту ячеистого цилиндра кабинета:

- Анна! А-ан-на! Анна? Анна-а-а!!! - повторила, словно распевая, на разные лады.

- Я нужна вам, госпожа Ксантиппа? - ответил четкий и чистый женский голос холодноватого тембра, обволакивая звуком пилота и старую белошвейку. Тимоху показалось, у него завибрировали не только ушные перепонки, но и диафрагма.

- Анна, девочка моя, пожалуйста, если ты близко, прими у себя офицера патрульной службы...

- Патрульный офицер Звездного флота капитан Тимох, сын Рея, сына Гвена-Тимофея! Ило Семилунен! - бодро крикнул Тимох, рассчитывая, что будет услышан обладательницей голоса.

- Я уже рядом, - ответил льдистый голос после трехсекундной паузы. - Швартоваться буду в зоне тридцать.

- Откуда прибыла? - спросила Ксантиппа.

- Вы застали меня за орбитой Темного Ило.

- Молодец! - отозвалась Ксантиппа, как будто мгновенное перемещение челнока на два с половиной парсека из-за орбиты внешней планеты - обычное дело. Вроде как прыгнуть со ступеньки на ступеньку.

«Ай да белошвейки!»

- Здравствуйте, капитан Тимох Рей Гвен Тимофей Ило Семилунен. Меня зовут Анна, мой челнок ждет вас у семнадцатого причала, зона тридцать. Карантин не нужен. Код

доступа не нужен, я встречу вас.

Гм, эта льдинка так сразу повторила его имя? И ничего не перепутала? По крайней мере, она не лишена музыкального слуха!

Тимох поспешил к причалу, гадая, как выглядит вторая белошвейка? То, что она не похожа на пропавшую белль, он знал совершенно точно.

Глава третья

Глаза в глаза

Вторая белошвейка – строгая, правильная.

Открыла входной шлюз, кивнула головой вместо приветствия, поправила блестящие косы и вернулась к работе в прозрачной сфере, миниатюрной копии здешнего сектора космоса. В пути от кабинета Ксантиппы до семнадцатого причала Тимох, волочась в допотопном галерском ау-то, тормозившем на каждом повороте туннелей, обдумал, как объяснит свой визит. Но шагнул в диафрагму входа «Иглы-2» и почувствовал, что фонтан красноречия перемкнуло.

Он уставился на девушку с оливковой кожей, пытаюсь определить, что именно так поразило в ее внешности?

Черты лица второй белошвейки были мелкие, но абсолютно пропорциональные для ее небольшой головы, длинной шеи и тонкого гибкого тела с выраженным, как у гимнастки, прогибом спины и прямым разворотом плеч. Глаза ее он не мог видеть из-за манеры белошвеек не поднимать взор на собеседника. Эти глаза, полуприкрытые нежными веками, обрамляли густые и совершенно прямые ресницы. Поэтому лицо Анны казалось поделенным на две части: лоб и переносица хорошо освещены, затем частокол – ресницы и еще более длинные тени от них, лежащие на гладких щеках, а под горизонтальной чертой ресниц – крепкий кукольный подбородок и сочные, твердо сжатые губы.

Тимох проямлил дежурное приветствие.

Опахала ресниц нетерпеливо качнулись, вернулись в горизонтальное положение, и Тимох почувствовал досаду оттого, что девушка перед ним так и не взглянула в лицо своего гостя.

Патрульным пилотам больше, чем кому-нибудь в Звездном флоте, везло на видеоконтакты с мастерицами. Прямых взглядов во время видеосвязи не было, но пилот мог наблюдать белошвейку в движении, видеть ее глаза, когда белль поворачивалась вполборота или смотрела в сторону, и Тимох ни разу не чувствовал барьера между собой и принцессами-белошвейками. А на этом свидании все пошло не так. Его впустили, но впустить – не значит принять.

Он сидел в кресле, на которое указала Анна, притихший и растерянный.

Текли минуты.

Кубо-кубо «Иглы-2» показывал музыкантов, темпераментно пиливших смычками электронные инструменты. Виолончель, больше похожая на вензель, по мнению Тимоха, должна была с минуты на минуту развалиться в руках полуголой виолончелистки, помнившей о своих ногах в блестящих чулках больше, чем об инструменте.

Запись шла беззвучно, а где на этом корабле звуковая система, патрульный не определил. Он сунул палец в голограмму кубо-кубо и прослушал несколько пассажей, сделавшихся слышными только для него. Музыка и впрямь звучала грозно, не зря скрипач напрягал скрипку и раскачивался: исполняли марш Монтекки и Капулетти Прокофьева. Тимох прочитал это. Сам он никогда не слышал такую тему.

Он вынул палец из кубо, откинулся в кресле и еще подождал.

«Анна, Анна, Анна», – повторял Тимох про себя, томясь в чужом корабле от вынужденного безделья.

Что делает белошвейка – непонятно. Кисти рук снуют туда и сюда, подбирают что-то едва различимое, прикладывают, подтягивают или припосаживают. Что можно шить в звездной сфере? Как этот замысловатый танец пальцев связан с торсионными полями? Сейчас она словно перебирала незримую нить, осторожно подтягивая ее.

Крохотный челнок второй белошвейки назывался «Игла-2».

Естественно, как же еще ему называться?

Логотип с названием маячил светодиодным кругляшом на всех приборах. Начинка «Иглы» кстати, супер. Ее обслуживал квантовый «АДРОН». Тимох не поверил глазам, уставившись на крохотные черные буквы и ряд цифр – марку белошвейкиного кормчего. Интересно, многие ли знали об этом? «АДРОНов» во всем Звездном флоте – по пальцам пересчитать. Если быть точным, вообще никто их не видел, говорили только, что они имеются на кораблях эскадры. Вот, значит, на каких кораблях...

Тогда получалось, Ксантиппа не верила в его, Тимоха, возвращение. Капитана патрульной службы не впустили бы в челнок, на котором, словно обыкновенная хлебопечь, установлен легендарный супермозг. Раз пилот допущен лицезреть «АДРОН», значит, его заранее записали в покойники – эти ребята, с присягой или без, никогда не выносили важные секреты.

Патрульный «Певень» – отличный корабль, но довольствовался стариной «ЮН-3». А «ЮН» не шел ни в какое сравнение с «АДРОНОм», оперирующим троичным кодом. Что происходит в недрах «АДРОНа» – знал только Великий Космос. Возможно, правы те, кто утверждал, что эта штуковина способна напрямую общаться с мирозданием.

Тимох вздохнул.

Пока вопросов только прибывало.

И вопросы непростые, и касались они не только пропавшей мастерицы.

«Ан-на-а-а»...

Имя второй белошвейки звучит гулким колоколом.

Наверное, потому что юбка у нее – колокол.

Белошвейки – они такие, носят исключительно юбки. Половина анекдотов у космофлотских связана с редкими, как дождь в пустыне, появлениями белошвеек на кораблях эскадры.

Шутят...

Понятно, насчет чего шутят. Кружева под подолом и прочие тайны...

Диковатые белошвейки ходят гуськом, все, как одна, длинноволосые, юные да в юбках, – поглазеть на них не бежит только слепой и безногий. Но подойти боятся. Эти скромницы управляются с торсионными полями, а торси запросто швыряют дюжины кораблей через полгалактики, и потому Устав предусматривает особый регламент общения с белошвейками. Только командир звездолета может вести переговоры и улаживать рабочие ситуации с ними. В отсутствие командира – только его помощник.

Анна.

Анна... Русые косы перевиты лентами и скреплены парой ярких пластиковых зажимов для совсем мелких девчонок.

Тимох пялился на русые косы и на зажимы с дурацкими пластиковыми жуками.

Жуки, все четыре, по двое на косу, ехидно скалились ему. Еще бы жучарам не скалиться – ледышка совсем забыла о своем госте.

Стоило пилоту подумать об этом, белошвейка оглянулась, выдвинулась вместе со стулом из звездной сферы и повернулась к нему:

– Здесь есть игры, есть видео и есть душ, капитан Тимох Рей Гвен Тимофеев.

– Тебе можно просто – Тим.

Она отбрила его заход:

– Можете провести время с большей пользой, пока я заканчиваю работу. Я спешу.

Тимох покраснел.

«Я спешу! Капитан, умойтесь! Я приготовлю для вас свежий кружевной наряд!..» – «слушай, ты, малышка, теперь-то уж точно я сделаю все, чтобы вернуться из эпс, и анекдотов о белошвейках станет больше – клянусь!»

Тимох хотел остаться на месте, но вспомнил острые пики-ресницы и украдкой обнюхал пилотскую форму. И правда, пора в душ...

Когда покинул кабинку, обдавшую его веселенькой радужной пеной, почувствовал, что благоухает из-под заношенной униформы как надушенный мяо.

Белошвейка все шила.

Тимох утомился вежливо ждать.

Наконец она остановилась. Пилот не мог не заметить, что девушка измотана долгой работой. Недавно он сам прошел каторгу за швейной машиной и теперь очень даже понимал белошвейку.

Анна провела ладонью по лбу, сдвинув прядь волос. Сказала, избегая прямого взора:

– Боль по Мриечке не стихает. – Она произнесла это сдержанно. – Прошло шесть часов после ее исчезновения, я не прекращала работу больше, чем на минуту. Я пыталась спасти ее, но у меня ничего не вышло.

– Я верну тебе подружку! – брякнул Тимох и украдкой поморщился от фальшивого мажора в собственном голосе.

Ученые ссылаются на...

В бездну всех ученых! Хоть одной пропавшей девчонке помогли их заумные теории?

Нельзя огорчать белошвеек. Это не прописано в Уставе космофлота, а надо бы. Жирным курсивом: «Берегите белошвеек! От них зависит слишком многое!» И ведь, йло, все это понимают. Чувствуют истинный расклад сил, но не говорят. Храблятся, но не признаются, что с настороженностью относятся к девушкам, которых торси выбрали себе в хозяйки.

Патрульный, кивнув на экран, произнес:

– Почему складки пространства легли так, а не иначе? – Спросил, чтобы перевести разговор.

И прикусил язык.

Белошвейки не знают, что творят, имеют право не знать, не их ума дело. Считается, что девушки воображают будущий наряд и снаряжают корабли, как придумают. Белошвеек до сих пор вербуют больше на Земле. Что-то особенное наследуют девушки, рожденные на планете-матери, с которой началось заселение космоса. В былинные времена мастерицам было проще; они из поколения в поколение повторяли ритуальное двухмерное шитье, напутствовали уезжавших: «Скатертью дорога!» – и для путешествий по двухмерной плоскости этого хватало. Наверное.

Должно быть, хватало. Конечно, это была всего-то поэзия их жизни, какая там наука, но... Кто может знать точно? Древние секреты уже не раз открывали заново...

Анна вернула его в настоящее:

– Вас интересует природа гравитационных складок?

Тимох спрятал удивление:

– Ты знаешь начала астрофизики?

И как теперь быть со слухами, мол, белошвейки едва умеют читать – берегут чуйку?

- Мы с Мриечкой хотели учиться и самостоятельно готовились по учебникам.

Он кивнул.

А нечего ответить - белошвеек не ждут в вузах Звездного Содружества. Хорошая шутка: ученая белошвейка. Таракан-философ. Рыба-астроном...

- И что же вы с Мрией поняли из учебников для высшей школы?

- Гравитация - это искривление пространства и времени под влиянием массивных объектов. Любая планета на орбите находится в искривленном пространстве, окружающем звезду. Планета движется в этом пространстве, как шарик в колесе рулетки. Энергия материи всегда трансформируется в энергию искривленного пространства-времени. Энергия переходит из одного вида в другой, но не исчезает. Так учил Эйнштейн.

Анна солидно (Тимох хмыкнул - прям будущая госпожа Ксантиппа!) направила ресницы в сторону миниатюрной копии здешнего космоса со звездой Ило-Соло в центре:

- Возле каждой звезды мы имеем искривленное пространство-время с заключенным в нем колоссальным количеством энергии. С помощью этой энергии, организуя особым образом торсионные поля, мы действуем на объекты вселенной, приближая их.

Тимох выронил хлыст и чуть не подавился доброй порцией жвачки, которую мочалил во рту, спасаясь от скуки:

- Типа вы приблизили к системе Ило-Соло Фомальгаут с планетами?!

- Немного не успели. Но вы все правильно поняли.

«Правильно понял?! Ну, спасибо, белль!»

Некоторое время Тимох молчал, переваривая новый факт - белошвейки не глупы. По крайней мере, белль первой триады.

Спросил вторую мастерицу:

- Ты должна занять место Мрии?

- Если торсионы примут меня как замену.

Пилота неприятно кольнуло воспоминание о том, что у эмблем на боках планетоида «Галера» были слишком разные женские лица. Портретное сходство с погибшими белль, что ли? Анна с большой степенью вероятности может разделить судьбу подруги. А его уже не будет рядом...

Они снова помолчали.

- Анна, почему Мрия не смогла организовать пространство... там?

Белошвейка влажно блеснула на него густо-синими глазами, а Тимох даже и не вздрогнул (а ведь каждый юнец проживал возраст горячих мечтаний о контакте с прелестной белль). Только удивился: почему-то не думал, что у второй мастерицы глаза - синего цвета, как небо ее планеты.

- Мрия беременна, - прошелестела голосом Анна. - Я уверена: что-то случилось. Должно быть, роды начались раньше времени. Все так неудачно совпало - и это страшно. Этого не должно было произойти! Только не с Мрией! Несчастная малютка - родился, чтобы погибнуть...

Пилот снова растерянно замолчал, не в первый раз за этот день.

«Такое, значит, бывает и у принцесс...»

- Зачем вы об этом спросили? - Анна была расстроена, губы кривились, голос дрожал,

опахала ресниц потемнели и потяжелели от влаги. – Почему вы здесь? Что привело вас к нам? Вы пишете исследование?

Уязвленный Тимох вскочил, жарко залившись краской до кончиков ушей:

– Мой «Певень» отправится в эпсилон по следу мастерицы, как только будет закончена его дозаправка. Я не успею надоест тебе, белль. Мне остался час.

Мокрые от слез глаза Анны расширились. Белошвейка отпрянула в смущении:

– Простите, офицер! Ради великого космоса, простите меня! Попытки спасти белошвейку делали так редко!

О нас предпочитают забыть. В последний раз за мастерицей отправился Рудуш, пилот «Рамакришны», это было много лет тому назад. Но мы все помним. Мы храним имена смельчаков в своей летописи, девушки вплетают их в кружево нарядов.

– Что ж, извини. Прибавлю вам, девушки, работы. Я иланец, а у иланцев традиционно длинные имена. Да ты и сама знаешь...

Анна быстрым движением ладоней вытерла мокрые ресницы, похлопала себя по щекам и неожиданно распорядилась:

– Пойдемте!

Увлекла Тимоха к сфере и подтолкнула внутрь. Можно сказать, ткнула в звезды носом.

Он невольно зажмурился: «А вдруг звезды... того... колючие?» У пилота были на это кое-какие основания: «АДРОН» поддерживал в сфере космическую проекцию невероятной четкости и детализации. Тимох удивился, что каким-то образом различает знакомый рой звезд, он мог даже назвать его: поток Арктура. Разные по возрасту звезды летят в нем со сходными скоростями и в одном направлении. Вокруг этих газовых костров не нашлось годных для колонизации планет, но поток Арктура входил во все учебные программы, потому что более пятидесяти его неметаллических звезд когда-то были захвачены Млечным путем, поглотившим чужую галактику. Теперь эти звезды двигались прямо перед лицом пилота.

Патрульный офицер шагнул внутрь, сквозь поток Арктура, ближе к Дагону и Флаю – планетам Фомальгаута, остерегаясь бесчеловечной яркости альфа Денеба и каким-то невероятным образом охватывая взором галактику с далекими Солнцем, Кеплер и Глизе, окруженными выводками планет, бету Пегаса с Беллерофонтом и сонмы других звезд и планет Млечного Пути. Затем сердце пилота дернулось высоко, к самому горлу. А он – он провалился.

Вниз.

В бесконечность космоса.

Тимох стремительно падал сквозь галактики и туманности, ускоряясь все больше и больше, близкий к обморочному состоянию от невозможности дышать. Хозяйка «Иглы-2» обняла его, прижалась к спине. Женское тело, руки белошвейки, крепко обхватившие торс и сомкнутые на животе пилота, были реальными и горячими. Как только он сумел осознать присутствие белль и обуздать животный ужас, страх внезапного падения отступил, словно Тимох проснулся и прервался кошмар.

«Эй, патрульный, хоть под самый занавес, но к тебе клеится суперская девчонка, чувствуешь? – подумал Тимох, стяхнув наваждение. – Еще как чувствую!»

Осмелев, он положил свои ладони поверх сцепленных пальцев Анны и вслушался в то, что над самым ухом говорила белль, обращаясь к кому угодно, но явно не к пилоту.

Оказывается, Анна знакомила звезды с ним.

– Этот человек полетит вдоль нити на границу мира и дальше. Он летит за Мрией! – решительно заявила белошвейка.

Сфера рванулась навстречу всеми звездами, скоплениями, парсеками пустоты, квазарами и туманностями – они вдвоем летели обратно, но страха уже не было. Когда крохотное солнце Ило-Соло снова засияло в дюйме от лица, Тимох понял, что все во вселенной вернулось на свои места и пришло в равновесие.

– Уф-ф! – облегченно вздохнула Анна, выдергивая пилота из сферы так же быстро, как затолкала внутрь звездной проекции. Она продолжала поддерживать его сзади: пилот покачнулся, не сразу восстановив равновесие.

Тимох, которого слегка подташнивало, отметил показания часов на борту челнока. По ощущениям, падение длилось несколько мгновений и таким же секундным было возвращение, на деле же полет в пустоте обернулся четвертью часа реального времени, и ему пора возвращаться на «Певень».

Белошвейка сказала:

– Хорошее начало! Офицер Тимох Рей, я оставляю эскадру Звездного флота и последую за вами. Я буду наряжать «Певень» столько раз, сколько понадобится для того, чтобы осторожно вторгнуться в эпсилон. Если вы сохраните нить, я придумаю, как вернуть вас обратно.

Тимох, ошалевший от внезапного приключения, плохо слышал ее напутствие.

Он разглядывал губы белошвейки и крупный жемчуг зубов. Он помнил горячее кольцо ее рук и подумал, что не прочь провалиться в звездную бездну еще раз. Только чтобы снова – в обнимку...

Опомнился, когда Анна указала ему на выход:

– Офицер, вам пора. Мне надо работать.

До Тимоха не сразу дошло, что это – все.

Оказавшись перед входной мембраной, он обернулся и понял, что не уйдет. По крайней мере не сейчас, когда хозяйка, забыв о госте, стоит к нему спиной.

У ног белошвейки лежала снятая юбка-колокол. Под юбкой оказалась еще одна: тесные складки, обшитые чем-то волнующе пышным, похожим на перья с брюшка иланских лебедей. Вторая юбка тоже пала долу, открыв взору то, что привело Тимоха в полное восхищение. Анна расстегнула застёжки на плечах, и остатки одежды скользнули вниз. Белошвейка вошла в звездную сферу, нетерпеливо пульсировавшую, словно любовник, в томительном ожидании.

«Стоять!» – приказал себе патрульный. «У тебя есть время! Времени у тебя – навалом!» – за сердце весело отчитался пульс пилота.

Девушка в сфере расплела косы, мотнула головой, и каскад волос плеснул, рассыпаясь, закрыл плечи, лопатки, ложбинку вдоль позвоночника. Полукружия ягодиц совершенной формы мелькнули и исчезли за ширмой волос. «Какая жалость!» Волосы стали наэлектризовываться – иначе трудно объяснить то, что теперь каждый по отдельности волос, словно волнистый луч на эмблеме, исходил из общего центра – головы мастерицы, испуская свет. Тимох убедился, что эмблема на кораблях белошвеек, знакомая каждому пилоту, – абсолютно реальное изображение, хоть принято считать ее символической.

Тело второй мастерицы стало вращаться вокруг оси, и вот она уже неразличима в сиянии лучей-волос.

Вскоре в сфере блистало солнце по имени Анна.

Тимох вышел в задумчивости. Он на всякий случай проследил, закрылся ли входной люк. Люк закрылся.

Тревожный зумм заставил насторожиться. «Внимание! Корабль готов к старту!» –

предупредили системы челнока. Тимох поспешил уйти подальше от причала номер семнадцать; здесь не предусмотрены многослойные защитные барьеры...

Бравый «Певень» с обновленным ресурсом, готовый к вылету, ждал с противоположной стороны гигантской базы белошвеек.

Но кто попал на «Галеру», там и умрет.

Тимох умер, едва разблокировав вход в свой корабль.

Глава четвертая

Рывок в эпсилон

Что-то толкает в левое плечо. Тупо, настойчиво, молча. Толкает. Голове больно, больно плечу. Я ерзаю на скользкой закругленной поверхности, съезжаю вниз, чувствуя, что ступни поднялись выше головы, и от перемены положения тела мне стало легче. Сколько времени я валяюсь здесь?

Левое колено уперлось во что-то; опора подо мной рывком приходит в движение, я резко опрокидываюсь на бок, тело само реагирует на изменения: снимаю ладони с краев гладкой поверхности, группируюсь, а на меня наезжает тяжелое, твердое, теснит справа, наваливается, грозясь расплющить. Движущаяся поверхность подо мной снова дергается и опрокидывается. Я вываливаюсь, как из чаши, инстинктивно откатываюсь, освобождая место, куда немедленно падает тяжелое и твердое, наехавшее на меня.

Открываю глаза.

Мрак.

Во мраке видна лишь пара узких светящихся дуг, да и то их перекрывают большие и малые геометрические силуэты, слабо угадываемые в темноте. Знакомые запахи. Странно, сколько их, разных, собралось в этом месте! Меня решительно и в полном молчании ощупывают. Есть что-то нелепое в хватании человека за самые неожиданные места на теле, я догадываюсь, что многопалая мягкая клешня принадлежит складскому роботу. И окончательно прихожу в себя. По желобу погрузчика я попал внутрь корабля.

Вопрос: какого корабля?

Осторожно пробираюсь к светящимся щелям – там дверь, и она не закрыта. А не закрыта, потому что бортовым системам не объявлена готовность на старт, и у меня есть последний шанс выйти из грузового отсека и удивить хозяев корабля. Или лететь в темном чулане в компании припасов и всевозможных запасок на случай собственного или чужого ЧП. До тех пор, пока пилоту не заблагорассудится заглянуть сюда. Учтите, что хранилищ на любом корабле предусмотрено несколько, заглянуть могут не скоро. Дверь закрывается герметично, вентиляция в грузовых отсеках не предусмотрена – да я сдохну здесь от удушья!..

На четвереньках, ощупью пытаюсь бесшумно пробраться к выходу и едва не падаю, наступив на офицерский хлыст, болтающийся на запястье. Мне оставили хлыст, значит, налетчик был из местных; на «Галере» вряд ли известно назначение этой цапки, иначе, если бы знали, – первым делом отняли бы хлыст.

Возле выхода натыкаюсь на знакомый ребристый контейнер, знакомый, потому что сам ставил его сюда...

Я на «Певне»!

Меняю тактику: осторожно просовываю лезвие ножа под дверь, дверь мало-мало отъезжает вглубь, и этого достаточно, чтобы слышать разговор в рубке и даже видеть собеседников.

Голос льдинки, то есть второй белль:

– Ветер, это незаконно. Я отказываюсь наряжать захваченный корабль!

Незнакомец, занявший мое пилотское кресло, отвечает молодым баском:

– Ты в курсе, что это не блажь? Я лечу за Мрией! В твоём наряде или без наряда – я лечу за моей женой! Пропади ты пропадом, ты! Ты не захотела помочь! Все, разговор окончен!

Незнакомец раздражен.

На экране кубо-кубо лицо Анны с ресницами в горизонтальном положении.

- Ветер, я бессильна что-либо сделать. Торсионы перестанут отзываться в любую минуту. Это может случиться сейчас, а может – на подлете к зоне. А может за границей мира – когда угодно. И мне никогда не узнать, что именно я сделала не так. Ты сможешь Мриечке, если вернешь этому кораблю его пилота, а мне – уверенность в том, что наши помыслы чисты.

По движениям рук незнакомца я понимаю, что он проверяет сигнатуры перед стартом. Отмечаю: его учили управлять кораблем. Не великий мастак, но и не профан в летном деле. Но, съешь тебя цветочек, ведь не запустишь «Певень»! Хлыст со мной, а у офицерского хлыста секретов не перечесать; он еще и блокирует системы корабля!

Верзила шарит по голограмме приборной доски, недоумевая. Оглядывается на застывшее изображение Анны в кубо-кубо и продолжает сочным молодым баском:

- Этот картавый капитан – да он повернет корабль обратно, стоит только увидеть потухшие звезды! Ты веришь, что он уйдет в эпсилон? Ради кого? Кто ему Мрия? Что ему белошвейки? Обслуга полетов, одной больше, одной меньше – вот как они там думают! А он – оттуда!

«Картавый». Это что значит? Надо запомнить. На других звездолетах всегда дают кликухи чужим. Кличка расскажет о профессии больше, чем Энциклопедия. Не мешает узнать, чем на «Галере» выделяют иланских патрульных пилотов.

Я быстро додумываю эту мысль, приглатываясь за дверью.

Прыгаю на спину незваного гостя и скручиваю хлыст петлей вокруг крепкой шеи:

- А ты откуда, урод?

Без сожаления, одним хуком отправляю здоровяка туда, где недавно довелось побывать самому: на границу. Нет, пока не на границу мира. Всего лишь ставлю верзилу на паузу.

- Анна! Анна! Анна!!! – кричу в экран. – Я готов! Вперед, за первой мастерицей! Летим?

Льдистый голос – клянусь, он потеплел! – звонко отвечает:

- Догоняйте, Тимох Рей! Я – за поясом астероидов!

А потом мы зависли в точке невозврата. Предстояло бликануть еще раз – и мы выпадем из привычной реальности. Анна отключила связь. Я знал, она кудесничала с торсионами, придумывая кораблю наряд для особого случая. Если я правильно понял, она собиралась ради «Певня» протащить в зону эпсилон кусок нашей вселенной. Мне предстояло лететь, находясь внутри рукава, выворачивавшегося вокруг моего корабля. В фантазии второй белль не откажешь!

Анна явилась в кубо-кубо неожиданно и застала меня врасплох. Я, уставившись в потолок, ковырял в зубах, разомлев в ожидании, с ногами на спинке пилотского кресла. Я вздрогнул от неожиданности и чуть не свалился на пол, и наблюдал, как строгая вторая белль включила связь, только чтобы бросить в крайнем волнении:

- Поспешите, Тимох! Не пойму, в чем дело, но еще несколько часов, и будет поздно! Берегите нить!

- А как быть с Ветером? Он тут нужен, как листья прошлой ночи...

Я хотел предложить ей забрать верзилу на «Иглу-2» и совсем не хотел, чтобы рыжий торчал бок о бок с льдинкой в тесном челноке. Но все это уже не имело никакого значения, потому что белошвейка выключила связь.

Вот такое нежное вышло у нас прощание...

Я решительно положил «Певня» на курс, и межпространственник, развернутый кормой к далеким, но таким родным звездам, нацелился в то, что вряд ли можно назвать

пространством: в эпсилон.

- Подтвердите заказ на дальнюю связь! - дежурным голосом потребовала девушка на другом конце линии.

Старый отставник отчитался:

- Полковник Звездного флота в отставке Петре Браге, код... личный номер... Связь с Ксантиппой Левински, Звездный флот - бета, корабль экстра-класса «Галера», код... личный номер...

- Спасибо! - стандартно поблагодарила девушка. - Освобождаю канал для вас. Приятного общения!

В кубо-кубо из мозаики цветных пятен сложилось лицо Ксантиппы. Связь наладилась, и Кса увидела Петре и мальчика с ним. Кса сделалась доброй бабушкой и улыбнулась тому, кого ее старый друг удобно устроил на коленях: трехлетнему эфебу пропавшего патрульного пилота. Она умела быть приветливой.

Петре Браге чувствовал себя полностью развинченным, потому и взял с собой Рейнясу - чтобы не раскиснуть перед Ксантиппой. Дети держат на плаву, вынуждая заботиться о своих маленьких вертлявых эго.

Тимох, опекун мальчика, стартовал в зону эпсилон и до сих пор не вернулся.

Петре знал системы патрульного корабля как свои пять пальцев; ресурс «Певня» закончился сутки назад, здесь без вариантов, и это был серьезный повод оплакать судьбу честного парня.

И ведь не кто-нибудь, а он, полковник, благословил Тимоха на этот полет!

Многолетние разговоры с Ксантиппой каким-то уму непостижимым образом вселили в Петре Браге ложную уверенность, что полет за точку невозврата - дело не безнадежное. Ему странно было признаваться в этом, но он так думал. Непонятно, откуда жила в нем эта подспудная уверенность, но без влияния веселой рыженькой куколочки Кса тут точно не обошлось. Она вообще часто говорила о невозможном как о простом и будничном, и Петре думал: «Кто знает, как воспитывают белль на „Галере“? Может, им по работе положено с утра успевать поверить в сотню невероятных вещей?»

Но теперь он смотрел в лицо наставницы белошвеек и не видел ни малейшего намека на добрую весть.

«Похоже, мы впали в маразм, с легким сердцем позволив тем, кого любили, стартовать в эпсилон. На верную погибель отправили, глазом не моргнув. „Мы“, потому что я знал, что Ксантиппа разрешила второй мастерице обеспечивать полет „Певня“. Вторая белль шила наряд Тимоху до точки невозврата и не удержалась на ней. Следовательно, и эта белль ушла в темную пыль. И еще до меня дошла смутная история с каким-то парнем, дыхателем первой мастерицы, прибившимся к этой парочке. Итого на нашей совести три загубленные жизни».

Так думал отставной полковник.

Он прибегнул к проверенному средству, прекрасно отдавая себе отчет, что заденет самолюбие Ксантиппы, но более верного способа расшевелить ее и узнать правду не существовало, и Петре сказал в экран:

- Кса, ты - лучшая белошвейка из лучших - не можешь предпринять хоть что-нибудь? Нет, я отказываюсь поверить в это!

Но Ксантиппе тоже несладко.

Она ответила глухим голосом, и отставник почувствовал себя старым тупым идиотом, безнадежным романтичным придурком, маразматиком, толкнувшим парня на авантюру со спасением белошвейки.

- Увы, - ответила Ксантиппа, - из эпсилон еще никто не возвращался, полковник Петре.

Вы знаете это не хуже меня.

Вот что сказала наставница белошвеек.

...Я оставил Анну в опасной близости от зоны.

Она настояла. Беспокоилась за натяжение нити.

И я знал, что до последнего вздоха, или чего еще там (кто знает, что эпс делает с человеком?), я буду думать об Анне.

И о Мрие, конечно, – я же полетел за молочно-белой девушкой Мрией, по которой сохнет краснорожий парень, запертый в жилом отсеке вместе со сменным бельем, капитанским кителем и половиной припасов еды, питья и иланской жвачки.

«Певень» преодолел границу в месте, где границ не могло быть по определению. Но я, подвешенный в венце, соединяющем корабль и пилота в один биоэлектронный мозг, мог поклясться – межпространственник оказался по ту сторону привычного физического мира.

Зону условились считать межатомной пустотой: вселенной внутри вселенной. Человечество смирилось с существованием эпсилон, убаюкав себя теорией непостижимости субатомного мира. Возможно, сейчас я ощущаю, как «Певень» вращается на электронной орбите...

Последнее, что я успел сделать: проверил, заполняется ли архивная память корабля. Если зона когда-нибудь будет изучена, подробности полета «Певня» послужат чужому исследовательскому любопытству...

...И в следующее мгновение содрал с себя все биоразъемы, повинуюсь инстинкту выживания. И годы выучки оказались бессильны. Минуя зрение, слух, все остальные чувства, пришло понимание: корабль окружило небытие – тоскливая, кажущаяся мягкой на ощупь, всепоглощающая несть, в которой ощущаешь всеми фибрами души отсутствие всего. Сущее – энергия, свет, звук, движение, усилие, стремление, мечта, надежда, жизнь – все осталось за точкой невозврата...

Я вопил, точно зная, что Анна не слышит и не слышит никто.

Меня охватило безумие, и, значит, жизнь в тот момент еще была во мне, ведь мертвые не сходят с ума.

Я бился головой о переборку, снова орал, слушая содрогающийся «Певень». Я вошел в состояние эмоциональной глухоты и отчаяния и пялился на приборы, не понимая – что есть все это? Я словно выворачивался в себя, вылупливаясь из небытия в новой вселенной.

Сами собой включались и выключались корабельные системы, гасло и вспыхивало освещение. Потом среди надрывного воя «Певня» я уловил звуки за переборкой, совсем рядом. Прислушался, и сознание стало возвращаться: под люком с другой стороны от такой же беспросветной тоски скулил и выл мой пленник.

И разжались тиски ужаса.

Я вытер слезы и сопли, вовремя вспомнил про гигиеническую салфетку и с ее помощью принял вид мужественный и непоколебимый. Салфетку сунул под мышку: под правую, затем под левую. Я был мокрый, как афалина, салфетка не помогла, нужна по меньшей мере дюжина промокашек, но, чесслово, сейчас не до того.

Мы переговорили с Ветером, разделенные дверью.

Похоже, от звука человеческого голоса его тоже перестало штырить от страха.

Мы заключили мирное соглашение, и я открыл ему дверь, чувствуя, что возвращаюсь в адекватное состояние.

Ветер сделался тише полуденной травы. Он полез обниматься, и мы вместе пустили

скудную мужскую слезу, оплакивая себя и наших женщин. наших – условно.

Льдинка не моя женщина, но разве важны формальности для двоих самоубийц?

Теперь я почти осмысленно управлял кораблем, вернее, пытался отследить полет «Певня». Снаружи не поступало ни единого килобайта информации. Ни единого сигнала – ничего там, снаружи, не было.

Я снял венец управления, сложил пальцы в мудру и отрешился от ситуации. Я размышлял о том, что когда-то, единственный из потока курсантов, решался ходить по тросу на высоте десяти палуб. Просто нашел секрет, позволявший проделывать этот трюк, сводивший с ума остальных. Надо ощущать себя и трос под ногами исходной точкой, и тогда высоты не существует. Есть ты и узкая опора, которую ты можешь вообразить сколь угодно надежной и основательной.

А что имеем сейчас?

Представим, эпсилон не существует, есть только я и верный «Певень». По словам Анны, белошвейки приближают звездную систему. Выходит, белль тоже считают свой челнок точкой отсчета. Их учат верить, что они подтягивают к себе звезды, вместо того чтобы объяснять, что на самом деле Звездный флот движется к своей цели, несомый избыточной энергией межзвездной пустоты, свернутой, скрученной, невероятно сжатой, стремящейся развернуться обратно.

Итак, если мой корабль – центр этого мира?

Если эпсилон даже не мир, если в нем нет ничего, я – центр пустоты. Возможно даже – первородное яйцо в пустоте, первый импульс, причина всех причин в непостижимости полного отсутствия...

Дальше этого вывода дело не двинулось, и я прервал медитацию.

Тем более не стоит провоцировать галерца отложенным в сторону венцом – этот парень свое не упустит. Ветер занят, сопит, регулирует второе кресло, подгоняя его форму под свою статью. Кресло вряд ли переживет такую экзекуцию.

С чужаком надо держаться начеку. А когда начеку – тут не до поисков истины.

И даже не в этом дело. Нечего врать себе: я не в состоянии подстроиться под эпсилон. Две женщины, две переменные, усложнили мое уравнение, сделав задачу нерешаемой. Я подвешен на нити между ними. Одна из них, первая белль, – цель, вторая белль – опора, точка крепления к привычному миру. Уж если кто-то и есть центр пустоты и начало всех начал, так это первая белль – не я.

Я испытывал неприятное, почти физическое чувство ускользающего от меня прозрения. Вот, еще немного, и я пойму, что такое эпсилон...

Тем временем Ветер деловито завис над пультом.

Пришлось извлечь хлыст и поиграть им по спинке кресла. Это мой корабль, и нечего совать руки, куда не надо.

Оказалось, он намеревался запросить изображение наряда.

Я решил, что это разумно, и запустил программу.

«ЮН» выстроил хаос линий. Я почти уверился, что мозг корабля сдался. Венец пусто звенел, контакта с электроникой корабля не было.

Вдруг на экранах «Певня» поплыла четкая графика: корабль находился внутри кокона, состоящего из мелко переплетенных спиралей.

Неожиданное зрелище.

Таких нарядов мне видеть не приходилось.

– Смотри, – кивнул Ветер, влипая в монитор, – да он растягивается!

- Кто?

Ветер даже поперхнулся от возмущения:

- Смотри на завитушки, - он так назвал спирали, - наряда: их натяжение растет.

Кубо-кубо показывал микроскопический патрульный корабль, паривший, как одинокий цитрозус, к которому привязали нить. Патрульник натужно тянул эту нить внутри наряда, уходившего в безразмерность и безграничность с одной стороны - откуда прилетел корабль, и сужавшегося в узкий «рукав» в другую сторону - в эпсилон.

Я видел, как растягивается плетение нашего кокона, в середине которого двигался «Певень», и ограждавшая корабль сеть, выдвигаясь все дальше в эпсилон, истончается и редет по курсу корабля, вытягиваясь в попытке обеспечить пространство для продвижения вперед в зоне, где пространство не существует.

Ветер застонал:

- Наряд вот-вот разорвется, Анна не успевает за нами! Ты где ее оставил?

- В точке невозврата...

- Это конец! - вопил Ветер, подскакивая в кресле и размахивая ручищами. - Она не заметит, как и ее затянет в эпс - мы же в связке!

Ветер раздражал бурной экспансивностью.

Я чувствовал себя разобранным на атомы и собранным вновь, но неудачно: ощущения были как при перегрузке с небольшими значениями, но след потрясения от встречи с зоной эпс давал знать о себе загнанным глубоко внутрь, под контроль разума, животным ужасом.

Эпсилон подавлял.

В довершение всего, изнутри меня грызла тревога за вторую белль, и галерец только усилил эту тревогу.

- У нас есть еще десять минут, - сказал я. - При такой скорости натяжения наряд просуществует десять минут, я сделал расчеты.

- Какие такие расчеты? - саркастически спросил галерец. - Чего рассчитывал?

- Энергетические напряжения и скорость их угасания. - Я показал на сетку наряда вокруг корабля. - Или ты думаешь, что «Певень» летит в рукаве вязаного свитера?

На исходе десяти минут мы с Ветером откинулись в креслах и зажмурились. Впервые у нас наметилось полное единодушие по поводу того, в каком положении лучше умирать.

Что-то подкинуло меня на месте, я оторопело уставился на экран: наряд виден четко, спирали сжаты, словно мы вернулись к началу пути, но! Путеводная нить - она исчезла!

- Где? Где она? Где? - запаниковал я.

В какой момент я проморгал нить?

С какой стороны вижу наряд?

С внешней?!

- Мы по-прежнему внутри защитного кокона, - пробормотал Ветер. - Разуй глаза и

сообразай: наряд теперь сплошь красный. Анна знает свое дело. Она сплела защиту из путеводной нити, больше-то здесь работать не с чем. А раз так, получается, она все-таки подтянула челнок Мрии навстречу нам, ей удалось. Мы где-то рядом, но надолго нити не хватит. Капитан, я - на выход!

Он ломанулся на меня без предупреждения.

Он знал, что я не позволю выйти из корабля, что это нелепо - лететь в скафандре, не выяснив местоположение «Иглы-1» относительно «Певня», и что вообще нелепо лететь в скафандре, - и он бил, чтобы свалить.

От парня, который планировал угнать патрульник ради подружки, жди только подлости. Я оказался проворней.

Хлыст безжалостно прошелся по лицу галерца, потом удар хлыстом в пах, потом по колену и локтю - точно по нервным узлам. Краснорожий свалился, как подкошенный. Я приковал галерца и с наслаждением как следует попинал ногами, не испытывая ни малейших угрызений совести.

Отдышался, включил все каналы связи.

Эпсилон молчал.

Наряд снова растянулся до предела: привычная вселенная, вывернувшаяся с нами в зону эпсилон, доживала последние мгновения.

Я лихорадочно перебирал варианты. Выход наружу я исключил. Спасение лишь в том, чтобы не покидать патрульный корабль.

Связи с Мрией нет. Но, пока «Певень» и «Игла-1» в остатках одной вселенной внутри кокона, между ними возможна связь и законы физики должны работать хоть в какой-то своей части...

Мне бы сюда «АДРОН», ведущий корабль Анны!

Я заложил программу в «ЮН», перегрузив его интерфейсы до предела, да так, что поблекли все мониторы и бессильно повисли биоразъемы венца. При полном отсутствии внешних данных мозг корабля вынужден был довольствоваться только собственными математическими расчетами.

Я надеялся на то, что «ЮН» не ошибется.

Или ошибка не будет фатальной.

Впрочем, мне никогда не узнать об ошибке. Я или не получу результат вообще, или получу его, но не смогу проверить его правильность.

Корабль принял решение, я дал добро. «Певень» «клюнул», как говаривали мои ребята, - выстрелил вперед по курсу зонды-разведчики, а те столкнулись в лоб с «Иглой-1», и на экран просеялись скупые данные: челнок Мрии оказался ближе, чем я мог предположить. Это обнадежило меня невероятно. Просто окрылило.

Я пустил в ход самонаводящиеся патрульные ракеты, задав им курс с поворотом на сто восемьдесят градусов и удар с заходом в тыл «Игле-1». Судя по рассказу старика Браге, кораблик Мрии должен выдержать такую атаку.

Монитор плеснул цифрами: ракеты подстегнули челнок, и теперь он несся навстречу «Певню».

До разрыва наряда, сохранявшего вокруг корабля прослойку привычного физического мира, оставались считанные минуты.

Я включил рабочую программу задержания, и «Певень» стал транслировать приказы, как если бы «Игла-1» была судном без регистрации или «вольным бродягой», плевать хотевшим на предписания двигаться строго по официальным маршрутам.

Мой патрульный корабль взывал к законам Звездного флота, гундосил об

ответственности за неповиновение и карах небесных, но больше человеческих, и все это – чтобы заставить квантового кормчего «Иглы-1» выполнить указания и направить корабль белль в тубус-приемник патрульника.

Я не мог знать наверняка, но уже не сомневался, что на первую белль тоже работает «АДРОН». И, выходит, мой «ЮН» приказывал «АДРОНу» – как если бы муравей выкрикивал человеку свои команды.

Возможно, «АДРОН» на челноке Мрии удивился нашей настойчивости, но принял решение подчиниться приказам с «Певня» и повел на сближение с патрульным кораблем крохотный жилой модуль первой мастерицы, отделив его от «Иглы-1».

«Певень» принял модуль в свой тубус-приемник и надежно зафиксировал его там.

Я рванулся обратно, прочь из эpsilon.

Первой белошвейке придется потерпеть в одиночестве в тубус-приемнике моего корабля. Я сделал для нее все, что мог.

Клянусь, если эpsilon выпустит меня, я немедленно запущу к Мрии ее любезного, в ожидании счастливого воссоединения прикованного наручниками к скобе и танцующего жуткую пляску на полу кабины в попытке достать меня ногами. А потом немедленно задраю за ним люк корабля.

Йло!

«Певень» с пробитыми защитными мембранами не дотянул полпарсека до границы изученной вселенной и беспомощно завис. Ни там, ни здесь. Путеводная нить по-прежнему была цела. Это единственное, за что стоило себя похвалить. Анна боялась одного – потери нити.

Мы по-прежнему находились в зоне эpsilon, и я не мог наладить связь, как ни изошрялся. Видимо, здесь отсутствовало и пространство тоже... Во время прыжка что-то происходило со временем – похоже, оно текло в разных направлениях.

«Певень» просигналил, что исчерпал свой ресурс. Опять начались вибрации корпуса. Мой корабль бился в смертельной лихорадке, готовясь стать летающим саркофагом для своих пассажиров. Я выключил все, кроме системы аварийного жизнеобеспечения. Ветер всплыл в наступившей невесомости и болтался, скованный наручниками, в фуге над палубой. Я освободил Ветера, пинком отправив его туда, куда тот упорно просился – в клозет, зная, что из нужника выйдет трижды мой враг. Мне было все равно. Единственное, чего я желал, – что-бы точка невозврата отпустила Анну, чтобы она вернулась в систему Ило-Соло. Я должен придумать, как разъединить наши корабли. Ветер говорил об опасности этой связки для второй белль.

Я обнаружил пыль, тонким слоем покрывающую все в рубке. Если это не пыль веков, то есть только одно возможное объяснение ее появления: вентиляторы недолго работали в обратном режиме. Если бы долго, мы бы задохнулись. Возможно, это случилось как раз тогда, когда я и галерец пережили приступ паники.

Я нарисовал на пыльной полировке приборной доски овал лица с маленьким ртом и длинными прямыми ресницами, и такая меня взяла тоска!..

Мне не увидеть льдинку-белошвейку.

Скроет трава до полуночи...

Ветер проплыл мимо, в жилой отсек.

Я не повернулся, но, стирая слой пыли, заметил отражение Ветера. Парень левитировал без штанов. Спешил за сменой брюк.

Бывает...

Я произнес это вслух.

Ветер примирительно буркнул в ответ, и мы поняли, что не будем выяснять отношения. По крайней мере, в ближайшие десять минут.

- Спасибо, капитан! - прогудел он.

- Не за что! - ответил я, меланхолично уставившись в бесполезный теперь экран внешнего обзора. - Ты даже не можешь перейти к Мрие: не протиснешься между стенкой тубуса и челноком.

- Ты сделал все как надо, капитан! Я бы не смог лучше!

- Еще бы, я же, по-твоему, картавый.

- А? - Ветер уклончиво хмыкнул.

Он привел себя в порядок, уселся, посопел и произнес:

- Капитан, не пойти ли мне постучать Мрийке?

- Валяй, - разрешил я. Пусть стучит, раз ничего другого в голову не пришло.

- Да подожди, йло! Я поверну корабль, - я притормозил верзилу, - по стенке стучать бесполезно, попробуй по люку, но его надо совместить со входом в тубус.

Я разбудил «ЮН», злорадствуя, что из-за этого расточительства конец света для нас наступит раньше. Не успел отнять пальцы от сенсорной панели - «ЮН» объявил то, от чего я передумал вращать корпус «Певня»: «Готовность номер один. Гиперпрыжок. Перегрузка в пределах допустимых значений».

Я, игнорируя побежавшие цифры отсчета времени, запросил внешнюю картинку. Вокруг «Певня» сиял и топорщился в разные стороны петлями замысловатых кружев новый наряд. Нить не вела в неизвестную даль. Она кратчайшим отрезком соединяла мой корабль и острую иголку, воткнутую в тесно обтянувший патрульный корабль шар - новый защитный кокон. А Ветер уже хлопал меня по плечу:

- Это челнок белошвейки! Анна рванула за нами в эпсилон! А она отчаянная девчонка! Капитан, да ты счастливчик!

Глава пятая

Возвращение

Счастливчик? Получается, да, я – счастливчик...

Я вижу, как Ветер возвращается из короткого похода на «Иглу-1». Он перетащил подружку и новорожденного младенца на «Певень», даже не спрашивая моего согласия.

Оккупант, йло.

Бело-розовая нежная Мрия сидит в волосатых лапах размякшего Ветера.

У груди Мрии – крошечная, похожая на гусеницу в своих пеленках, дочка: краснорожая, как папашка, и с таким же завитком волос на лбу. Они назвали ее Надьежда. Архаичное имя. У космофлотских мамаш нынче в моде музыкальная тема: они выгуливают в оранжевых Виолы, Арии и Сонаты...

Я чувствую себя лишним на собственном корабле.

Я дожидаюсь, когда гусеница насосется до отвала, и говорю:

– Одолжите мне свою гусени... гм, свою красавицу! Ненадолго. Я иду за Анной, мне нужно предъявить образец будущего, гм, изделия.

Ветер готов заржать в полный голос. Мрия решительно закрывает ему рот ладонью. Она улыбается, но категорически не согласна расстаться с гусеницей, даже сытой и спящей. Но она вручает мне чепчик: маленький, только на кулак налезет. Говорит, Анне этого намека будет вполне достаточно. И сама включает мембрану выхода, выпроваживая капитана из его же корабля.

Мой ангел-спаситель, раскинув косы, парил в невесомости, слабо подсвеченной светодиодами переходного шлюза. В этом доме я второй раз, и второй раз меня встречали на пороге. Прабабушка Талия одобрила бы такой обычай...

Некстати вспомнил, как поспешно стирал на пыльном пульте овал лица с копиями-ресницами... Зря я так. Вдруг дело не сладится?

Голос пресекался.

Я по-рыбьи открывал рот, белошвейка с беспокойством смотрела на то, как я раздергивал застёжки на скафандре, освобождал шею и грудь, извлекал чепчик из нагрудного кармана и зачем-то нюхал его, предательски шмыгнув носом.

Я не нашел ничего лучше, чтобы сказать:

– Ты такое можешь?

– Что могу? Сшить? – Белошвейка отняла у меня чепчик и рукой идеального рисунка держала его на отлете, слегка покачивая. И этим окончательно загипнотизировала меня.

– Такое... такую... сделать. – Я таращил глаза. Я нарисовал ладонями в воздухе маленькую гусеницу, показывая, как она ест и как спит на руках пышногрудой Мрии.

Белошвейка прыснула от смеха.

У меня сладко защемило сердце.

– И на кого она должна быть похожа?

– На меня! – выдохнул я, полный надежды.

– Тимох Рей Гвен Тимофей, вы даете мне время на размышления? – спросила Анна.

– Нет, мне срочно!

Осторожно поцеловал руку белль. Надо же с чего-то начать.

«...Из эпсилон еще никто не возвращался, полковник Петре».

«...Из эпсилон еще никто не возвращался, полковник Петре».

«Вы знаете это не хуже меня...»

«не хуже меня...»

«хуже...»

Снова солнечная буря на Ило-Соло.

Слова Ксантиппы зловеще повторились эхом, и смялось ее изображение в кубо-кубо.

Петре Браге растер грудь в области сердца.

На его коленях сидел ребенок, и ради него нужно было продолжать жить.

Через минуту, долгую, как вечность, связь наладилась.

Изображение снова отчетливое. Кса, заговорщицки кивнув – мол, приготовься! – наклонилась вперед и затараторила скороговоркой, которую эти двое изобрели в юности, шифруясь от ненужных свидетелей их молодых сердечных бесед:

«...рамммаламматарраатаммаа...»

«Петре, подумай сам, зачем им возвращаться? Что ждет их здесь? Следствие, судебное разбирательство, ничтожная возня чиновников всех мастей, озабоченных, что делать с чужой личной свободой? Один корабль пропал, два угнаны. Договорим после». Она протараторила это в одно мгновение и замолчала. Знала, что сказала достаточно и теперь полковнику надо хорошенько поразмыслить над услышанным. Но Ксантиппа не была бы Ксантиппой, если бы не умела притворяться. В молодости она так умело прятала смыслы перед теми, кто по долгу службы подсаживался на их канал связи, пытаясь выяснить, о чем говорят пилот и белошвейка, что этот канал оставили за ними до сих пор. Петре Браге говорил ей при встречах: «Уверен, если на нас заведена отдельная база данных, то проходим мы под грифом „Полковник-визуофоб и его манерная примадонна“».

Госпожа улыбнулась с экрана неподражаемой улыбкой, чуть повернув лицо, скосив глаза и покачивая головой: у нее всегда получалось очень лукаво. Когда-то она поставила на прикол сердце полковника этой своей улыбочкой. Ксантиппа неспроста принялась за старое: что-то назревало.

Браге, не в состоянии предвидеть ее следующий ход, тем не менее ликовал: заговорщики живы и Ксантиппа вот-вот намекнет, где они сейчас!

Старик и Рейнису отсмеялись в ответ на улыбки и подмигивания Ксантиппы. Мальчик – задорно и беспечно, а седоусый дед – с небывалым облегчением. Ксантиппа сумела все обставить самым невинным образом: это выглядело, как забавы ласковой бабушки с малышом.

А Ксантиппа не унималась. Она, к удовольствию мальчика, покрутила пальцами, словно изображала длинные напомаженные усы Браге. Рейнису снова звонко захохотал, взглянул на Петре и повторил жест. Петре, наоборот, насторожился: Кса собиралась устроить «штучку» – в молодости они называли этим словом сложные розыгрыши. Ксантиппа сказала:

– Полковник Петре, вы не забыли: на днях вам нужно заказать памятную песню? Вы каждый год заказываете ее в годовщину смерти отца Тимоха – и каждый раз просите меня напомнить вам об этом. Так вот, я напоминаю. Текст песни у вас? Что вы отошлете в бланк-заказе на канал «Орфей»?

– Кса, прости, я забыл.

- Надеялся на меня?

- Да, опять и снова... - пристыженно пробурчал Браге, стараясь потянуть время, а сам лихорадочно соображал, к чему она клонит?

Тимох всегда справлялся сам, заказывая поминальную песню по умершему отцу. Петре Браге был пассивным слушателем в День Памяти усопших и ностальгировал, обложившись солеными орешками с разных планет, длинными ломками центаврийскими хрустами и банками с пивом.

- Кса, ты не помнишь слова песни? - взмолился он, не в силах разгадать предложенную головоломку. Ксантиппа явно добивалась от друга не просто исполнения ритуала, но чего-то еще.

- А поискать не пробовал? - уколола его старая и единственная любовь.

- Теряюсь, где можно поискать... Год назад я заменил домработника на новую модель...

«Хорошая отмазка, нечего сказать!»

В памяти домашнего робота Петре Браге, что старого, что нового, никогда не было ни одной любимой песни его покойного друга Рея Гвена.

- Так и быть, помогу и в этот раз! - смилостивилась госпожа. И добавила, обращаясь к Рейнiasу:

- Малыш, у тебя очень забывчивый дедушка!

И снова взглянула на полковника:

- Я хорошо помню слова и отправлю вам текст, полковник Петре, а вы позаботьтесь, чтобы памятную песню повторили двенадцать раз за сутки: сколько лет отмечаем по покойному. Надеюсь, это вы не запамятовали?

Рыжая лисица Ксантиппа снова покрутила пальцами, изображая усы, послала привет мальчику и торопливо закрыла канал, экономя кредитки Браге - оплату за прямую связь с «Галерой».

Значит, условия игры заданы. Петре Браге осталось включиться в действие: получить послание с таинственной песней и посмотреть, что же затевалось?

И вот в кубо перед полковником всплыл странный текст, самая что ни на есть настоящая сага о первопоселенцах на Ило Семилунном. Но эта сага отлично ложилась на музыку известной песни «Магелланов парус» и могла быть исполненной в память незабвенного друга. Ему пришлось перечитать песнь Ксантippy несколько раз, пока не срослись, наконец, все смыслы и до Петре дошло содержание вполне прилично срифмованных строк. На самом деле это была не песня, а инструкция. Ксантиппе предстояло обеспечить коридор к планете для челнока второй мастерицы, «Иглы-2». Вторая белль должна была вывести корабль из прыжка в нужном месте и в нужное время, а полковник, обосновавшийся на Ило Семилунном, должен помочь с точным определением момента и координат. Прекрасный Ило очень негостеприимен в ночное время. Ксантиппа требовала указать подходящий схрон, в котором останутся беглецы. Эти бункеры, оставшиеся от первопоселенцев, забытые, затерянные в дебрях иланского леса, сейчас были никому не нужны. Они еще пригодны для жизни, и, самое важное, в них безопасно ночью, когда ворожит фиал.

Единственное, что не открылось пониманию Петре Браге - из зоны эpsilon челнок доставит на Ило Семи-лунный даже не четырех, а пять пассажиров.

Однако он воодушевился и в самом приподнятом настроении повторял про себя: «Впервые из эpsilon вырвался корабль! Величайшая победа человечества над тайнами природы!»

Но победителей, как предупредила Ксантиппа, по возвращении не ждет ликование

толпы, торжественные приемы и пресс-конференции. Их вообще ничего хорошего не ждет. Выход для заговорщиков один – затаиться. Большие крейсера скоро отправятся на Фомальгаут и дальше, куда поведут Звездный флот дороги большого космоса. Все должны забыть о трех малых кораблях, принадлежавших эскадре в то время, когда Содружество гостило в системе Ило-Соло.

Патрульный корабль «Певень» не просто исчерпал свой ресурс, корабль был выжат. Системы жизнеобеспечения отказали. Тимох с Ветером облачились в скафандры для открытого космоса, а Мрия с новорожденной ушла, чтобы запереться в сфере «Иглы-1».

До этого Тимох не мог знать, что рабочие сферы белошвеек служат еще и защитным коконом своей хозяйке. Мрия собиралась повторить действия, которые он подсмотрел у Анны. Она распустит волосы, обнажится, прижмет к себе новорожденную, и сфера примет их в себя. Для внешнего наблюдателя это будет выглядеть, как если бы мать и ребенок расплавились в сиянии.

Тем временем пилот осторожно выводил «Певень» из зоны эпсилон. Челнок второй белошвейки уже ждал его в точке невозврата: Анна контролировала его патруль-ник, и Анна вытянула их всех. Вернее, втянула в привычную вселенную.

Тимох испытал невероятное облегчение.

Если бы с Анной что-то случилось, у него не хватило бы своего, человеческого ресурса перенести это.

Ему хотелось вытереть холодную испарину на лбу, но не в скафандре же. Он чувствовал, что смертельно устал и ни на что не способен. Тимох видел, что с попутчиком происходит такая же странная ломка, словно им обоим заново приходится вживаться в привычный мир.

Пилот представил, как уходил из схем «ЮНа» последний наноампер, а с ним и жизнь корабля... Нужна энергия. Но подключать «ЮН» к «АДРОНу», ведущему челнок Анны, бессмысленно, разные поколения электронного интеллекта не могут быть взаимозаменяемыми, как лом и зубочистка не могут заменить друг друга. И, значит, «Певень» придется оставить.

Ветер и Мрия с девочкой перешли на «Иглу-2», к Анне, а Тимох Рей Гвен Тимофей, еще вчера (или сто тысяч лет тому назад?) капитан патрульной службы, подавленный, проводил последние минуты в пилотском кресле, уставившись в экран обзора, поглаживая пальцами в перчатках W-панель, наверняка ледяную, бесполезную сенсорную панель мертвого патрульного корабля. В отсеке беззвучно шевелился мелкий мусор – след пребывания галерца (когда успел, зараза, и чем?). Перед лицом патрульного медленно плыл баллончик с бритвенной пеной. Тимох машинально подхватил его. Надавил. Пена стремительно разлетелась из форсунки, заляпав мельчайшими брызгами переборку корабля. Пятно напомнило вечноцветущее дерево франжипани – любимое дерево иланцев. Парень еще раз брызнул из баллона на стенку: дереву нужно придать законченный вид, и Тимох обозначил ствол. Затем очнулся от тяжелых мыслей, встал. Медленно, словно пытаясь отсрочить расставание с кораблем, доплыл до мембраны входа. Выплыл наружу, в шлюз, соединявший два межпланетника, и, тяжело привалившись к двери, отковырял приготовленной отверткой эмблему патрульного корабля. Сжал эмблему в кулаке. Рычагом запорного устройства вручную закрыл вход в «Певень», шесть счастливых лет носивший его по космосу. С этой минуты Тимох стал капитаном без корабля.

Теперь судьба всех зависела от кормчего «Иглы-2».

Квантовый мозг может обладать свободой в выборе решения – Тимох знал, что есть такие версии. Что предпримет «АДРОН» с учетом того, что каждый пассажир «Иглы-2» по законам Звездного флота виновен в нарушении нескольких статей Космического Кодекса? Если, конечно, «АДРОНЫ» интересуются людскими законами...

Тимох не задумывался об этом, когда искал челнок Мрии, не задумывался, когда выходил из эпсилон. Но задумался на борту «Иглы-2». Куда доставит их верный пес

повелительниц торсионных полей?

Анна находилась в электросне.

Мрия предупредила, что Анне необходимы несколько часов отдыха, белль совсем на пределе. Мрия посоветовала всем выспаться; она будет держать вахту. Потом первая белошвейка встретила отдохнувшую подругу квартой сибо и, к радости проснувшихся мужчин, приготовила сибо и для них.

Задавать вопросы мастерицам не стали. У пилотов, по долгу службы бликующих в космосе вне искусственных миров, свои приметы. Горячий сибо-бульон, да еще по две кружки на каждого, – что могло быть яснее? Значит, у белль есть план, куда лететь, и цель их полета – населенный мир. Подруги придержали бы продукты, если бы дело обстояло иначе.

Пилоты приняли паек, привычно надорвали защитную пленку, которой была облита кварта – высокая кружка с крышкой. Без суеты, стараясь скрыть зверский аппетит, отламывали твердые, словно керамические, кольца – части кружки – и окунали отломанные куски в горячий сибо. Куски посуды быстро размокали, превращаясь в мокрый пресный хлеб. Так первой была размочена в горячем бульоне и съедена крышка, затем постепенно уменьшилась в размерах и сама кружка.

Вскоре к ним присоединилась Анна, с заколками-кристаллами в высоко уложенных волосах и в платье другого цвета. И она снова работала дорогу для корабля.

Тимоху уже ничего не казалось удивительным. Ни то, что белль шила многомерную иллюзию внутри иллюзорного космоса, ни то, что голографическое полотно, усыпанное мириадами искр, послушно подавалось под ее пальцами, сворачивалось, скручивалось, исходило потоками излишков энергии из складок, укладывалось, образовывало заломы и стигбы и соединялось.

Или не соединялось.

И тогда белль искала новые способы сделать так, чтобы точки старта и финиша совместились друг с другом. Для этого ей приходилось постоянно сверяться с бесконечными столбцами формул и символов, вспыхивающих в сфере, и молниеносным движением руки сметать новый прогиб пространства-времени, когда цифры тревожно вспыхивали алым.

Сфера оказалась еще и абсолютно автономной гравитационной зоной внутри корабля. Сиденье белль Анны время от времени меняло ориентацию в пространстве, и Тимох, Ветер и Мрия могли видеть вторую мастерицу то запрокинутой на спину, то перевернутой вниз головой по отношению к ним, стеснившимся вчетвером в жилой зоне «Иглы-2».

Мрия проследила глазами за подругой, которую сфера принялась укачивать, увеличивая амплитуду колебаний так, что сиденье, как качели, плавно взлетало вверх и возвращалось вниз, при этом Анна этого, казалось, не ощущала, создавая наряд для «Иглы-2». Первая мастерица заметила недоумение патрульного пилота и беспечно улыбнулась:

– «АДРОН» знает, как облегчить жизнь своей белль. Работа требует неподвижности, это вредно для здоровья. Было бы вредно – если бы не «АДРОН» и его меры.

Безделье располагает к размышлениям и наблюдениям. Тимох открыл для себя, что белошвейки первой триады действительно окружены непроницаемой стеной традиций. Ветер проговорился за обедом, что вместе с «Иглой», своим кораблем, девушки принимают ритуальное имя.

– И как вас зовут? – все-таки поинтересовался заинтригованный Тимох.

Вторая белль, намеревавшаяся окунуть в сибо очередной кусочек пресованного хлеба,

придерживая его специальными щипчиками, ответила не сразу, стрельнула глазами на патрульного пилота, переглянулась с Мрией и чуть-чуть улыбнулась:

- На патрульных кораблях разве не знают, что у первой триады позывные Мария-Анна-София? Так нас и зовут. Но разрешается иметь не только позывное, а «домашнее» имя, если оно созвучно присвоенному в триаде. Мрию охотно называют Мрия, а не Мария. Так само собой получилось. Есть у нас знакомые Софи и Анаит.

Если в ее голосе была скрытая насмешка, то совсем немного: терпения и вежливости у любой белошвейки с избытком. Патрульный пилот задумался. Белль никогда не знакомились с парнями, даже если соглашались немного пообщаться с ближайшим патрульным. А пилотам и в голову не приходило спрашивать имя у первой, второй или третьей мастерицы. Сколько он себя помнил, белошвейки не рассматривались как девушки, скорее, они были легендой...

Ветер откровенно скучал и от нечего делать выпячивал свою осведомленность. Улучив момент, чтобы не слышала Мрия, он похвастался:

- Белошвейка первой триады не откроет настоящее имя никому. Кроме человека, которому доверяет безгранично. Я год жду этого момента, но эти девчонки невероятно хитрые, потому и вихляют с именем. Уж мы на «Галере» знаем, как они водят парней за нос! Но я, - прогудел, понижая голос, Ветер, - добился того, что не удалось другим ребятам с «Галеры». Скоро моя Мрия будет полностью моя и откроет все!

Тимох обдумал сказанное. У белошвеек были свои правила игры. Что ж. Этого следовало ожидать.

Он пропустил момент нуль-перехода - уснул, загипнотизированный порханием тонких пальцев белль Анны.

«Игла-2» вынырнула на орбиту планеты в системе желтого карлика Ило-Соло: Анна мастерски вывела корабль. Если же это была просто удача, то невероятная.

Вторая белль готовилась к посадке на Семилунный.

Она сориентировала длинную продольную ось челнока перпендикулярно системам наземного космического слежения, находившимся на крайнем острове в архипелаге из десятка населенных островов, и корабль ушел на необитаемую сторону планеты. Тимох оценил этот маневр по достоинству: приземляющийся корабль на Семилунном зафиксируют как объект малых размеров, занесут в графу «Падение отработавшего спутникового модуля в океан» и забудут. Ило на восемь десятых покрыт океаном, и вероятность того, что космический металлолом свалится на голову кому-то из горожан, ничтожно мала. А все остальное на этой планете - неважно.

«АДРОН» умудрился еще раз показать свое могущество, рассчитав траекторию приземления таким образом, что «Игла-2», спустившись достаточно низко, чтобы антенны слежения потеряли ее из виду, бликнула над водами океана и опустилась в заданном квадрате суши в посадочное гнездо. И погрузилась, как в трясину, в слой растительных остатков, поверх которых бушевали и цвели джунгли.

Глава шестая

Джунгли

Беглецы уходили прочь от корабля. Мужчины шли первыми, прожигая сезамами дорогу в гуще травяных стеблей, лиан и молодых ростков, сражавшихся за право вырасти могучими деревьями.

Долгие десятилетия растения чувствовали себя вольготно на заброшенной платформе для космических стартов. Растения были везде: они заполнили посадочное гнездо, оплели платформу, протянув длинные гибкие стебли из леса, разрослись поверх плит площадки на перегнивших останках своих же предшественников. Сезамы справлялись, расчищая коридор в высокой траве, сквозь колючие клубки держи-дерева и ширмы мхов, свисающих с жестких, склонившихся арками змеевидных растений с завитками стеблей в форме пружины.

- Здесь не прибрано, - заметила Мрия, осматриваясь и перешагивая через сухой хворост.

Все рассмеялись.

Тимох, единственный местный, назвал зеленое лиственный буйство подлеском.

«Если это - подлесок, то что творится в лесу?» - подумала Анна и повернула голову, с интересом рассматривая нарядное цветущее дерево, возвышающееся над остальными растениями. Мрия тоже заинтересовалась этим местным экзотом.

«Девушкам всегда нравятся букеты, - констатировал про себя Тимох Рей, отключив сезам и бегло глянув поверх подлеска туда, куда были направлены взгляды белль. - Даже если букет тридцать метров в окружности».

Вслух пояснил:

- Это лириодендрон, тюльпанное дерево-старожил, вон какое вымахало, полсотни метров в высоту!

- Невероятно! - восхитилась Мрия. - На нем столько цветов! Они очень крупные, раз видны даже отсюда, и яркие, как огонь. Мы пройдем мимо? Хочется взглянуть на такую красоту поближе.

- Ну уж нет, к лириодендрону я вас не поведу.

- Нам в другую сторону? - поинтересовалась Анна. Тюльпанное дерево с полыхающими гроздьями цветов поразило и ее.

- Нам-то как раз в ту сторону, - сказал пилот. - Тюльпанные деревья специально высаживали по прямой между бункером и стартовой площадкой, они практически круглый год видны издали - идеальный способ обозначить местонахождение убежища. Здесь растет только один лириодендрон, потомок первых деревьев. Значит, бункер был законсервирован лет на двадцать раньше, чем другие схроны, за местом никто не ухаживал и выжило только одно дерево. Лириодендроны требуют присмотра в первые двадцать лет своей жизни, лес здесь слишком... хм, активный.

Лучше не приближаться к лириодендрону ближе, чем на сто метров: он в периоде бурного цветения, и его приторный аромат будет особенно сильным. А если на дереве есть надломленные ветви, то запах становится тошнотворным. Мы-то, может, и проскочили бы, задерживая дыхание, но я не знаю, как действует запах на младенцев.

- Обойдем! - распорядился галерец.

Этот любит оставить за собой последнее слово.

- Здесь водятся опасные существа? - спросила Анна.

Спросила без страха, скорее, она хотела, чтобы ответ услышала Мрия, слишком старательно прикрывавшая руками ребенка в рюкзачке, укрепленном на груди.

- Днем нам нечего опасаться, - уверил девушек Тимох. - Разве что неожиданно выскочит белка, ящерка или кролик. Животные здесь прыткие, но маленькие. Да, и не срывайте растения и цветы, пока не научитесь различать их.

Он улыбался, вдыхая воздух родной планеты. Он радовался счастью снова стоять на земле, да еще такой роскошной, как земля Семилунного, приказал себе забыть потерю патрульного корабля, жить настоящим и думать о будущем. Тимох Рей вернулся домой и чувствовал это. Странно. Патрульному не положено привязываться к дому...

Ветер не разделял охватившую всех эйфорию от встречи с залитым светом и полным жизни миром Ило. После посадки галерец стал подозрительным и дерганым.

Они только-только прошли плац, Тимох всмотрелся в периметр ограды посадочной площадки, слабо тронутой растениями. «Наверняка протянули полисоновую сеть!» - решил он. Отметил угол разворота заросших до неузнаваемости ферм, служивших креплением для мощных прожекторов на заре освоения планеты, когда в научных целях вели ночную видеосъемку. Сделал выводы, понятные только местному, и увел путешественников на восток. Чуть позже его спутники поняли, что идут к зеленому бугру неестественно правильной формы, возвышавшемуся в километре от посадочной платформы. Им не пришлось плутать, патрульный пилот правильно определил направление. Вскоре Тимох и Ветер, шедшие первыми, уперлись в купол, покрытый титановыми пластинами. Когда очистили квадратный метр титановой поверхности, полностью скрытой за растениями, Тимох показал на сплошное чешуйчатое покрытие, каждый сегмент напоминал широкую короткую стрелку.

Он уверенно произнес: «Нам - туда!»

Они стали обходить купол в направлении стрелок и обнаружили вход, закрытый на несколько дебелих деревянных засовов, отодвигать их пришлось вручную, перед этим тщательно очистив их от мелкой и крупной зелени, увившей здесь все. Патрульный капитан объяснил, что в джунглях Ило предпочитают простые приспособления и механику, они надежнее и служат без срока давности.

Гости планеты вошли внутрь и оказались в просторной, совершенно темной полусфере, в которую солнечный свет проник только прямоугольником у входа.

Тимох снова напряг память, вспоминая типичные инженерные решения строителей куполов. Нашарил на стене справа от двухстворчатой двери приборный щит, за ним - снова механические рычаги жалюзи. Их не без усилия, по одному повороту зубчатого колеса, они с Ветером опустили вниз, вниз и вниз - до упора. В высоком куполе стали открываться небольшие, но многочисленные просветы; оказалось, перекрытие имело сетчатую конструкцию. Отверстия открывались постепенно, и это продолжалось все время, пока беглецы находились под сводами. Но даже первые открывшиеся «окна», несмотря на густую растительную оплетку снаружи купола, дали света достаточно, чтобы разглядеть ангар. А это был именно просторный ангар.

Здесь хранились два мотоцикла, внушительные, несмотря на дату их производства - этой технике исполнилось лет сто, и даже больше. Пылилась тележка дрезины, установленная на рельсах, нырявших под ворота в дальней стороне ангара. Еще здесь были гидравлические подъемники. За ними стояли крепкие стеллажи, и за стеллажами подвешены несколько двухколесных узких штукоев с рулем и маленьким сиденьем: эти назывались велосипеды. Звездолетчики разглядели садовые качели и квадратные формы на ножках, прикрытые решетками. «Это решетки для поджаривания пищи на углях», - так пояснил назначение квадратных форм Тимох. В другой стороне ангара нашли себе место контейнеры и канистры; туда же сгрудили кое-какой хлам с челноков «земля-орбита», плюс самоходные ящики для личных грузов...

Но было ясно с первого взгляда, что под куполом никогда не жили люди.

- Это схрон? - скрестил руки на могучей груди Ветер и озадаченно оглянулся на жену с младенцем.

- Нет. Купол слишком легкий, здесь от флорников людям не спрятаться, - ответил Тимох.

Похоже, именно мотоциклы были целью его похода.

- Посмотри-ка, - сказал он, с горящим взором обходя мотоциклы и сбрасывая с них прозрачные защитные кожухи. Но галерец и сам уже присел перед терратехникой, изучающе ее разглядывая.

- Два кроссовера с Земли, в свое время уникальное предложение военного ведомства. И оба универсалы, каких мало, - сказал патрульный.

- «Безмолвный сокол», - прочитал Ветер, водя пальцами по хромированной надписи на боку мотоцикла. - А этот - не разберу, буквы непонятные, небось не космолингв.

- «Куух», - подсказал Тимох, похлопывая по сиденью второго мотоцикла. - Это финский язык с планеты-матери. Финский экипаж летел сюда в числе первых, они мастера лесозаготовок. Правда, лес не сразу позволил себя использовать. На Ило все начиналось непросто.

«Куух»! Ветер презрительно фыркнул. У терровцев, куда бы ни прилетел, всегда обнаружишь какие-нибудь фишки типа старого чудного языка...

- Не доводилось видеть такую резину, - заметил Ветер. - Да и колеса тоже.

- Все для езды по плохим дорогам и даже по бездорожью: длинноходная подвеска, высокий и широкий руль с перемычкой и защитой рук и полудуплексная рама.

Тимох положил руку на сиденье:

- А еще у этих суперов электрические моторы на литий-ионных батареях, поэтому двигаются они бесшумно.

Для длинных дистанций можно задействовать мульти-топливные двигатели...

- Мультитопливники установлены? - перебил Ветер. - На чем они работают?

- На бензине, а хочешь - на реактивном топливе.

- Реактивная горючка есть в «Игле»!

- Мы найдем кое-что получше. Здесь должен быть Jet A-1 для газотурбинных двигателей. Обычно запас топлива оставляют в ангаре, даже если бункер не используется. На крайняк эти стальные звери работают на пропане, солярке и даже, если совсем уж непряха, на оливковом масле. Это кулинарное масло, если ты не в курсе. Но масла здесь точно не будет. Поэтому ищем Jet A-1.

- Во даешь! - восхитился Ветер. - Покатим в столицу?

- Нет, не выйдет. Нужно затаиться в джунглях на несколько недель. Анна получила инструкции на этот счет. Да и без инструкций ясно, что нас уже ищут. Поэтому придется сидеть тихо и не высовываться. Первым делом надо завести мотоциклы и от них запитать энергосеть. Потом двинемся в бункер. Без работающих мотоциклов в настоящем схроне нечего делать, сейчас там темно хоть глаз выколи, схрон обесточен, мы не сможем приготовить еду и включить холодильники. «Безмолвный сокол» и «Куух» по отдельности производят энергию, которой хватает для снабжения всех систем убежища, даже если в нем живет человек тридцать. В начале колонизации Семилунный закупал эти мотоциклы исключительно как мобильные электростанции. Их спускали в джунгли на парашютах, и мотоциклы давали энергию для линий связи, для сенсоров, для медицинского и светового оборудования, водоочистителей... В общем, отличная универсальная техника. На мотоциклы вся наша надежда. Плюс на того, кто ждет нас в городе. Нам могут понадобиться специальные лекарства, кое-какая бытовая химия, из еды что. Поэтому готовься к походу в Вечный Май, в этих лесах запрещено ходить поодиночке - это правило не меняется со времен Первых. Спроси у девушек, что купить для них и для ребенка. Я сейчас подключу «Куух». «Безмолвный сокол» пускай подождет.

- В звездеч все холодильники и системы, проехать надо! Я без этого не уйду! - ухмыльнулся Ветер, оценивая немаленький диаметр ангара и собираясь оседлать мотоцикл.

- Проехать - это обязательно! - согласился Тимох.
- Ветер! - забеспокоилась Мрия, кивая на девочку в нагрудной сумке.
- Чего? - не понял галерец.
- Она спит, - прошипела первая белошвейка.
- Есть! - недовольно повесил голову новоиспеченный отец и поинтересовался у патрульного:
- Шуму будет много?
- Мотоциклы едут тихо. Военные тоже не хотели много шума.
- Жаль! - вздохнул галерец. - Я люблю закрытые гонки на одиночных флаерах: такие, знаешь, чтобы ангар ревел и трясся от выхлопов и грохота моторов! Вот это гонки! А это, значит, старые пердуны с Земли...
- Зато могучие пердуны, йло! - хохотнул пилот. - Почувствуй мощь их нутра, мало не покажется!

Белль Анна хотела посмотреть мотоциклы в деле, Мрия колебалась, но солидарные мужчины на всякий случай выпроводили девушек из ангара - резина колес кроссоверов, предназначенная для езды по бездорожью, плохо управляется на гладкой поверхности. Пол в бункере был не то чтобы гладким, он был мелкофасеточным, но все-таки... В общем, девушек убрали. Белошвейкам вынесли наружу качели, патрульный пилот козырнул им, получил согласие на гонку мотоциклов от всех троих женщин (одна из них спала и по умолчанию была присоединена к числу согласных) и сбежал в ангар, где уже сдержанно, но могуче взревел «Куух» под галерцем.

После лихой, но короткой гонки (приходилось оглядываться на время) патрульный подключил аккумулятор «Кууха» к подземному кабелю, шелкнул рычагом рубильника, проследил, как оживает трансформатор, как отвечает на включение система питания схрона, и распорядился трогаться в путь. Где-то рядом в джунглях их ждал бункер. Пока беглецов не начали искать на Семи-лунном, нужно успеть побывать в Вечном Мае, столице кантона. В Мае им передадут портативные аккумуляторы, средства защиты, концентраты и все необходимое для выживания в лесу. В ближайшие месяц-два им придется затаиться в джунглях и обойтись без походов в город, а сейчас надо пошевелиться: до столицы часа четыре быстрого ходу туда и столько же обратно, и не пешком, конечно, - на механической дрезине. Лучше иметь запас времени и успеть вернуться засветло, потому что ночевать в городе опасно для их свободы, а ночевать в джунглях - смертельно опасно. Ночь на этой планете не щадит никого.

В деле разгона дрезины Ветер оказался подходящим напарником. Вдвоем с патрульным капитаном они неутомимо качали рычаг руля, и тележка неслась по рельсам с предельной скоростью. Вот только вопросы Ветер задавал странные:

- У вас тут травки по ночам шамкали всех без разбору, пока ребята не сообразили, что к чему?

Тимох покосился на галерца:

- И за сто двадцать лет ничего не изменилось.
- Так и не сладите с деревьями?
- А зачем? - ответил пилот.

Ветер не понял: шутил, или как?

...Парни доставили к схрону девушек, убедились, что бункер готов защищать людей от специфической иланской ночи, поспешно вернулись в ангар и вывели наружу дрезину. Но сначала им пришлось как следует потрудиться над старыми задвижками на воротах

для техники. Получалось, они потеряли драгоценное время, устраивая девушек в бункере, затем Тимох давал необходимые указания Анне, и весь инструктаж и обход убежища заняли минут сорок. Теперь Тимох и Ветер спешили в город, толкая дрезину по рельсам внутри путепровода, проложенного в непролазных зарослях. Внутри – потому что путепровод представлял собой синтетическую сетку, свернутую рулоном. Он протянулся под пологом леса, зарос снаружи, но был свободен от растений внутри.

– Типа травки охотятся на людей и сейчас? Ты не свистишь?! – усомнился Ветер и даже перестал ворочать рычаг дрезины.

– Подожди, наступит ночь. Первая для тебя.

– Почему это касается меня? Чего тянешь мяо за хвост? Выкладывай уж все!

– Ну, не только тебя это касается. Еще, пожалуй, Анна будет слышать первую ночь. Мрие случилось гостить на Ило несколько дней – я узнавал. Ей, возможно, посчастливится моментально уснуть. И ваша маленькая Надя хорошо спала две ночи и без фиала. Больше Мрия не может ничего сказать – у вашей наследницы в жизни и были-то всего две ночи.

Тимох примолк, задумавшись. «Надо же! Живешь на свете двадцать семь лет, а рядом с тобой вдруг появляются и сопят в две дырки те, у кого всей жизни – пара суток, как у цитрозусов...»

Они достаточно утомились и стали все чаще по очереди брать паузы, но по-прежнему гнали дрезину по свободному от растений коридору, неразличимому на расстоянии метра, если пытаться высматривать его со стороны джунглей. Флорникам не нравился полисон, материал, из которого изготовлена сеть путепровода, – растения, оплетая стенки путепровода снаружи, не стремились внутрь. Благодаря полисону стало возможным поддерживать тропинки на Ило в проходимом состоянии, и путникам было на руку то, что лес надежно маскирует узкую одноколейную дорогу для тележки с ручным приводом.

Ветер с брезгливой миной отсек на ходу большой, увядший раньше времени желтый лист, свесившийся внутрь через сетку путепровода. Осмотрел длинное лезвие ножа и пробурчал:

– Этот ваш фиал! В нем все дело! Да, припоминаю. «Закаты на Ило Семилунном завораживают» – я успел заглянуть в Большую Космическую Энциклопедию перед маневром на орбите. Еще есть статья про эти, как их, э-э-э... выделения насекомых. Про фиал с сильным снотворным действием и нофиал – утренний ветер с моря, сдувающий этот морок.

– Верно. Большая Энциклопедия точна каждым словом, и это не поэзия: наши закаты действительно завораживают. Но на новичков фиал действует не сразу, а через ночь-другую. На третью ночь ты будешь спать здоровым сном младенца. Ладно, не буду тебя напрягать, я позабочусь о безопасности женщин и о нашей с тобой безопасности.

– А о ребенке?! – нервно и подозрительно воскликнул басовитый Ветер. – Маленькую Надю не убьет этот ваш фиал? Мою малышечку?

– Это здоровая планета, – успокоил Тимох.

Ветер становился другим, когда речь заходила о новорожденной. Рыжий гривастый верзила, сам еще совсем пацан, козырял своим отцовством. Даже голос менялся.

Должно быть, счастье – держать в ладонях собственного ребенка, свою генетическую копию и копию женщины, которая родила его от тебя...

У Тимоха с недавних пор тоже есть ребенок. Это сознательное решение. Сирота на попечении – почет, знак отличия и признание благонадежности офицера. Многие патрульные офицеры так и не женятся: долгие вахты, дефицит девушек на базах,

разбросанных по всем концам системы. Да и отлеты с кочующим караваном кораблей в другие концы галактики случаются, и особенно любят отправлять в такие полеты бессемейных...

Патрульный принял своего эфеба трехлетним и только стал привыкать к нему, как судьба бросила его за край вселенной...

Ребенка отнимут после авантюры с полетом в эпсилон.

Это неправильно, это ранит.

Рейнiasу – славный мальчишка. Тимох хотел бы видеть его взросление. Эфеб где-то здесь, на планете, со стариком Петре Браге. Наверняка в летающем отеле в небе над Ило...

А Ветер, не останавливаясь, гудел над ухом:

– Ты знаешь способ, как самому не уснуть от фиала?

– Я? Наоборот, я усну первым – я же иланец. Мы не можем сопротивляться фиалу дольше получаса, это дохлый номер. Мы возвращаем себе способность не спать по ночам, лишь когда покидаем планету, и не раньше, чем организм очистится от остатков фиала в крови. Я просто приму нужные меры, чтобы все мы дожили до утра. Поверь, подышать в удавке хищной лианы или быть покровсанным нож-травой мне неохота. Особенно сейчас. У меня, знаешь ли, совсем другие планы.

– Надеюсь... – буркнул Ветер.

Он приказал себе не верить пилоту. Этот патрульный специально нагонял страху. Ветер догадывался, зачем ему это надо.

Задача следить за тропой давалась галерцу нелегко. Ветеру мерещилась опасность на каждой пяди густых зарослей, пытающихся проникнуть сквозь полисоновую трубу. Но опасность не от растений. Ветер озирался, пытаясь определить, что может их выдать и откуда ждать преследование ищеек Звездного флота. Непонятные разговоры о флорниках его нервировали.

– Впереди заросли! – буркнул Ветер. – А ты говорил, в путепроводе безопасно!

– Ерунда. Молодые стебли лимокка ошиблись местом и проросли здесь. А растут они быстро, вот и вымахали. Кстати, лимокка съедобный. Вернемся – будем рвать на салат, только сначала надо долго вымачивать его стебли, чтобы исчезла горечь. Этот путепровод сработан из полисона, а полисон не нравится местным растениям. Если лист-другой прорастет, то уже утром чахнет и к вечеру иссыхает в пыль. Полисон спасает столицу от веселой ночки: если бы не полисоновые ограждения, утром никто не открыл бы двери своих домов. А некоторые дома, особенно внешние, просто разорвало бы. Здесь у отдельных деревьев корни уходят на двадцать метров под землю.

– Занятная у вас планетка! – присвистнул Ветер.

– Не жалуемся! – ответил Тимох, весело ослабившись.

Лениво и коротко подавали голоса птицы: послеполуденное время не располагало к пению. Вдали монотонно всхрапывал болотный ревун. На все лады стрекотали насекомые. В кронах деревьев звонко цокали стремительные белки, в прыжке с ветки на ветку вспыхивая ярко-красным хвостом. Они двигались так быстро, что мелькание хвоста казалось красным росчерком на изумрудном облиственном фоне. Но заросли, обычно наполненные шелестом, шорохами, скрипом и скрежетом растений и звоном цветов, молчали, и Тимох знал, почему. Здесь несколько лет не было людей.

Сколько именно лет – кто знает? Может, несколько десятилетий? Даже патрули, похоже,

не интересовались этой тропой. Теперь джунгли прислушивались к путешественникам: до вечера оставалось не так много времени.

- Слушай, - сказал Тимох галерцу приглушенным голосом, и дрезина пошла медленнее. - Помни, мы не на прогулке. Нас разыскивают дознаватели - это раз. Вечный Май контролируется патрулями, особенно по периметру, - это два. В основном патрульные заняты изучением состояния почвы с обеих сторон городских стен и намерениями растений на ближайшую ночь, но, сам понимаешь, профессионалы, привыкшие наблюдать и контролировать, не упустят все, что попадет в зону их внимания. Наша задача - не делать ничего такого, что может нас выдать. Давай повторим наш план. Входим в город, забираем все, что приготовил доверенный человек, и уходим с соблюдением всех предосторожностей. Помни: после того как разделимся, ты первым делом покупаешь снаряжение любителя-орнитолога.

- Кто такие эти орнитологи? - подозрительно поинтересовался галерец.

- Ученые, специалисты по птицам. Но у здешних орнитологов интересы шире. Они изучают морских птиц, крепят им на лапы камеры и исследуют заодно и побережье - на береговой полосе живет много неизученных ядовитых тварей.

Ты купишь обычный комплект орнитолога, только открывшего полевой сезон. В комплект входит большой рюкзак и самоходный ящик - он разрешен до границы гор...

- Чего было не прихватить самоходный ящик из ангара? Там этого добра - навалом.

- Мы не на «Галере». Здесь существует такое понятие, как мода. Дурацкое, в общем-то, но надо считаться, если не хотим, чтобы на нас глазели. На нелепых подростков, ряженых во всякое понтовое старье, добытое на барахолках, ни ты, ни я уже не тянем. С ящиком столетней давности легко привлечь ненужное внимание. Понятно?

- Проехали! - Ветер подавил раздражение. Пилот небось принимает его за недотепу. - Значит, покупаю снаряжение.

- И надеваешь что-нибудь из комплекта одежды на себя.

- Надену хоть все.

- Ты видел это снаряжение? Будет жарко не по сезону. В принципе, хватит куртки нараспашку и кепки: удобная кепка, ни к чему не обязывает и выдает род твоих занятий.

- Ладно.

- Потом, запоминай. Если вдруг меня что-то задержит в городе - это я говорю, чтобы ты был в курсе, - если тебе придется заботиться ночь-другую о женщинах и ребенке, помни: не дожидайся заката, несколько раз проверь, закрыты ли входные двери первого и второго периметра базы. Проследи, нет ли под дверью или внутри бункера принесенной снаружи земли, даже малой горстки. Учти: самые агрессивные растения - с вычурной окраской.

- С ваучерной?

- Нет. С вычурной. Это когда на растение словно брызгали колером из разных баллончиков. Самые мирные - темно-зеленого цвета. Ядовитые растения бледные, почти прозрачные, или необычного окраса. Цветы днем все безопасны, кроме бархатистых и махровых. Белые цветы не бывают хищными и никогда не бывают махровыми. Сорванные днем цветы тоже безопасны - девушки оценят. Если вдруг не уберезетесь - противоядие в медбоксе внутри схрона и в сейфах над входом снаружи базы. Сначала пускай в ход спрей, он даст вам передышку и время внимательно вычитать инструкции по применению лекарств. Если спрей не поможет, используйте лекарства. Не паникуйте. Растениям вас не достать, если все сделаете правильно перед тем, как начнет воровать фиал.

- А если я окажусь ночью под открытым небом? - поинтересовался Ветер.

Тимох глянул на компаньона и с иронией дрогнул бровью:

- Как говорит в таких случаях мой знакомый, это любопытство теоретика?

- Типа того, - сглотнул галерец, чувствуя, что зашел в своем любопытстве слишком далеко.

- Если ты окажешься вне базы, тебя сожрут, или разрежут, или прорастут сквозь, или задушат, или раздавят. В любом случае используют со стопроцентной эффективностью, даже одежду. Не останется ничего, врубаешься - ничего. «Скроет трава до полуночи» - говорят у нас. Нет, кое-что останется: нити полисона. Их вводят в состав тканей, чтобы иметь возможность найти следы пропавших. Но базе больше ста лет, в те времена полисона не было. В космосе тоже вряд ли есть нужда в этом материале. Поэтому, сам понимаешь, наши с тобой вещички флорники переварят полностью.

- Значит, флорники? - пренебрежительно отозвался галерец, которому надоело слушать про флорников.

- Ночные необузданные растения. Мы не наделяем их мистическими признаками. Но как-то надо обозначить, что днем и ночью они разные. Очень разные. Под семью лунами здесь не то, что днем, все по-другому. Здесь ночью чего только не происходит. В принципе, мы довольны, что ночи для нас проходят спокойно благодаря фиалу. Когда Семилунный только открыли, те, кто сошел на планету первыми, просто умерли во сне. Они даже не осознали, что с ними делают флорники, - они просто исчезли.

- Понятно, - равнодушно ответил Ветер, чтобы округлить этот разговор.

Тимох чувствовал: галерец не вникает в сказанное, - но продолжал терпеливо вещать. Не подготовить человека к ночи на Ило Семилунном - верх подлости. А подлых планета не любит.

- Лучше не оставаться на ночь вне стен. И не каждые стены годятся для ночевки на Ило. Это понятно?

- Понятно. Я не дурак. - Галерец качал дрезину особенно яростно. Внутри него сама собой накачивалась гремучая смесь страха и недоверия.

- Да, есть еще горы. Там безопасно, но добраться до них уметь надо. Если проследить за полетом птичьих стай, легко определишь, где ближайшее место ночевки всех птиц и зверей округи. И еще мотыльки цитрозусы танцуют только над джунглями и не танцуют над горами.

- А в этой кишке полисона реально выжить? - Ветер на ходу носком ботинка ткнул в крупноячеистую сетку.

Тимох помедлил, прежде чем ответил:

- Есть ничтожно малый шанс дожидаться утреннего нофиала - это дневной состав атмосферы. Он ощущается как легкий бриз с моря и сдувает морок. Но я бы не обнадеживал. Можешь ручаться, что твой организм уникальный и ты не сомкнешь глаз всю ночь?

- Растения не лезут сюда, ты сам говорил.

- Не любят лезть сюда, полисоновая сеть ослабляет их. Если путепровод пуст - они обходят его. Но если в нем застрянет такой кусок органики, как ты, да еще на всю ночь... Лично я бы выдал никудышный прогноз. Даже если ты не дашь траве разрезать себя или исколоть, если будешь отбиваться от лиан, - могут отравить ядом. Сетка-то крупная. Даже если ты невероятный везунчик, потом жди другой беды: утром тебя заметет полиция. В нашем положении это плохой исход дел, самый фиговый, потому что накроют не одного, а сразу всех. Я бы предпочел, чтобы флорники тихо меня съели.

- Ты говоришь, что по путепроводу можно смело двинуть в город, а потом толкуешь, что полиция сразу найдет? Неконкретно получается.

- Все конкретно. Сейчас день, растения заняты фотосинтезом, им не до нас. А я тебе толкую про ночь. Над путепроводом, где ты будешь героически выживать, за ночь вырастет целый холм зелени, и любой иланец поймет, в чем дело. Джунгли потянутся

сюда всеми своими ветвями, корнями и прочим. А за ними – посмотреть, в чем дело, – на восходе солнца двинет полиция. Уяснил?

– Вот же ублюдки!

– Кто? Полиция кантона?

– Нет, местные травки! – Ветер раздраженно кивнул в сторону зарослей.

– Относись к местной флоре без эмоций. Это растения. Просто растения: капуста, морковка, цветочек, лист, стебель, дерево. Уяснил? Тем более, днем они совершенно не такие, как ночью.

– Ладно, – пробурчал раздраженный слишком сложной инструкцией по выживанию галерец. – Кто еще в бункере знает, как здесь не пропасть?

– Я сейчас подумал об этом. И, выходит, толком никто не готов. Я приказал Анне закрыть все входы и выходы с наступлением вечера. Но девчонки выросли на Земле, на их родной планете ничего подобного отродясь не водилось. Думаю, они не могут оценить размеры опасности. Да и ты вряд ли веришь мне.

Патрульный пилот заглянул в лицо попутчика:

– Ветер, мне беспокожно за них! Понимаешь, у этих белль другие м-м-м... понятия. К растениям они относятся, как к благословенным детям планеты. Растения Земли – жизнедар для тамошнего населения. Я сказал Анне о фиале, но забыл сказать, чтобы ничего не рвали и не несли в бункер. Мы зря оставили их. Ветер, один из нас должен вернуться. Есть варианты?

Ветер настороженно насупился:

– В город мне одному лучше не соваться. Получается, возвращаться надо мне. Успею?

Тимох глянул на экран наручния.

– Двигай без остановок. Успеешь. И еще в запасе будет полчаса. На, держи.

Он вручил миникубо напарнику.

– На кой мне твой наручень?

– Я записал на диктофон все, что наговорил тебе. Смотри в оба и не наделай ошибок!

Ветер повел глазами по сторонам, взгляд был хмурый.

– Да не сейчас оглядывайся, – хмыкнул Тимох. – Вернешься – осмотри базу, верни женщин внутрь и накрепко задрай все входы, не дожидаясь заката, ладно? Там есть схема помещений – изучи как следует до наступления темноты. Справишься?

Ветер не ответил.

Тимох предпочел не выяснять, чем снова недоволен напарник. С него и в полете хватило сложностей с галерцем.

Кивнул:

– Ловенна б-вилана – доживем до утра!

Прощание прозвучало зловеще.

Глава седьмая

День первый

Тимох спрыгнул с остановившейся дрезины. Повернулся в сторону города и в следующее мгновение оказался в захвате мускулистых рук, а длинный нож, который сам вручил напарнику, лег грязным лезвием поперек горла пилота.

- Что опять не так? - прохрипел патрульный, стараясь сохранить остатки невозмутимости. Внутри него все клокотало от бешенства: галерец оказался еще большим засранцем, чем можно было предпо...

Ветер грубо дернул пилота.

Лезвие мачете опять щекотало кадык.

- Что не так? Ты мне говоришь, что не так?! Хочешь сбежать в город, чтобы подставить меня? По-твоему, я придурок и не понимаю, против кого все улики? Против парня с «Галеры»! Двое суток назад я пришиб патрульного офицера у входа в его же корабль, вошел в патрульник, и больше ни корабля, ни офицера никто не видел! И это не все! Исчезли сразу три корабля, и все - от причалов «Галеры»! Начну оправдываться, но мне не поверят. Поверят - тебе! Кто был в эпсилон и вернулся живым? Галерец? Фу! Зачем нам какой-то галерец?! Это тот парень, который пытался захватить корабль? Защемить ему яйца! А покажите нам настоящего героя: потомственного офицера, выпускника летной Академии!.. За угон судна отвечу я! Я!!! А ты будешь всю жизнь пожинать лавры, писать умные книжки про зону эпс и вешать новые шевроны на свой долбаный китель!

- Мы сдохнем оба! Здесь, на этом месте! До полуночи! - прохрипел Тимох. - Хочешь убедиться? Это и есть твоя забота о своем ребенке и его матери? Режь меня, параноик, съешь тебя цветочек! Женщинам не выжить даже в бункере!

Ветер в ярости оттолкнул патрульного. Он передумал устраивать расправу над пилотом.

Их разделяло несколько шагов.

- Подсечешь момент и отомстишь, да? - По вспотевшей морде галерца на мужественную квадратную челюсть стекли слезы, голос обиженно дрожал. Он держал нож наизготовку.

- Не стану этого делать ради твоей дочери. Ты нужен ей.

Тимох медленно, не делая резких движений, чтобы не вспугнуть галерца, повернулся к Ветеру, обнажил спину, задрал форменную куртку и майку до самой шеи.

- Подойди и помоги мне - самому тяжело изловчиться. Вырежи у меня из-под лопатки одну штуковину...

- И она взорвется у меня в руках, да?!

- Йло!!! - не выдержал Тимох. - Ну и дерево! Взорвется!.. Ты долго придумывал эту хрень? У меня под кожей сигнальный маяк! Его срочно надо удалить!

- А то что?

- С маяком мне нельзя не то что сунуться в город, мне и возвращаться нельзя - ни вперед, ни назад! Скоро здесь прошуршит патрульный квадрокоптер, такая летающая штуковина с камерой, - проверить, кто двигается по заброшенному путепроводу. Я - местный, а нам с трехлетнего возраста вшивают маячок; у каждого есть маяк, и он рассчитан на долгую жизнь.

- Зачем?

- Не догадываешься? Плохо же ты уяснил все, о чем я тебе рассказывал! Здесь в ста метрах за городскими стенами рискуешь потеряться навсегда, вот зачем всем ребятам вшивают метку.

- Врешь! Как же ты собирался войти в город, меченый? Еще и меня вел?!

- Я ни разу не отбивался от группы в детстве и последние пятнадцать лет болтаюсь исключительно в космосе. Да я забыл о метке! Просто за-бы-л-о-мет-ке!

- Ага! И местные патрули уже знают, что ты приземлился на Ило, и в каком именно схроне остановился, и что направился в Вечный этот ваш... Май?

- Нет, пока все не так плохо. Моя метка ни разу не активировалась. Но она включилась во внутреннем периметре: это кольцевой путепровод, он огибает столицу. Мы только что проскочили мимо развилки. Видел?

- Ну, видел, - подозрительно процедил Ветер, вспомнив, что метрах в двустах за спиной путепровод пересек другой, тоже из синтетика полисона и с одноклейкой, уходящей вдаль.

- Я вспомнил о маяке, потому что зачесалось под лопаткой - это включилась метка.

- Вовремя вспомнил, значит?

- Вовремя, йло, - согласился офицер.

- Ладно! - Ветер снова стал благодушным. - Уж не обессудь, братан! Мы, пацаны, иногда деремся. Это же ничего, да?

- Режь скорее, - распорядился Тимох, думая, надолго ли ему хватит терпения с галерцем. - Да не твоим ножом, я сдохну от заражения крови. Расчехли мой... И, главное, не вырони маяк, он величиной не больше горошины перца. Это самое важное: не вырони. Я должен унести маяк в лес. Покружусь на полянах и оставлю у себя до утра. И даже больше: донесу маяк почти до самых терминалов Мая.

- Зачем петлять в лесу? Ритуал, что ли?

- Ээээ... - выдохнул Тимох, переживая саднящую боль под правой лопаткой. Из Ветера хирург - как из ежика мочалка, расковырял всю спину.

- Птицы шу часто воруют у жителей мелкие предметы, - сказал патрульный. - И среди безделушек им порой достаются приборы с маячками. Потом шу разносят безделушки далеко по окрестностям. Я буду вести себя, как самец шу: влетел в путепровод, вылетел, занес маячок на заветную полянку, но не оставил. Птицы носят предметы с одной поляны на другую и перекладывают раза три-четыре, пока не определятся с местом для ухаживаний за самочками. Мне придется оказаться на закате там, где окажется любая птица округи - на ближайшей горе, и повыше, куда флорники не дотянутся. Квадрокоптер-соглядатай проверит путепровод и уберется в город, как только дежурный наблюдатель в Вечном Мае решит, что, по всем приметам, проказничает самец шу. А дальше - дальше видно будет. А ты, если не дашь себе заболеть новой маниакальной идеей, должен наглухо задрать базу, понятно? Так ты согласен вернуться, или я уйду с мыслью, что Анна и Мрия остались на ночь одни?

- Я типа здесь ночевать буду? Нет уж. Конечно, двину обратно. Все сделаю, - заверил Ветер.

Ветер повел дрезину в обратную сторону, оглянулся напоследок и увидел, как решительно, мерной и скорой походкой удаляется в перспективу путепровода офицер Тимох Рей. В линиях его спины смутно читалась обреченность.

Ветер почмыхал носом: «Интересно, а если бы я прикончил пилота, что бы стал делать на чужой планете-то? Нет, это я сплеховал. Пусть поможет обосноваться. Может, не надо отпускать офицеришку в джунгли? Сдалась ему птица шу! Выкинуть метку в заросли - и все, и вместе вернуться в схрон?..»

Галарец вспомнил, что времени у него в обрез, а толкать дрезину нужно в одиночку. И не до базы, а еще только до холма, где кончается направляющий рельс и где стоит ангар с этим самотолкаем и другим железом разного назначения, и главное, с мотоциклами, которые не для поездок, а, оказывается, подстанции, вырабатывающие электричество для бункера.

Тимох нервничал. Вызвездок, йло! Дальше-то что делать с чурбаном? Появится в городе

- выдаст себя, погубит дело. А может, до этого и не дойдет? Галерец скоро познакомится со здешней флорой. Травки Ило быстро нащупывают слабинку.

Надо бы прийти в равновесие.

Все, что справедливо насчет галереца, точно так же работает и по отношению к нему, Тимоху Рею. «В лесу будь с лесом», – говорят на Ило. Надо подумать о чем-то нейтральном...

Как там Анна?

Анна...

Анна...

Что делает гусеница? Наедается, щекастая, небось, до отвала...

Подумал, что к высокой груди Мрии приклеивались же и губы краснорожего галереца, и опять взвинтился.

Ну и вызвездок!

Тимох решил, что прошел внутри путепровода достаточно. С трудом, но протиснулся сквозь гибкие ячеи полисоновой сети, не порвав их, и углубился в лес. Предстояло намеренно петлять, делать круги, которые выписывает самец шу, готовясь к брачному периоду. Верткий и сообразительный проныра с цепким клювом всегда украшает место для ухаживаний. Раскладывает безделушки по кругу, меняет, добавляет новые, крадет у других самцов... Придется подыграть птичке. Но увлекаться маскировкой не стоит: слишком дорого время.

Тимох нашел прогалину, покружился на ней, с тоской вглядываясь в клочья высокого неба в просветах ветвей и ностальгируя по брошенному кораблю, скорости и свободе.

Торопливо зашагал в чащу подлеска.

Здесь подлесок был выше головы пилота, и дела его могли быть совсем плохи – он не готовился идти в джунгли. Но на Ило ориентиром служат геометры с зонтичной кроной. Любому местному известно, что геометры растут как по разметке, в направлении с запада на восток планеты. Геометры не уживаются рядом друг с другом, расстояние между взрослыми деревьями в ряду не бывает меньше двухсот метров, и метров четырехста – между соседними рядами.

Миновав пятый ряд этих деревьев с зонтичными кронами, Тимох, утомленный быстрой ходьбой в зарослях, необходимостью раз за разом обходить колючее держидерево и сверять свой путь с расположением геометров, вынужден был остановиться перед непролазными зарослями лианы кампсиса. Он прорезал лаз в переплетении стеблей, усыпанных веселенькими соцветиями, опыливших его ярко-розовой пылью, и неожиданно уперся в каменную стену.

Оказывается, столовая гора, маячившая впереди, начиналась прямо здесь базальтовой вертикалью подошвы – невысокой, но человеку не запрыгнуть.

Тимох не придумал ничего лучше, чем спросить у леса дороги: завел руку за голову, сорвал первый попавшийся лист и, убедившись, что тот загибается зубчатым краем влево, пошел в левую сторону – искать путь наверх.

Подсказка сработала.

Держась левой стороны, он обошел каменную глыбу, когда-то отколовшуюся и лежавшую в зарослях, и за этим куском породы, мешавшим обзору, открылся прекрасный вид. Тимох даже вздохнул от такого великолепия. Крохотное озеро с белым песчаным дном оказалось до краев заполнено водой такой прозрачной, что листья лотоса у берега, где не было движения вод, казались подвешенными в пустоте. Другой край озера беспокойно бурлил: туда впадал горный поток. Тимох осмотрел гору, пытаясь

выяснить, где берет свое начало поток. Но водопады не срывались по здешнему склону. По-видимому, поток выливался из горной пещеры, и значит, для усталого путника есть шанс укрыться там. Будет мокро, но это лучше, чем ничего. Если не отыщется местечко повыше, конечно. Единственное, что беспокоило патрульного: протиснется ли он в пещеру? Да и сама каменная нора наверняка расположена недостаточно высоко, не выше тридцати футов. Для флорников с их вездесущим любопытством сунуться на эту высоту – пустяк. Нет, ему придется искать другой схрон.

Тимох заметил одинокого цитрозуса; белой искрой мотылек мелькнул перед глазами патрульного. «Бездна, до заката осталось не более часа! Сейчас с каждой минутой разноцветная мелюзга будет прибывать, пока не заполнит все небо, и, устроив фантастическую феерию, просигналил флорникам: настало ваше время!»

Первая, пока немногочисленная, стая журавлей спустилась с курлыканием за озеро, где их ждал птичий рай – изобильное лягушками и крупными улитками болото. Тимоху оставалось только поблагодарить судьбу, что болото не встретилось у него на пути. Многочисленные выемки в скальной породе, заполненные остатками гниющих растений, были спутниками гор и поставщиками позднего ужина для сонмов птичьих стай, спасающихся на ночь от флорников на недоступных высотах. В общем-то, не опасные, болота сильно замедлили бы его продвижение: пришлось бы или обходить грязные места, или лезть в жижу по самый пах, оскользаясь на улитках, кишевших на дне. Тимох подумал, что совершенно отвык от родной планеты. Подростком он покинул Ило ради карьеры офицера Звездного флота. И теперь он, урожденный иланец, больше похож на бестолкового вызвездка, рожденного в чреве звездолета и незнакомого с живым телом планеты. Если бы он вовремя вспомнил про маяк под лопаткой, про многочисленные болота у подножия любой здешней горы – вряд ли решился бы на авантюру с походом в Вечный Май. Эта вылазка требовала более серьезных приготовлений, гораздо более серьезных...

Тимох приготовился было карабкаться по уступам раскрошившегося в этом месте склона, но еще раз окинул взглядом чистое озеро, птиц на противоположной стороне и, уверенный, что полезно быть готовым к любым неожиданностям, продумал запасной план. Он поспешил в обход озера. Это быстрее, чем раздеваться, нагишом переходить вброд ледяную воду и снова напяливать на мокрое тело одежду.

Тимох подошел к птицам, но журавли не отреагировали на приближение человека. Они мирно паслись в болоте, опуская клювы вниз и поднимая их к небу; шевеля зобами, проглатывали очередную улитку. Птиц было не больше дюжины. Высоко в небе потянулись к дальним вершинам стаи мелких пернатых: их ночные пристанища раскинулись дальше, к востоку от столицы, на высотах Каменных Братьев.

Тимох набросал в пластиковый карман рюкзака улиток вместе с темными, почти черными, сочными листьями крупной ряски, съедобной и с приятным вкусом. Затем он резко выпростал руку, коварно схватил ближайшего журавля за крыло, затолкал трепыхавшуюся и пронзительно горланившую птицу в рюкзак. Возня с журавлем всполошила всю стаю. Пока Тимох закрывал рюкзак, журавли носились над болотом, но так и не решились вернуться.

Проводив птиц глазами, Тимох подумал: «Голодная у вас будет ночка, но уж потерпите. Ваш брат может мне пригодиться», – и отметил, что в воздухе становится все больше цитрозусов.

Журавль в рюкзаке затих.

– Отдыхай, приятель. Пока тебе ничего не грозит, просто ночь наступила чуток раньше, – пробормотал Тимох и начал подъем.

Приходилось рассчитывать только на удачу. Если ему не повезет и он не найдет подходящий схрон, он не увидит белль Анну и никто не узнает, как погиб офицер Тимох, сын Рея, сына Гвена, внука Тимофея...

Мрия кормила ребенка грудью и лучилась умиротворением и покоем.

Она удобно устроилась на сдвинутых вместе топчанах, на трех слоях расстегнутых силиконовых спальных мешков, служивших одеялами. Один топчан девушки поставили на ребро к стене бункера и покрыли одеялом, и все это вместе превратилось в широкий диван со спинкой и даже с натяжкой претендовало называться роскошным ложем. Анна вынесла наружу мелкоячеистую капроновую сеть, непонятно для чего использовавшуюся во времена освоения Ило Семи-лунного; этой сети в бункере было много. Она хотела рассмотреть сеть получше. Встряхнула, убедилась, что пыли нет, вернулась в бункер и развесила сеть над ложем Мрии наподобие балдахина. Потом белль занялась приготовлением еды, но настряпню ушло немного времени: «вечные» дрожжи работали, как обычно, без ее участия, увеличиваясь в объеме. Тимох обещал, что планета не даст испытать голод, вокруг найдется много растений, пригодных в пищу. Но он не успел познакомить белошвеек со съедобными растениями и запретил собирать и пробовать что-либо без него. Значит, с этой наукой придется подождать. Анна, покидая «Иглу», забрала припасы: концентраты, поливитаминные леденцы, сухофрукты, орешки и масляные семечки. Масляные семечки Анна добавила в опару, и скоро хлеб удался на славу.

Анну тянуло за стены бункера.

Ило Семилунный привлекал первозданной, дикой, необузданной красотой. Их убежище скрывалось в зарослях, оплетавших низкую кровлю базы. Еще немного, и стены всех построек скроются под слоем прелой листвы и растений, хозяйничавших здесь без малого столетие.

Анна прогулялась по выжженной седами дорожке к своему кораблю и остановилась на заросшем земляном валу, образованном, по-видимому, отвалами земли в то далекое время, когда рыли чашу котлована для посадочных платформ. Белль позабавило, что зелень потянулась к ее «двоечке»: это было так очевидно, словно вокруг посадочного гнезда все растения причесали в направлении «Иглы-2». Корабль маскировала такая же сеть, какую она нашла в бункере, только зеленого цвета. Ее набросили патрульный офицер и Ветер, потратив на это немало времени и сил, карабкаясь по закрылкам «Иглы-2». Тимох Рей настаивал на том, что сделать это нужно непременно.

Анна подумала, что, если «Игла» не взлетит в ближайшее время, растения возьмут ее корабль в осаду: оплетут нежно-зелеными лианами с буйно пламенеющими цветами, обовьют стремительно растущими местными травами, на глазах раздвигающими почву.

Она попыталась войти в «Иглу-2», но «АДРОН» заблокировал вход в корабль.

Анна очень удивилась. Она никогда не слышала, что такое может быть.

На ее запрос квантовый кормчий высветил сигнал «ОСТАВАТЬСЯ НА МЕСТЕ. ОСТАВАТЬСЯ НА МЕСТЕ. ЖДАТЬ РАЗРЕШЕНИЕ НА ПОЛЕТ». Озадаченная белль постояла, размышляя, что бы это значило. Вывод напрашивался сам собой: какое-то время им придется оставаться на Ило. Но как долго?

На обратном пути Анна не удержалась от желания сорвать круглое нежно пахнущее сиреневое соцветие величиной с пилотский шлем, но, заглянув в чашечки цветов, заметила завязших в нектаре жуков и пчел. Плененные насекомые медленно затихали. Некоторые цветы уже сомкнули над жертвами махровые лепестки. Анна раздумала нести эту хищную красоту в дом.

Возвращаться внутрь бункера не хотелось.

Она обошла убежище по полосе, выжженной пилотом вдоль периметра внешних стен. Тимох сказал, это обычная практика ухода за строениями, иначе бункер невозможно осмотреть, а следить за состоянием стен здесь приходится очень пристально.

Ее неприятно удивили приспособления на окнах: толстые щиты, отъезжающие в сторону по направляющим; все щиты расширялись от внутренней стороны к внешней. Точно так расширялись оконные проемы: они, как древние бойницы, были более узкими внутри строения и шире с наружной стороны. Мощные щиты скользнут по направляющим, войдут в оконный проем и закупорят его, как пробка.

Анна попробовала сдвинуть щит.

Вечером окна непременно должны быть закрыты: Тимох взял с нее слово, что это будет исполнено вовремя – как только птицы стаями полетят в горы, и ни минутой позже.

Потом он показал, как открывается ниша с лекарственными препаратами над входом в бункер. Сам запустил химические процессы изготовления свежей дозы спрея в баллоне с салатовой оболочкой и во втором – с белой оболочкой. «Лекарства будут готовы через десять часов, а раньше и не нужно», – заверил он. Потом внутри бункера повторил операцию получения спрея, ждавшего своего часа на полках медицинского бокса. Анна следила за действиями пилота, ничему не удивляясь. Он рожден на Семилунном, он знает, что делает, как знала бы она, что делать, если бы их занесло на Землю, в бескрайние леса северного полушария ее родной планеты...

Но мужчины ушли, и теперь Анна чувствовала неуверенность.

День подходил к концу.

Она поняла, что пилотов вряд ли сегодня следует ждать обратно: они отправились в Вечный Май намного позже, чем планировали, и вряд ли успеют вернуться.

Ей и Мрие придется самим встретить первую ночь на чужой планете.

В схроне было тихо, мирно, сумрачно; за его стенами – празднично от разнотравья и пестроты леса, по макушки залитого в золотистый мед спектра местной звезды Ило Соло. И радостно от звуков, выдававших кипение животной и растительной жизни.

По айве рядом с бункером вились плети жестколистой лианы, сухие стручки на лиане от малейшего дуновения ветра раскачивались вверх-вниз и звенели как колокольчики. Воздух планеты, свежий и душистый, кружил голову. «Возможно, повышенное содержание кислорода», – подумала белль и снова удалилась от бункера, пошла по высокой траве, путаясь в ее космах ногами, спустилась в ложбину посадочного гнезда другой дорогой – со стороны ангара. Приблизившись к «Игле», своему звездному дому, приложила к корпусу всем телом, обняла молчаливый корабль. Над девушкой и ее звездолетом колыбался шатер маскировочной сетки. По ячейкам сети сновали, текли в стремительном движении мелкие полосатые белки. В тени корабля облюбовали место изумрудные с перламутровыми шеями ящерицы и порскнули в разные стороны от приближения гости.

Но пора было возвращаться в бункер.

– Анни, как там, снаружи? – спросила ее Мрия, сладко потягиваясь всем телом рядом с отдувающимся сытым младенцем и массируя себе грудь.

– Там прекрасно, – ответила Анна. – Хочешь проветриться?

– Не сейчас, – отказалась Мрия. – Знаешь, нам показывали Ило сверху. Здесь принято селить туристов в летающие отели. Я видела, как на рассвете город очищают от зеленой поросли, так предприимчивы здешние растения. Я догадываюсь, что у иланцев есть серьезные причины не опускаться на поверхность планеты чужаков, слишком сложный инструктаж придется проводить с ними. Скорее бы вернулись наш папочка Ветер и твой героический офицер! Ты проверила задвижки ставней? Все действуют?

– Они в порядке. Тимох открывал их, когда мы нашли это убежище.

– То-то! Убежище! – мурлыкнула Мрия, улыбаясь малышке и поднимая ее столбиком. – Анни, здесь на суше нет серьезных хищников, водятся только мелкие грызуны и совсем маленькие пугливые ящерицы. В морях есть разные чудовища, а на суше – нет. Только птицы, насекомые, пресмыкающиеся, причем самые опасные из них опасны не смертельно. И все местные животные впадают в спячку в ночные часы. И потому прячутся от растений в горы или под землю, на недоступную глубину. Это я к тому говорю, что мы с тобой в окружении зеленых захватчиков. Я постоянно думаю об этом и не хочу гулять. Не сегодня. Может быть, мне захочется посмотреть лес завтра.

Кстати, тебя предупреждал Тимох, что на Семилунном не принято отзываться о растениях непочтительно? Нам в отеле говорили, что настоящий иланец никогда не

позволит себе говорить о растениях с пренебрежением.

- Что же ты себе позволила лишнее? - улыбнулась Анна.

- Да? Я сказала что-то не то? Я не заметила.

- Ты назвала растения захватчиками. Но давай приведем в порядок волосы, - предложила вторая белошвейка, меняя тему разговора. - Если скоро снимемся отсюда, нужно быть готовой к работе с торсионками.

Мрия с готовностью подставила подруге голову, не вставая с облюбованного ложа:

- М-р-р... причеши меня. Я подремлю, а потом сделаю прическу тебе. Ты должна очаровать Тимоха. Он картавит сильнее, когда разговаривает с тобой, и потому похож на воркующего... как же называют этих птиц... на воркующего голубя... представляешь, я уже успела забыть породы земных пернатых. Он кружится вокруг тебя, белль, только перья не распускает.

Девушки рассмеялись.

Глава восьмая

И вечный май

Когда у облаков чуть позолотились края, Анна, с беспокойством ожидая прихода ночи, решила, что пора закрывать ставни. До наступления темноты она оставит открытым лишь главный вход.

Но зайдя за угол бункера, Анна стала свидетельницей невероятного явления, набиравшего силу в западной части неба: там началось восхождение цитрозусов. Искрящийся радужный купол из мириадом насекомых рос, ширился, пока не поднялся над синееющими в голубой дымке плоскими нагорьями; рассыпался и оставил после себя разноцветные ленты. Ленты извивались в воздухе, протянувшись от неба до земли. Тут же, как по команде, над джунглями от горизонта до горизонта взошли дрожащие, изменчивой формы конусы, спирали, купола, чтобы рассыпаться, разметаться в воздухе, а потом начать новый акт фантастического вечернего представления.

Анна хотела вывести наружу подругу – в месте полюбоваться закатом, но подумала о тех, кто жизнями заплатил за это зрелище: о первых десантах на планету.

Наверное, люди наслаждались красотой, еще не зная о коварном фиале. Наверное, их зачаровал вид неба над Ило, и семь маленьких лун чистого серебра, и фантазмагория цветных облаков. И экипаж с жаром обсуждал увиденное, пока люди не заснули, кто где, сдавшись необоримой дреме. И джунгли поглотили их...

Белошвейка передумала звать Мрию.

Она закрыла два окна, что потребовало стольких усилий, что девушка утомилась и запыхалась.

«Патрульный играючи двигал щиты, – вздохнула Анна и вспомнила крепкие плечи сухопарого с виду пилота. – А Мрия была права, когда предлагала проверить, как работают эти ставни!..»

Анна решила, что закрывает окна слишком медленно: уже воздух стал густым от потоков взлетающих насекомых.

– Мриечка! – она окликнула подругу, перевесившись через подоконник. Стекла на Ило не нужны, окна с внутренней стороны когда-то затягивали легкой сеткой, но от времени сетка истончилась и прорвалась, а кое-где полностью выкрошилась. – Мрия, на помощь! Давай сделаем это вместе!

Мрия вышла из убежища, но сначала от нее не было толку: первая белошвейка не могла отвести взор от яркого неба.

Наконец Мрия налюбовалась закатом, и девушкам удалось закрыть все щиты и изнутри вставить шпильку в специальное отверстие, блокирующее положение щита. Бункер превратился в крепость, столетняя база погрузилась во тьму – о ночном освещении на этой планете никто не заботился, все равно здесь не для кого разгонять мрак ночи. Семилунный живет лишь при свете здешнего солнца и засыпает, как только Ило-Соло заходит за горизонт.

Сейчас бункер освещал лишь свет, падавший из дверного проема внутрь, он говорил о том, что до ночи есть еще время.

– Слышишь аромат? – Анна полной грудью вдохнула вечернюю свежесть.

Мрия улыбнулась:

– Ты учуяла фиал? Так скоро? Я еще не чувствую запах, но это потому, что уже дышала им когда-то. Скоро и я начну водить носом, как ты. Зато я усну первая, а ты, может, поспротивляешься немного. Новички всегда сдаются фиалу позже местных жителей. Давай вместе искупаем малышку, ладно? Не оставлять же это дело до утра. Подумать только, я расстанусь со своей звездочкой на целых восемь часов!

Мрия ворковала с дочкой, пока Анна послушно поливала на младенца теплой водой из небольшой канистры – они не придумали ничего лучше, что можно было бы использовать вместо лейки. И, к огорчению Мрии, в бункере не нашлось посуды, годной для ванночки, а устраивать ребенка в большой глубокой сковородке она отказалась наотрез. Ее нетерпимость к сковородке немало позабавила Анну. Мрия специально лазила в кладовку, обнаружила там запасы сетки и додумалась соорудить из сети крохотный гамак. В нем и купали сейчас ребенка.

«Какое счастье, что я здесь не одна!» – подумала вторая белошвейка.

– А вот и я! Я вернулся! – донесся из лесу басок Ветера. Заросли отозвались шумом и треском, где-то за спиной Ветера с чмоканьем надломилось и упало крупное мясистое растение, разбрызгав вокруг бесцветную жижу, а он все ломился к бункеру, приговаривая:

– Ну-ка, ну-ка, девчонки, все дома?

Белль встрепенулись; даже новорожденная чуть заметно повела головой, заслышав голос.

Ветер ввалился в открытую дверь и с порога начал руководить подготовкой к ночи.

– Закрыли эти штуковины на окнах? Точно? Все? – гудел он. – А дверь почему оставили открытой? Выметаем землю со входа!

Анна ушла в глубину бункера, где всепроникающий голос галерца звучал приглушенно. Кипучая натура Ветера утомляла. Анна искала самый укромный угол и вдруг отметила, что бункер явно разделен на зоны. Первая, внешняя, – там, где устроили ложе для Мрии с малышом, где сейчас шумно хозяйничал галерец, где когда-то располагались рабочие и исследовательские отсеки, и где она только что закрыла окна по всему периметру, – не единственная, предназначенная для безопасной ночевки.

Второй зоной оказалась внутренняя прямоугольная комната, которая могла бы считаться просторной, если бы не была так загромождена. Белошвейки приняли это место за темный склад, в свете фонарика они не смогли оценить его размеры.

Белль обошла этот склад, внимательно разглядывая все.

Толщина стен и устройство двери навели Анну на мысль, что это и есть истинное убежище.

Один угол помещения занимали сейфы с медицинской эмблемой и стандартный набор диагностического оборудования. В другом углу поместилась кухня. Чуть подалее – крохотный биотуалет. Анна подумала: почему – био? И пришла к настораживающему выводу, что первые поселенцы явно позаботились о том, чтобы схрон не имел ни малейших выходов наружу – даже канализационных.

В этой внутренней комнате рядами выстроились объемные канистры высотой от пола до потолка, предназначенные, судя по маркировке, для запасов воды. Анна постучала по стенкам канистр – гулкий звук свидетельствовал о том, что резервуары пустые. Чего же она ждала – конечно, они будут пустые. Бункер отслужил свое и, законсервированный, простоял десятилетия.

За канистрами, разделившими помещение пополам, находились каркасы стеллажей с лесенками наверх. Анну осенило: это не стеллажи, это спальные места, четыре по вертикали и выстроившиеся в несколько рядов. Здесь могли расположиться на ночь двадцать пять человек – скученно, но в безопасности.

Анна продолжила свой обход и проверила, как закрывается дверь. Створки, утопленные в стенах, медленно сомкнулись, повинувшись повороту механического винта. В старых зонах любого корабля есть двери с такими створками – наследие прежних технологий; мембранные и лепестковые входы не сразу вытеснили старые двери.

На внутренней стороне створок Анна увидела схему помещения: чертеж столетней давности, но схема не соответствовало всему, что видели ее глаза – сложная, выполненная в трех цветах, причем центральная часть, густо испещренная красным,

слегка выцвела. Анна решила разобраться в схеме до наступления ночи, это могло оказаться важным. А пока ее заинтересовал вложенный в нишу цилиндр с прописями: туго свернутая бесконечная лента пленки. Удобная вещичка для тех, кто любит писать вручную, а такие любители никогда не переводились.

Белошвейка подумала: вдруг кто-то брал в путешествие рисунки своего ребенка? Может быть, внутри – первые слова, написанные малышом старательно и криво, печатными буквами?

Но там оказались стихи. Стихи писала женщина с Земли-1, Анна могла ручаться за это. Больше ни на одной планете человек не станет вплетать в строки старую-старую детскую загадку про замерзшую прорубь. Белль с удивлением смотрела на то, как, оказывается, не просто и не сразу рождалось стихотворение. Оно переписывалось несколько раз, пока не остался чистовой вариант:

на краю земли (у нее что ни точка – край) где в круглом окне днем стекло разбито, а ночью – вставлено, не шути с полнолунием: свет гаси, засыпай, и квадрат своего окна спрячь за плотными ставнями, чтобы свет луны не сочился с небес, как яд: пусть полощется в круглом окне да искрится бликами, пусть лунатики бродят по крышам, пусть младенцы не спят, пусть ушедшие в Сеть по бесчисленным ссылкам кликают, а тебе не надо; ты попала в ловушку снов, ненадолго – всего на ночь, до рассвета Божьего, и теперь успей сотворить ключи, отворить засовы понять все то, что тебе понять пока неположено...

Стихотворение дышало ностальгией по оставленной Земле, тревогой, и еще трудно сказать, что именно почудилось Анне в нем.

Как встретила планета эту женщину?

Отпустила ли?

Нет, какие могут быть сомнения – все было хорошо. И та, которой принадлежали эти стихи, просто забыла цилиндр с прописями, когда миссия возвращалась на Землю...

Анна вернула цилиндр на место и еще раз изучающе рассмотрела основательную, хорошо пригнанную дверь. Она обдумывала свою догадку насчет убежища в убежище. Если до заката есть хоть сколько-то минут, ей нужно разобраться со схемой помещений бункера. Слишком много пометок и символов: возможно, что схрон устроен гораздо сложнее, чем это кажется на первый взгляд.

Белль раскрыла створки двери и по ступеням (внутренняя часть бункера была поднята выше первой комнаты) сбежала вниз, спугнув счастливое семейство на топчане. Мрия целовалась с Ветером, как будто они купили прогулку на газоны для игры в мячики в развлекательном центре «Галеры». Анна проскользнула мимо, стараясь не глядеть под балдахин, и остановилась на пороге, в проеме открытой двери. Солнце зашло.

– Ветер, мы рискуем! Давно пора закрыть бункер, Ветер! – решительно сказала она.

– Ситуация под контролем! – скалясь, ответил галерец. – Ни одно дерево к порогу не подходило!

Белошвейка принялась тянуть на себя туго поддававшуюся внешнюю дверь.

– Мрия, скажи ему: здесь сон побеждает человека внезапно, потом будет поздно!

Ветер с беспечной улыбкой возлежал на ложе рядом с женой и ребенком, закинув руки за голову:

– У страха глаза велики! – прогудел он и оглянулся на Мрию.

И от неожиданности привскочил на постели. Мрия, только что подставлявшая ему губы для поцелуя, больше не могла ничего ответить.

Она лежала навзничь с умиротворением на лице, глаза закрыты; ее сразил глубокий сон.

Малышка Надя тихо спала. Но у ребенка был не морок, навеянный фиалом: новорожденная чуть повела головкой, дрогнула рыжеватая бровь на крохотном лице и сморщился носик. Фиал еще не одолел крошку, чужую на этой планете. А вот созерцание мертвецки спящей Мрии неприятно поразило и галерца, и Анну.

Анну грызла тревога за патрульного офицера, оставшегося в лесу, за всех них, отверженных, затерянных и забытых. Призрак опасности дохнул из-за стен.

Белль с грохотом уронила в скобу большую, длиной до локтя, стальную защелку входной двери, и бункер потонул в темноте, едва рассеиваемой светом единственного флип-слипа.

Голос Анны холодно зазвенел, когда она приняла решение переселиться внутрь бункера – и сделать это немедленно:

– Ветер, быстро переходим внутрь!

Галерец вскочил и стоял с разведенными в стороны руками.

– Только бы успеть! – суетилась белошвейка, подхватив новорожденную вместе с колыбелью – приспособленным под кровать прозрачным колпаком душевой кабины из челнока Мрии.

– Бегом-бегом переходим внутрь! Ветер, фиал не предупреждает – ты сам видел! Перетаскивай лежаки; внутри все устроено для сна!

Ветер, ругнувшись, схватил топчан вместе с ворохом расстегнутых спальных мешков на нем и потащил свою ношу, ступая за Анной. Вторая белль несла колыбель и освещала вход в другую комнату. Галерец споткнулся о тряпки, упал, загремев топчаном и больно ударившись о ступеньку, но даже пикнуть не посмел. В панике ему померещилось, что ведьмацкий здешний воздух уже ударил в голову, а сверху шипела Анна, досадуя на него и подгоняя. Он поднялся, бурча под нос: «Не-ет, кажись, еще не сплю».

Под руководством Анны установили топчан. Патрубки по четырем углам, которые сходили за короткие ножки, оказывается, имели другую функцию: они вставлялись в отверстия стеллажа, образуя надежную спальную полку.

Анна поставила колыбельку с Надьей на полку, приговаривая: «Вот так, маленькая! Твой папочка не споткнется о твою кроватьку!» – и погнала Ветера за вторым лежаком. Затем предстояло перенести спящую Мрию. Только бы им успеть уйти под защиту внутренних стен! Не свалиться на пороге или во внешнем периметре бункера, или на бетонном полу!

Когда установили лежаки для всех и Мрия была уложена и бережно укрыта, Анна, успокаиваясь, еще раз сгоняла галерца, велев принести ей сетку балдахина.

– Как же, устроиться надо не просто, а по-королевски!.. – донеслось ворчание галерца. Ветер суежливо сдирал сеть. Первый широкий зевок, растянувший ему рот, вверх его в панику.

Анна ответила:

– Не угадал! Я не хочу, чтобы по крошке Надьежде утром бегала какая-нибудь белка. Мы же не проверили как следует бункер, вдруг здесь осталась местная живность. – Анна стояла в проходе, подсвечивая галерцу фонариком.

– О! – только и смог ответить Ветер. – Ну и мозги у тебя, белль, все продумала! Так и быть, я возьму тебя в свою команду!

Анна пропустила слова галерца мимо ушей.

– Устраивайся, – милостиво разрешила она, – я сама закрою дверь.

Она на всякий случай направила конус света на наружную дверь. Выход из бункера был закрыт, как положено, она проверяла его несколько раз. Только после этого Анна

заперла створки внутренней двери, прихватила схему бункера и растянулась на своей полке, светя флип-слипом на пластиковый прямоугольник с разметкой помещения.

Ветер со своего места видел, как неожиданно вильнул конус света, тело Анны расслабилось, фонарик выкатился из левой ее руки, разжались пальцы правой руки, державшей схему, и белль уснула.

Галарец подумал, что надо встать, подобрать упавший флип-слип и выключить, а то сядет микроэлемент, а микровок у них – раз-два и обчелся и как раз за микрошками они и отправлялись в город... Он порывисто откинул одеяло...

Фиал распорядился за него – галарец мгновенно ушел в сон.

Надежда проснулась. Завозилась в колыбельке, почмокала губами, решила покапризничать, но фиал убаюкал младенца.

Тимох медленно просыпался. Отдохнувшее тело испытывало легкость свободного полета, какое терровцам – жителям других планет – случается переживать разве что в счастливом сне. Приятный переход от сна к бодрому и деятельному дню делал Ило Семилунный невероятно популярным у туристов.

Нофиал постепенно заполнял мир под солнцем Ило-Соло, вентилировались легкие патрульного пилота, ощущение парения отступало, сознание возвращалось в реальность.

Прошли еще долгие тридцать минут, волшебное время, дарившее иланцам счастливые миражи сна, побуждающие людей вставать с улыбкой на лице и с чувством, как будто юность снова вернулась в тело.

Тимох намерился потянуться, разминая мышцы.

Но у него не вышло даже пошевелить ногами.

Контраст приятного пробуждения и физической скованности встревожил, иланец натренированным усилием включился в действительность, согнав остатки дремы, и вчерашние приключения напомнили о себе тревогой, только и ждавшей, когда после сонного морока к человеку вернется прежняя ясность мысли.

Тимох вспомнил, как втискивался в узкую каменную нору, в которой ему едва хватило места; вертикальная гранитная стена оставила ему немного вариантов, и найти другой схрон он уже не успевал. Вспомнил, как ерзал в этой норе, егзил спиной на мелких камешках, стараясь расчистить место под собой. В тесноте, под низким сводом, почти ложившимся на грудную клетку, он был лишен возможности действовать руками.

Он вспомнил, что перед тем, как забиться в эту щель, свернул офицерский хлыст кольцом, всунул его в рюкзак и, активировав, перевел в состояние твердого стального обруча. Рюкзак изменился: раздался, стал круглым, похожим на гриб. Птица, тихо сидевшая внутри, пронзительно и коротко вскрикнула: не иначе, журавлю защемило перо отвердевшим обручем. Проделав манипуляции с рюкзаком, патрульный влез в пещеру и попытался уместиться поудобнее, но у него ничего не получилось – голова оказалась опасно близко от входа в каменную нору. Он передумал лечь ногами вглубь пещеры, выскользнул наружу и забился в схрон, выбрав другое положение тела: головой вперед, ногами к выходу. Ногами он протолкнул рюкзак с пленной птицей к отверстию входа, ступнями двигал и шевелил рюкзак до тех пор, пока тот не закупорил собой лаз.

Откуда-то сверху через щели в скальной породе в его нору поступал воздух. Тимох обонял усиливающийся запах фиала и все чаще зевал.

Как всегда бывает, он не помнил момент, когда уснул.

Теперь Тимох видел яркие точки света на каменных стенах пещеры. Восходящее солнце метало жаркие стрелы, засвечивая прицельно в дыру лаза, выходявшего на восток. Но лаз должен быть закрыт рюкзаком... Если рюкзака нет – что-то все-таки успело произойти зловещей иланской ночью.

Тимох физически ощутил неладное, потому что ноги не двигались, а пятна света чересчур сильно дробились. Что-то перекрыло вход и туго спеленало ноги пилота.

Он, снова извиваясь, вытягивая шею и скосив глаза, попытался увидеть тело ниже пояса. И с ужасом понял, что остался жив только чудом.

Флорники все-таки обнаружили его на такой высоте.

Лиане понадобилось немало времени, чтобы дорасти до лаза, в котором спал пилот. Когда тонкие стебли дотянулись и, свившись вместе, образовали могучий и жадный до органики жгут, несчастная птица в ранце первой оказалась на их пути. Флорникам пришлось потрудиться, пока они нашли щель в магнитной застежке рюкзака. Это их задержало. Но до рассвета от несчастного журавля даже перьев не осталось: зеленые живо расправились со своей жертвой, как только им удалось проникнуть внутрь ранца к беспробудно спящей птице.

Тимоху не надо рассказывать, как все происходило. Тонкий стебель, самый удачливый, случайно ткнулся в щелку между застежками и проник в рюкзак, указывая дорогу остальным зеленым. Дальше все решало лишь время: журавлю пришел конец, и пилоту оставалось только похвалить себя за предусмотрительность, обеспечившую спасительную задержку.

Когда растения принялись за человека, ночь была уже на исходе.

Чтобы оплести ноги пилота и спеленать его до колен, флорникам понадобилось минут тридцать: вход в пещеру буквально забили жгуты растений. Но на высоте двадцати футов молодые неокрепшие побеги лианы не так предприимчивы – не то что на земле. К тому же они мешали друг другу, иначе успели бы прорасти сквозь плоть человека или пережали спящему вены. Тимох возмутился, когда увидел одинокий стебель, лежавший на ширинке брюк.

Плети лианы под действием нофиала истончались на глазах, и солнце ломилось сквозь хаос сплутавшихся стеблей. Пятна света в пещере расширились, пилот лежал, щурясь от света.

Спеша освободиться поскорей, он извивался всем телом, а восходящее светило невыносимо припекало ему в подошвы, словно хотело изжарить.

Наконец ему удалось выскрестись из пещеры наружу, и он уселся на узком карнизе перед своим ночным убежищем. Он отшвырнул остатки сухих флорников, и мертвые растения, шурша, полетели вниз по склону.

Тимох схватил ломкий, уже иссохший до нити стебель, который снял со своих штанов, с чувством изорвал его на куски, развеял по ветру и только после учиненной казни взглянул на ступни. Ступни продолжали гореть огнем. Да, так он и думал: солнце ни при чем. Он принес на ботинках жирную болотную грязь и не потрудился стереть затвердевшую в углублениях протектора корку. Флорники успели посеять споры на его подошвы, споры проросли внутрь, где было темно и влажно, и теперь ноги пилота зеленели крошечными всходами, а жжение увеличивалось с каждой минутой.

Тимох, морщась от неприятной щекочущей боли, нащупал у входа в пещеру чудом уцелевший баллончик со спреем; остальные два, видимо, под напором флорников скатились с утеса вниз вместе с ранцем. Космофлотские бутсы Тимох отправил туда же, горестно попрощавшись с ними, как с верными друзьями.

Спрей на время облегчил боль и очистил кожу от мехового налета. Брызгать придется много раз, если он не хочет следующей ночью весь покрыться зеленым мехом. Но спасительный баллончик – йло! – только один. К тому же спуск по склону босиком теперь превратился в смертельно опасное испытание. Патрульный порадовался, что хлыст по-прежнему с ним – вон лежит в пещере, свернувшись кольцом. Он не ушел бы отсюда без хлыста и вынужден был бы шататься под горой, разыскивая пропажу.

Тимох вернул хлысту гибкость плети и, в третий раз давая ступням высохнуть от спрея, оглядел окрестности.

Главный город кантона, Вечный Май, протянулся с востока на юго-восток. Солнце поднималось как раз за его грандиозными небоскребами. Против света небоскребы казались синими силуэтами и выглядели еще более узкими и удлиненными. Слева и чуть поодаль от городских построек возвышалась двойная спираль «Небесной лестницы»: причала для дирижаблей, увешанного ночевавшими на нем мелкими воздушными летунами. Еще на сотню-другую метров выше в небе величественно застыли столичные гиганты «Золотой грейпфрут» и «Легенда». Сдвинулась с места и маневрировала «Звезда Ило» с элегантным ребристым силуэтом – этот аэрокraft узнал бы любой, рожденный на острове Тобион.

Пилот наблюдал, как дирижабли снимаются со стоянок, готовясь лететь к океану и дальше: к живописным островам с такими же колоссальными Лестницами. Их курс лежал как раз над горой, приютившей Тимоха, затем над грядой Каменных братьев и дальше, к девственно-чистым песчаным пляжам, на которых нет и не было желающих загорать, потому что моря Ило Семилунного – это густой соленый суп с плавающими в нем неутомимыми и ненасытными созданиями.

Тимох приободрил себя и начал спускаться с горы. Это на самом деле оказалось сложнее, чем взобраться на нее. Стиснув зубы от боли в ступнях, пилот осторожно нащупывал уступы скалы. Порядочно изранил ноги и ладони, но спустился. И даже не свернул себе шею.

Предстоял переход по лесу к делянке лесорубов, которую он разглядел в направлении на север. Этот план уводил его от столицы, но выбора не было. На вырубке, несмотря на ранний час, техника очищена от зелени, значит, на лесосеке уже работают люди. Ему нужна помощь, и чем скорее, тем лучше. Нечего и думать доковылять до столицы на израненных ногах – ходок из него теперь никакой, и ночь, чего доброго, застанет его в лесу. Что сказать лесорубам, он придумает по дороге.

Каждый шаг давался с трудом.

Ступни опухли и нестерпимо болели, кожа облезала с них клочьями; обмотки, которые он сообразил из располованной куртки, густо пропитались кровью. Тимох шел как в бреду. Пот катился с него градом, тело бил озноб. Остатки спрея с трудом выходили из опустевшего баллона.

Тимох споткнулся и упал. Лес кувыркнулся перед его глазами зелеными верхушками вниз, комлями вверх, и пилот потерял сознание.

– Анна? Где мы? – сонно спросила Мрия, пытаясь определить, где провела ночь и откуда доносится агуканье дочки. Потом послышались мелкие поцелуи и ласковое бормотание: мамочка нащупала свое сокровище даже в кромешной тьме.

Анна не спешила встать. Зачем? Ведь все так славно...

– Ах-ха, – потянулась она, – прекрасно спалось!

– Говорят, в состав нофиала входит легкий наркотик. Вот почему ранним утром местные люди такие свежие и оптимистичные. И вообще, они привязаны к своей планете; и страшные ночи, и флорники совсем не омрачают их любовь к Семилунному, – отозвалась Мрия. – Как бы добавить сюда немного света? Совсем чуть-чуть. Даже в эпислон не было такого мрака, как в нашем убежище.

– Флип-слип сдох! – отчитался Ветер.

Лежак заходил ходуном под проснувшимся галерцем. Он похрустел суставами, потягиваясь, послышался могучий вдох-выдох:

– Я хотел поднять фонарик с пола, но не успел. Раз мы проснулись, значит, можно открывать двери и окна, так? Ну, я пошел! Девочки, сейчас папочка все сделает! Сейчас-сейчас!..

Громкий хруст сигнализировал, что фонарику окончательно пришел конец под пятой галерца. Ветер говорил:

- Наш патрульный малость странный: и чего было нагнетать страх? Ночка как ночка. Флорники – себе, мы – себе. Я впопыхах не снял ботинки, так и задрых, не разуваясьсь...

В темноте он ударился о стойки стеллажа, потом гулко бомкнули пустые цистерны. Наконец Ветер нашел путь к двери, открыл ее и с брезгливым «Е-мое!!!» шумно вывалился за порог, из одной тьмы в другую – в наглухо задраенный наружный периметр.

- Хради хосмоса, нех ходи... х-х-сюда... – простонал он. Раздалось жидкое чавканье и шумное, хриплое дыхание несчастного, корчившегося на бетонном полу бункера.

- Ш-шет, ох, как ш-шет!.. – услышали девушки муки боли.

- Анна?! – сдавленно воскликнула Мрия, боясь напугать малышку, сосавшую грудь, и в панике забилась глубже, к стене. Ребенок заплакал. Мрия тихо заголосила:

- Ветер, что с тобой?! Что случилось? Нам ничего не видно! Да что же это такое?! Анна?!

Анна металась по бункеру в поисках спасения.

Она поняла, что Ветер поскользнулся и упал во что-то ядовитое – и если то же самое случится с ней, то все обречены.

Она нашарила медицинский шкаф.

Дверца открылась, и слабая подсветка внутри, незаметная днем, когда они с патрульным офицером заглядывали в запасы медикаментов и Тимох активировал баллончики с лекарством, – эта слабая подсветка сейчас показалась яркой. Анна схватила готовые спреи. Рядом лежал предусмотрительно оставленный фонарь, не слабый флип-слип, а аварийный галоген, в момент заливший схрон ярким светом. Анна ринулась к Ветеру, прихватив спальный мешок. Она вытерла салатное желе с двери и взялась ладонью за протертое место. Ощувив слабое жжение в кисти, поколебалась на пороге, не рискуя спускаться, бросила тряпку под ноги, сорвала с лежака еще один спальный мешок и тоже бросила на пол, и только потом прыгнула по настланным спальным мешкам к скрюченному от боли Ветеру. Тот заходился от болевых спазмов и уже начал задыхаться. Анна заполошно поливала его аэрозолем из белого баллона. Ветер с трудом встал на четвереньки, подставляя под облако спрея красное, распухшее лицо и раздирая воротник одежды:

- Выф-феди меня от-ф-ф-сюда, белль!

- Куда?! – Анна оборвала его порыв ползти по ступеням внутрь схрона, хоть вряд ли Ветер видел, куда направляется, – его глаза скрылись под распухшими веками.

- Потерпи, Вет! Я застелю пол, выйдем наружу, я только застелю пол – не прикасайся к слизи! Я открою дверь, Вет! Спокойно, я рядом, Вет! Я уже открываю бункер, Вет!

Ветер выл и раскачивался, стоя на коленях.

В разорванной рубашке, с отекившим телом в красных пятнах, он пытался разбухшими непослушными пальцами высвободить руку из рукава. У него не получалось, – галерская униформа не снималась, передавив ему опухшее запястье. Он едва справлялся с дыханием, астматично свистя при каждом вдохе и выдохе.

Свежий лесной воздух ворвался внутрь из открытой двери. Ветер, руками нащупывая настеленную дорожку из одеял, заковылял на коленях прочь из схрона и рухнул на траву в пятне солнечного света. Ило-Соло сушило слизь, лишая ее ядовитой силы, Ветер успокаивался и приходил в себя. Анна, сбрызнувшись облаком спрея, металась по бункеру, открывала окна, давала распоряжения Мрии и успокаивала Ветера, на которого страшно было смотреть. В солнечном свете, падавшем из оконных проемов внутрь помещения, слизь быстро высыхала, но немало ее еще оставалось в темных углах

подобием густо проросших грибов.

Анна, хлопотливая и яростная, как тигрица, набросала свежую дорожку из тряпья и настояла на том, чтобы Мрия тоже обрызгалась спреем и вынесла ребенка наружу под лучи солнца.

Белошвеек поразило то, что даже стены бункера не гарантируют спасение.

Мрия, хлюпая носом, обрабатывала своего милого пеной из зеленого баллона, но только потому, что Анна приказала ей прочитать инструкцию к средству и действовать. Без указаний первая белль вряд ли была способна соображать и боялась спустить с рук дочку. Едва удалось убедить Мрию положить безмятежную Надью в колыбельку: ребенка ничто не грозило.

Анна, торопясь, рассматривала схему бункера. Следующим на очереди был компьютер медиков: возможно, там хранилась важная информация, которую беглецы не удосужились узнать вчера.

Мрия, Ветер и Надежда – вся компания, оставленная на солнечном пятачке перед входом, – как сговорились и не давали второй белль заняться изучением схемы. У Мрии от расстройства якобы пропало молоко, Ветер сказал, что ослабел без еды так, что не выкарабкается, Надежда бодро гулила и нуждалась в купании...

Анна отложила изучение документов на потом, синтезировала полквартиры молока для роженицы, испекла хлеб, выдала компаньонам почти весь запас витаминных леденцов и помогла Мрии поухаживать за ребенком. Но тайна бункера так и осталась неразгаданной. Белль даже унесла схему внутрь: разметка уже трудноразличима и могла еще больше выгореть на свету.

Глава девятая

Над морем

Наступил еще один прекрасный день, яркий и свежий. Солнце только что взошло, на перилах прогулочной галереи аэрокraftа искрами блестела роса. Персонал отеля распоряжался робочистами; робочисты, приступив к делу на восходе солнца, бодро драили «Золотой грейпфрут», заканчивая наводить повсюду лоск. Рейнясу еще спал, и я не упустил возможности спокойно перекусить и подумать. В этот ранний час завтракал я один. Я прозорливо решил, что лучше сделать это, пока живчик не мешает.

Столик, деликатно позвякивая гирляндой колокольчиков явно растительного происхождения, потому что они напоминали посеребренные стручки, подал великолепные иланские тосты из муки разного сорта. Если бы у моего желудка имелись глаза, он испытывал бы верх эстетического наслаждения, созерцая нарядное блюдо с логотипом нашего летающего отеля. Блюдо неуволимо напоминало миниатюрную книжную полку, только вместо книг выставлены прямоугольники тостов. Название этой резной деревянной подставки для хлебцов я никак не могу запомнить, потому что на Ило в ходу много столовых приборов: иланцы мастера подавать еду и делают это красиво.

Итак, на здешнем блюде для тостов слева направо красовались белые рисовые прямоугольники; за ними светлые пшеничные; затем желтые кукурузно-просяные; потом почти оранжевые хлебцы, в составе которых кукуруза и местное саго; дальше шли мои любимые серые тосты. Мой вкус определял их как гречневые или испеченные из того, что похоже на гречу. И в конце ряда выстроились темно-коричневые, почти черные, грубоватые, но сытные ржаные тосты – «настоящие», так называл их я, уважая за простой и традиционный вкус ржаного хлеба. Сверху каждый тост украшал нарядный уголок из бумаги: местный этикет предписывает держать хлебец за этот уголок.

Тосты были хрустящие все как один, сильно ноздреватые, манящие ароматом только что приготовленного хлеба.

Я заранее готовился «прочитать» от корки до корки темно-серую гречневую часть «библиотеки» и закончить завтрак парочкой пшеничных «брошюр», а пока столик, элегантно вырастив из своих недр гибкую конечность, наполнил чашку местным кофе, бодрящим, но горьким. Пить его полагалось, разбавив соком селлозии – молочного дерева. Я же, не в силах привыкнуть к горькому вкусу иланского кофе, потребовал добавить в чашку тростниковый сироп, как делал это у себя дома.

Завтрак получился отменный.

Каждое утро на Ило отмечено счастливым ожиданием нового дня, как случилось у вас разве что в раннем детстве. И гостям планеты, и местным плевать на состав здешнего воздуха – так упоительны рассветы на Семилунном.

В праздности яркого утра я подумал: как прошла первая ночь для беглецов?

Как скоро Тимох доберется до столицы?

Вчера знакомый продавец электротехнических товаров, аккумуляторов и прочей бытовой мелочевки, нужной многочисленным рабочим за пределами столицы, собрал и упаковал в рюкзак оплаченную мной партию товара. В списке были микроволновка – мини-аккумуляторы плюс подзарядные элементы к ним, плюс солнечные светодиоды, сумка-холодильник, термосы, средства гигиены и средства защиты. Хозяин магазинчика получил распоряжение выдать парням, которые придут за всем этим добром, карточку на прочие нужды. Но ребята так и не пришли.

Пока поводов для беспокойства нет, но хотелось бы, чтобы все у них срослось побыстрее, как говорят здесь...

Когда проснулся Рейнясу, наш «Золотой грейпфрут» вслед за аэрокraftом класса люкс «Звезда Ило» снялся с ночной стоянки. Рекламный кубо-кубо разверз голограмму величиной с небо и сообщил, что сегодня предстоит путешествие над морем.

Морской берег, четко очерченный широкой полосой девственно чистого песчаного пляжа, вскоре стал виден по курсу за гранитным поясом Каменных братьев.

Рейнясу выбрался со своего ложа, лениво приковылял ко мне, протирая глаза, и плюхнулся за стол. Он надкусил от каждого хлебца, выплевывая под ноги то, что пришлось ему не по вкусу, и кое-как позавтракал ржаными тостами, запивая их теплым молоком. Я не удивился его выбору. Ребенок наверняка привык к «вечному хлебу» кораблей Звездного флота, его на основе муки из спельты непрерывно растят дрожжи, пользуясь влагой и воздухом корабельной атмосферы.

В «вечное тесто» вводят продукт биохимических реакций активных микроорганизмов; потом перед выпечкой в него добавляют искусственные витамины и, если найдутся под рукой, всевозможные приправы в виде орехов, сухофруктов, семечек. Знал я корабли, на которых в «вечное тесто» подсыпали хлопья, сухарики из недоеденного хлеба прошлой выпечки, а то и цветочные лепестки – это любят делать экипажи из сектора Спики, их хлеб становится розоватым и неуместно душистым, словно в него случайно попала капля парфюмерного розового масла. На холодных планетах Фомальгаута предпочитают добавить в тесто гранулы растительного мяса или жир в капсулах, и капсулы вытаскивают в жаркой хлебопечи, оставив в ноздреватой массе хлеба сочные от впитавшегося жира каверны. Хлеб фомальгаутского Ледяного Флая мне больше по вкусу, от него становится тепло в желудке...

Мальчишка тем временем украдкой спрятал пару тостов в нагрудный карман комбинезонишки, а несколько штук сунул под матрас своего ложа, еще не зная, что робочистка-горничная перетряхнет все.

Мальчишку где-то неправильно воспитывали.

А может, наоборот, правильно воспитывали: ребенок привык заботиться о себе сам и, как вижу, неплохо справляется.

Я скорчил страдальческую мину, пожаловался на голод и спросил у Рейнясу, не осталось ли у него чего-нибудь от завтрака?

На мордашке Рейнясу отпечаталась досада. Он прикрыл обеими ладонями нагрудный карман с заначкой и взглянул на меня, настороженно сузив глаза: ну и недотепа дедушка ему достался!

– Ты что, забыл, как позвать столик?

– Столик больше не приедет, – соврал я.

– Почему? – Рейнясу хмурился все больше. Ему приходилось спешно решать трудную задачу: чем обернется ситуация с голодным дедушкой? Не придется ли вскрывать заветные тайники?

– Столик посигналил, что мы с тобой съели все тосты и всю добавку, и если съедим еще, то кто-то другой останется без завтрака.

– Я съел всего два тоста! – сказал Рейнясу не совсем уверенно и показал четыре пальца.

Врать он мастак.

Рейнясу посмотрел на пальцы, предательски растопырившиеся в избыточном количестве, и свободной рукой зажал лишние – мизинец и безымянный, – оставив указательный и средний.

– Я скушал два, два маленьких кусочка! А ты сколько?

– И я тоже два, – отвечал я, вытягивая перед ним открытые вверх пустые ладони.

Рейнясу оглянулся вокруг. Ни слова не говоря, стремительно вильнул между столами к мужчине, поглощавшему хлеб с густым, как паста, томатным соком, приправленным солью, перцем и белым соусом из тюбика с вездесущей эмблемой «Смак». Мужчина,

подняв глаза, изучал рекламный проспект на голографическом экране. В это время маленькие руки схватили с его блюда тосты, а ноги в расстегнутых сандалетах бодро несли воришку обратно, ко мне, седоусому недотепе. Я пришел в ужас, видя, как хлопают при движении и выворачиваются ремешки застежек на обуви похитителя хлебов. Перспектива возвращать Тимоху эфеба с расквашенным носом или разбитым лбом мне не понравилась.

Но обошлось – шустрый Рейнясу ни разу не споткнулся.

Потом маленький засранец снова выкрутился у меня из рук и цапнул крупные плоды хурмы с тележки с чужим заказом: для двоих, так сказать, – для себя и для меня. Он явно решил этим утром сделать хорошие запасы провизии. Надо подсказать Тимоху, что из этого парня вырастет готовый каптенармус. Теперь столику придется повторно ездить за заказом, и, скорее всего, кроткий, но сообразительный колесун пригласит робгорничную нести фрукты, так как столики не запрограммированы отбиваться от воришек.

Я отказался поедать ворованный хлеб.

Рейнясу настаивал и даже пытался кормить меня (дети, в отличие от взрослых, весьма последовательны и стремятся довести дело до конца), но я уклонялся от тостов, тыкавшихся мне в рот. Тогда, оглядываясь на меня и сообразив, что без свидетеля припрятать запас невозможно, мальчишка подсунул под плед на своем ложе краденые хлебцы со словами:

– Пускай полежат. Если ты, дедушка, сильно захочешь кушать, ты мне скажи. Я дам хоть все, хоть целых два! – Он охотно пользовался своими познаниями в математике. – А когда мы увидим рыбок?

Вот так, без всякого перехода, мы устремились к борту гондолы – выглядывать тех, кого ребенок со звездолета назвал рыбками.

Местные «рыбки» имели размеры крупнотоннажного танкера, бороздящего безопасные моря туманной Глизе или старушки Земли. Уж если местные рыбы изволят показаться гостям планеты, не заметить их будет невозможно. И потому я расслабленно и с удовольствием окидывал взором расстилавшийся вокруг пейзаж.

Тем временем «Золотой грейпфрут» протащил свою тень по песку пляжа и вальяжно плыл над здешним морем.

С аэрокraftа «Легенда» раздались возбужденные крики, слышимые в утреннем воздухе даже на расстоянии. Пассажирам «Легенды» повезло, они первыми увидели что-то заслуживающее внимания. Видимо, местный экзот еще не убрался в море и был застигнут объективами туристов на кромке воды. Пляжи Ило пустовали – никто не хотел стать приманкой для морских тварей, постоянно инспектировавших прибрежную полосу. Но на сушу обитатели моря предпочитали не соваться: флорники тоже не дремали, и туристам в аэрокraftах случалось видеть на краю прибрежной полосы целые холмы из растений. Местные не слишком распространялись об этом явлении, но если бы вы сумели разговорить кого-нибудь из команды, этот человек рассказал бы вам, что такие холмы вырастают за одну ночь над неосторожной жертвой, выползшей из моря или выброшенной приливом слишком далеко от кромки воды.

А сейчас по песку бродили барабульки, щупая его тонкими усиками. Лежали, зарывшись в песок, звездочеты и камбалы. Морской пляж выглядел вполне мирно.

Нет, не совсем так.

В подозрительную трубу я разглядел, как ввалился песок, образовав влажную дорожку от кромки воды вглубь пляжа, и что-то мокрое, крапчатое, бесформенное просочилось на поверхность, закрутилось, бросаясь со стороны в сторону, накрывая собой мелкую живность и прыгая по пляжу дальше и дальше. Барабульки прыснули прочь. Охота неожиданно началась и так же закончилась, и бесформенная биомасса, вся облепленная мокрым песком, вдруг исчезла. Потом с того места, где скрылось странное создание, к воде по песку устремился, извиваясь, длинный ленточный червь с утолщением посередине туловища. Видно, это и была настоящая ипостась твари, устроившей себе

пикник под открытым небом.

Научившись отгораживаться от ночных растений, иланцы не пытаются осваивать океан: здешние морские создания способны легко разнести на куски любое судно, и это не преувеличение. С мыслью о судоходстве пришлось расстаться на заре открытия Семилунного, как только спутники низкоорбитальной геологической разведки, исследуя новую планету, засняли заодно и морских существ длиной в милю и больше. Причем, в отличие от мирных гигантов в океанах Земли, здешние вели себя неизменно агрессивно. Полеты туристических аэрокraftов над морем до сих пор (а ведь Ило Семилунный открыли сто двадцать лет назад) приносили новые сведения об обитателях глубин. Вот и экипаж «Золотого грейпфрута» спешно готовился к съемкам. Этим людям неплохо доплачивали, если в объектив камеры попадала неизвестная тварь.

Мы были в нескольких милях от берега, когда постояльцы отеля, как по команде, отхлынули от бортов и бросились на нижний ярус. Наверное, я невнимательно читал программу, а ведь стоило посмотреть, какое еще развлечение устроят нам и куда все заторопились.

Недоумеваю, мы с Рейнясу тоже поспешили вниз.

В днище гондолы «Золотого грейпфрута» располагался бассейн из прозрачного тектолита. В нем вчера наладили купание во время первого облета окрестностей кантона Май, и пассажиры, висевшие в кристально чистой воде, наслаждались видом местности, проплывающей прямо под ними.

Мальчик купаться не захотел, объяснив коротко: «Боюсь упасть в небо».

Очень разумный мальчуган, и он нравится мне все больше.

Меня тоже перспектива плавать на фоне пейзажей Ило не прельстила – не хотелось попасть в объектив чужих видеокамер, а вокруг снимали непрерывно. Еще бы, эффектные, должно быть, получались кадры.

Теперь сухой, выдраенный до абсолютной прозрачности бассейн сюрреалистически жутко походил на большую дыру в корпусе. Наши спутники, завидев эту дыру в гондole, охнули. Не знаю, чего больше вложили они во вздох: удивления или восхищения. Тектолит даже не бликовал, как положено обычным прозрачным материалам. Люди остановились на краю чаши, держась за легкую ограду бортиков, сделанную, как почти все на Ило, из дерева. Конкретно эти перила вокруг иллюминатора были когда-то бамбуковыми стволами, срубленными в низинах южного острова Мира.

Здесь чувствовалось движение аэрокraftа; внизу колыбалась и проплывала назад голубая морская зыбь. Туристы рассаживались, спустив ноги вниз, в пустую чашу бассейна, и фотографировали волну, играющую радостными отражениями утреннего Ило-Соло.

Вдруг ленивое море покрылась рябью и мелкими водоворотами. В глубине показалась неправдоподобно большая для живого существа тень, затем море расступилось, и над поверхностью воды всплыл поросший тиной и водорослями остров почти правильной овальной формы.

– Это гигантская камбала! – сказал кто-то. – Камбала любит всплывать на поверхность моря и проводить неподвижно многие часы, – охотно продолжал знаток здешней морской фауны. – Она охотится, высматривая двумя глазами добычу в воде под собой. А добычей ей служат мелкие рыбы,двигающиеся плотным косяком. Чтобы захватить пищу, камбала стремительно переворачивается, отрезает косяку путь и заглатывает мечущихся в водовороте и оглушенных рыб.

– Где же рыбка? – звонко спросил мой мальчик.

Постояльцы отеля рассмеялись.

Рейнясу отказывался признать в плоском, косматом от водорослей, словно заплесневелом, острове рыбий бок. Мальчишка протиснулся между ног туристов – я и глазом моргнуть не успел. Он смело скользнул в чашу панорамного окна по крутому изгибу борта, как по горке, и проехал на пятой точке до середины иллюминатора.

Помогая себе руками, поднялся на ноги, уверенно выпрямился с видом героя и потребовал показать «Ррыб и чудовищ!»

Команда летающего отеля делала ему знаки, приглашая уйти с окна. В ход пустили даже грубое обольщение;

эти люди собирались вести коммерческую съемку через вычищенный до прозрачности иллюминатор, и ребенок в кадре не входил в их планы. Зато камеры в руках туристов работали непрерывно. Я и сам не удержался и запечатлел Рейнясу, словно зависшего в воздухе на высоте тысячи метров над уровнем моря.

В группе обсуживающего персонала произошла небольшая рокировка: вперед пропустили улыбающегося парня, он, отдав щегольскую форменную пилотку товарищу, съехал в чашу бассейна, стараясь не коснуться руками чистой поверхности. У него явно были намерения вернуть проказника Рейнясу в толпу зрителей.

Туристы ахнули, вздох ужаса заставил парня в униформе замереть на месте и глянуть под ноги. Массивное щупальце, истекающее водопадами воды, взметнулось над поверхностью моря и чувствительно хлестнуло остров-рыбу по мшистому боку, вынудив ее уйти в пучину с проворством, неожиданным для такого огромного существа. Рыба извернулась колоссальным телом, отчего, казалось, сам воздух пришел в движение. Показала прозрачные плавники-вееры, которые мы не заметили, так далеко они расстилались по воде; мелькнул огромный, тоже почти прозрачный, дымчатого цвета хвостовой плавник. От кульбита плоской рыбы поднялась высокая волна и ушла в направлении берега. «Золотой грейпфрут» спустился ниже, и мы увидели, как глаз неведомого морского существа размером с домашний бассейн уставился на аэрокraft прямо из бездны. Это было бы жутко до крика, но длилось всего несколько мгновений, и чудовище ушло в пучину. На смену ему стремительно вылетела гибкая плеть:

в отличие от щупальца с присосками, плеть, широкая у основания, сильно истончалась кверху. Вода водопадом ниспадала с нее. Разбрасывая веер брызг, плеть, не дотянувшись до гондолы, тем не менее забрызгала наше панорамное окно морской водой и оставила полосу слизи, медленно, неохотно стекающую с гондолы обратно в океан.

«Внимание! Экстренный набор высоты!» – трижды тревожно повторил динамик громкой связи.

«Золотой грейпфрут» решением капитана приготавливался подняться на более безопасную высоту. Ответом стал дружный негодующий гул толпы. Толпа жаждала зрелищ и сильных эмоций, в опасность по-настоящему никто не верил.

Мы пропустили момент, когда из стекающей со стекла студенистой слизи образовался и затвердел тугий жгут. Другим своим концом жгут почти достигал океана, постепенно истончаясь в нить, но, по-видимому, оставаясь прочным. Вскоре нам пришлось убедиться в этом. Снова над водой закачалась плеть, затем – щупальце, за ним – еще одно, возможно их было много... дальнейшее я плохо помню, потому что началось неопределимое. Щупальца, вздымавшиеся из моря, обвилились вокруг жгута, на другом конце которого висел, как привязанный, золотой воздушный шар – наш аэрокraft, и молниеносно подтянули из глубины на поверхность океана колоссальное, ужасающего вида, пульсирующее, необъятное тело моллюска. Возможно, так выглядел местный кальмар. Тело его ходило ходуном, словно перетекало, бугрясь пупырышками, собираясь в складки и стремительно меняя цвет. От прихотливой смены цвета отдельных участков тела, временами поразительно точно повторяющих цвет воды, казалось, морская тварь распадается на части и заново собирается снова, и это не позволяло разглядеть экзота как следует и оценить размеры.

«Золотой грейпфрут» дернуло вниз с такой силой, что мы услышали режущий душу скрежет кронштейнов, соединявших гондолу с продольными балками – основными силовыми элементами конструкции аэрокraftа. Как я узнал позже в беседе с капитаном, эти мгновения добавили ему седины. Электроника, протестировавшая напряжения в креплениях, успела задействовать запасную систему: выстрелили пневмопистолеты, из них вылетели кевларовые тросы с присосками на концах, присоски прилипли к нижней платформе под баллоном аэрокraftа, обеспечили быстрое

«врастание» волокон креплений, и сорок тросов перераспределили опасные напряжения и предупредили отрыв пассажирской гондолы. Но было ясно, что, случись гондole снова повернуться относительно баллона аэрокraftа, тросы не порвутся – кевлар порвать невозможно, – но, не рассчитанный на такую нагрузку, вряд ли выдержит каркас гондолы – конструкция будет просто выломана в месте врастания тросов.

Боковым зрением я успел заметить в окнах верхней палубы аэрокraftы «Легенда» и «Звезда Ило»: они хотели приобщиться к сенсации и срочно меняли курс, развернувшись в нашу сторону и заходя сверху. По высоте их полета я понял, что мы находимся почти в полтора раза ниже нормы – недопустимо, опасно низко для такого большого аэрокraftа, как «Золотой грейпфрут». Тем временем нас снова резко дернуло в море. Визг и взволнованные крики пассажиров раздавались повсюду. Упали все, кто не держался за бортик или поручни. Я увидел, как упал на живот и стремительно заскользил по запрокидывающейся глади панорамного окна Рейнясу. Чуть поодаль, устояв на ногах, но отчаянно балансируя руками, как серфингист, ехал по стеклу стюард.

Рейнясу силой инерции выбросило из чаши иллюминатора, и мальчик упал в толпу туристов. Гондолу еще раз толкнуло в противоположную сторону, и на этот раз не устоял на ногах никто. Второй толчок сбил с ног и парня на стекле. Парень, лежа на спине, заскользил обратно, в центр вогнутого окна. Он по-прежнему избегал касаться чистого стекла ладонями, но без помощи рук не мог остановить собственное движение.

И в этот самый момент снизу, из океана, прицельно атаковало огромное щупальце кальмара.

Я мог поклясться, что морская тварь, ближе подтянув аэрокraft, разглядела через стекло движущееся тело человека и метила именно в него.

Стеклопластик под парнем треснул.

Затем прямо под нами полыхнули огненные разряды и с внешней стороны тектолит иллюминатора облизали языки пламени. Скрежетали конструкции гондолы, по левому борту опасно закачался оборванный кронштейн, грозя через панорамное окно салона ввалиться внутрь. Мягко, как сквозь заложенные уши, выла сирена. Все мешалось и скакало перед глазами: взбаламученная морская вода, брызги, пламя плазменных разрядов, летевших со стороны аэрокraftа «Звезда Ило»; извивались угольно-черные обрубки плоти цилиндрической формы, расплзалась струя маслянистого дыма по поверхности воды... А потом закипело море в карминно-красных разводах и в агонии заходили ходуном обрубленные мясистые щупальца с покрытой присосками отвратительно-белой, какой-то беззащитной, оголенной тыльной стороной тела моллюска. Щупальца исполнили змеиную пляску, и опали, скрылись под водой, оставляя буруны.

Мы должны быть благодарны капитану «Звезды Ило» – он был ближе всех к «Золотому грейпфруту» и вовремя пришел на помощь. Не имея другого подходящего оружия, он разрезал тварь универсальными сезамами, которые на лесном Ило Семилунном крупнее и мощнее обычного рабочего инструмента космофлотских. Он отсек кальмару щупальца плазменными разрядами, приняв нестандартное решение. Под его командой ребята быстро прикрутили сезамы к перилам открытой галереи обычной фонлентой, оказавшейся под рукой. Жестко зафиксировали инструмент, чтобы случайно не попасть в наш дергающийся аэрокraft, настроили на минимальное сечение луча, тем самым обеспечив импровизированному оружию необходимую дальнoбойность, и поразили морское чудовище.

А вот первый же разряд сезама, с опозданием выпущенный в море с «Золотого грейпфрута», встретившись с плазменным лучом «Звезды Ило», закончился трагически: плазма взорвалась под тектолитовым иллюминатором и стюарда поджарило как на сковородке. «Золотой грейпфрут» отказался от следующей попытки стрелять вниз. Впрочем, к тому моменту морское чудовище доживало последние свои минуты.

Парнишка стюард без движения лежал в середине окна прямо на трещине в стекле.

К нему спустились. Он не мог пошевелиться, лишь скреб пальцами по стеклу и сучил

ногами. В суете бросились поднимать его, но дело кончилось плохо: на стюарде оплавился пластик пояса-регулятора – на Ило такой пояс есть у каждого в команде любого отеля, это удобный блок управления робочистами. Щиток пояса приклеился к иллюминатору одной стороной, и к обожженной коже под задравшейся форменной курткой – другой. Парня сняли с трещины не сразу, соблюдая предосторожности, но все равно сорвали кусок кожи. От болевого шока парень потерял сознание.

Рейнясу мне передали с рук на руки.

У мальчонки были круглые испуганные глаза. Он обмочил штанишки и еще не пришел в себя.

Глава десятая

Небесная лестница

Наш аэрокraft набрал высоту и держал курс на соседний архипелаг. Подоспевшая с земли помощь в виде дюжины беспилотников – местного гибрида торпеды и миниатюрного вертолета – пристыковалась в аварийные гнезда по периметру аэрокraftа, и на буксире потрепанный «Золотой грейпфрут» тянул до острова Малеон.

Иллюминатор закрывать не стали. На высоте тысячи метров нам не грозило новое нападение с моря. (По крайней мере, в летописях Ило Семилунного таких случаев не было.) Но подходы к поврежденной тектолитовой чаше бассейна перегородили.

Забытые видеокамеры свешивались со штативов, по-прежнему нацеленные объективами вниз, на недружелюбный океан.

«Звезда Ило» и «Легенда» направились дальше, а «Золотой грейпфрут» вынужденно изменил маршрут и пристыковался для ремонта к Небесной Лестнице Малеона. Остров Малеон значительно крупнее острова Тобион со столицей Вечный Май, в которой я обосновался. Малеон плотнее заселен и покрыт обширными сельскохозяйственными плантациями, отчего выглядит авангардистским полотном, как если бы мастак сработал его из разноцветных и разносортных материалов.

Вдоль линии моря лиловый шелковник глянцево переливается от малейшего движения воздуха; за ним, сменяя друг друга, встают щетиной сизолистые плантации луковичных, полосатятся бесконечные и разноцветные гряды овощей, мягко золотятся поля пшеницы и лесом встают кукурузные наделы. Между огородными землями широкие, в полмили, полосы оставлены под деревья-ветрограды, ветряки, плантации цветов и парки для отдыха горожан. Все пестро, живописно, празднично.

Возделанные тучные нивы радуют глаз.

На подлете к Небесной Лестнице Малеона пришло время второго завтрака – по-местному «гарбатка», или «сладкий чай» – если по-космофлотски. Это легкий перекус с чаем и сладостями. Если пожелаете, вам приготовят салаты или фруктовые желе, соки тоже подадут, любые, на выбор, но плотно наесться по иланским понятиям еще рано. Здесь основательно едят ближе к вечеру, но не слишком поздно, часа за два до заката. Местные уверены, что вечером и во сне ничто не мешает еде полноценно и без суеты усвоиться. И, похоже, в этом есть смысл. Как только я решил остаток жизни провести на Ило, я быстро привык к здешнему распорядку питания и с тех пор и думать забыл о проблемах с пищеварением.

Столики бодро выезжают из воротец кухонного блока, развозя крохотные заварочные чайники и чашки – много чайников и чайных приборов на каждого заказчика, потому что, уж я-то знаю, новичкам на планете хочется успеть попробовать все виды местного чая, ведь иланские настои уступают по вкусу только знаменитому лист-душисту с Сириуса. Чай пьют из чашек немногим больше кукольных, поэтому люди с кораблей Звездного флота, привыкшие держать под рукой неизменный термос-квартиру, успевают продегустировать из местных сервизов по четыре и пять сортов, и все за одно утро.

Мой подопечный гуляет по залу.

Он хорошо ладит с чужими людьми и, убедившись в этом, я перестаю следить за его передвижениями, а иначе могу свернуть свою латаную-перелатаную хрустящую остеохондрозными позвонками старую шею.

На «Золотом грейпфруте» Рейнясу единственный малыш, и все охотно развлекают его. Впрочем, чему удивляться – я же выбрал не отель для семейных с детьми, а, наоборот, курорт для зрелых и даже перезрелых гостей планеты. Вот еще одна «барышня» не первой молодости, но с дорогой пластикой лица заигрывает с Рейнясу, а затем придет, вихляя тем, что осталось от когда-то стройных бедер, поболтать со мной. Она чем-то пичкает мальчика со своего стола, и я удовлетворенно констатирую, что второй завтрак прошел без моего участия, и это славненько.

Я кладу на язык кисло-сладкий фруктовый брикетик, дожидаясь, когда он совершенно размякнет и наградит меня вкусом чернослива, зюм-зюма и арибы. Маленькими глотками потягиваю чай из чашки. В витиеватой росписи чайной пары скрываются, как в шараде, семь лун – знак планеты. Специально для туристов семь лун помещают везде, где только есть место украшениям, но делают это ненавязчиво и со вкусом, пряча луны или их названия среди орнаментов, вензелей и живописных композиций. Я дарил Ксантиппе сервиз с чашками, на которых луны Ило астрами цветут в густой траве. Выбирал долго, пока не определился, что именно эти луны, каждая с улыбкой и мечтательными глазами, – именно то, что надо. Ксантиппа, помнится, была очень довольна. А ведь ей угодить нелегко...

Робочистка-горничная чистит наши с Рейнясу шезлонги и вытряхивает в себя сделанные мальчишкой запасы съестного, меняет плед и пылесосит легкий пружинящий матрас, сплетенный из болотной травы, по виду как мягкие зеленые волосы. Из этой травы в городах делают парики и предлагают туристам как сувенир. И много чего еще делают из этой травы...

Нам пообещали незапланированную экскурсию по здешнему мегаполису, пока аэрокraft будет стоять у ремонтного причала Небесной Лестницы. Обратный перелет над морем пойдет по другому маршруту, и только завтра вечером мы вернемся в Вечный Май. Нам покажут, как иланцы умудряются ловить морскую рыбу, естественно, разумных размеров, ту, которую реально вместить в посуду и затем подать к столу. Другую живность, способную запросто съесть всех нас вместе с «Золотым грейпфрутом», мы уже имели счастье наблюдать.

Кадры охоты кальмара на туристов, снятые с нашего и соседних аэрокraftов, уже показали в большом кубо-кубо, и я оценил размеры опасности, грозившей нашему судну.

А сейчас, в безмятежности покоя, с приятным теплом в желудке, вдыхая свежий воздух аграрного Малеона, приправленный ароматом разливаемых чаев, я думаю, что Ило – славная планета и Ксантиппа сто раз права, отправив заговорщиков именно сюда. Думаю, ребята уже обосновались в своем убежище; пусть немного тесно и скудно у них, но это ненадолго. Патрульному пилоту и девушкам-белошвейкам не привыкать к аскетичному походному быту. Переждут своей молодой компанией время до старта Звездного флота к Фомальгауту, а дальше... Дальше я смогу кое-что сделать, чтобы беглецы несколько лет жили в столице, не привлекая к себе нежелательное внимание. Через два кочевья Звездного флота закроют дело об угоне кораблей в системе Ило-Соло. Что два кочевья – пустяк! Каких-то шесть лет. Вот тогда беглецы будут сами решать, где им жить. Не знаю, что бы я думал насчет Ило сорок лет назад, но сейчас я нахожу эту сельскую планетку лучшим местом во вселенной. Да и для Тимоха этот мир – родной.

И кстати, здесь живут не только «корзинщики», как за глаза пренебрежительно называют местных жителей. На планете есть свои университеты, и весьма толковые, и есть работа, много работы – найдется куда приложить руки и мозги.

Спуск в кабине лифта с высот Небесной Лестницы – и вот мы на экскурсии в главном городе острова, Зелене. Зелен ничем не отличается от столичного Вечного Мая и любого другого города на Семилунном – такой же компактный и вытянутый вверх. Везде высотные небоскребы с глухими стенами нижних десяти этажей и нарядными, открытыми солнцу и легким морским бризам верхними ярусами.

Плавно изгибаются транспортные ленты, упрятанные в путепроводы и пересекающие город на высоте от тридцати метров и выше. На Семилунном все, что ближе к земле, – складская и промышленная зоны, а повседневная жизнь сосредоточена на верхних этажах, туда флорники не успевают добраться за одну ночь. Даже фермеры, а таких здесь большинство, предпочитают не заботиться о защите от флорников и вечером убираются с плантаций в город.

Машины иланцев вызывают нездоровый интерес у гостей планеты, с пренебрежением относящихся к автомобилям, в которых все, кроме ходовой части, сделано из растительных волокон.

Туристы с «Золотого грейпфрута», в шляпах и кепках из солнечно-желтой соломки, поодиночке и группами облепили гоночную «фелицию» для лихачей. Они фотографируются рядом с «пикапом», любимым транспортом фермеров, и возле

семейного «ньюбуса». Затем туристы с любопытством осмотрят местные грузовики и фуры, но не перестанут вслух называть иланскую технику корзинами.

Добродушные иланцы привыкли слышать это пренебрежительное «корзины» и только плечами пожимают. На самом деле у них отличная техника, не нуждающаяся в привозных материалах для своих корпусов, кузовов и салонов.

Этот аграрный мир на редкость самодостаточный.

Иногда я ловлю себя на мысли, что, случись всем достижениям звездного человечества вдруг повернуться и исчезнуть в каком-то роковом катаклизме, – из всех планет, обжитых людьми, только Семилунный сохранит свой уровень жизни, свою науку и культуру. Уж очень у них все продумано и завязано на местных возможностях.

Занятно, думаю я, захотят ли они снова строить корабли, чтобы лететь к звездам? Возможно. Со временем. Но не сразу. Пока им и на планете хорошо. Или, может быть, они подождут, когда планета вырастит им тыкву-звездолет где-нибудь в глубине неисследованного леса. У них много анекдотов про это.

Внутри города изредка попадаются зеленые оазисы.

Странно для города в субтропиках, окруженного буйной растительностью, если забыть об особенностях Семилунного. Но здесь в скверах сажают только привозные растения, поладившие с местной флорой. Первой благополучно прижилась на Ило газонная трава. Она отлично себя чувствует и на кораблях Звездного флота, вот и здесь растет в городах, так и не научившись метаморфировать по ночам. А еще иланцы высаживают рядом с местами отдыха несколько видов цветов с разных планет, их я не знаю, и удивительное земное дерево, которым я восхищаюсь, а потому помню даже не одно, но два его названия: франжипани или плюмерия. На Ило в лесах полно местной разновидности вечноцветущей плюмерии, но земная плюмерия стала единственным городским деревом. Почему-то лишь ее саженцы флорники не выдергивали из земли, позволив чужеземке спокойно расти и цвести почти круглый год.

Нас постоянно пересчитывают.

Туристические наручни перед прогулкой защелкнули на запястье, и каждые тридцать минут мы отчитываемся в экран, что мы – в черте Зелена.

Рейнясу под присмотром своей Матруны гуляет с приветливой семейной парой. Я видел, как один раз киберняня выбросила вбок гибкую руку и схватила прыткого мальчишку, пытавшегося улизнуть в боковую ветвь прогулочной улицы верхнего яруса, а потом этой же рукой Матруна заставила его идти рядом с собой. Назад мальчишка идет спокойно: он забавляется «привязчивым мячиком». Мячик меняет картинки на боках и пищит всякую чепуху из мультиков. Рейнясу веселится и заставляет мячик прыгать. Мяч копирует его смех. Каким-то образом мальчик умудряется построить вполне осмысленный разговор с дешевой игрушкой, которая способна отвечать лишь в пределах нескольких десятков фраз. Матруна скользит рядом, нагруженная взятыми напрокат игрушками: это значит, плетеные коробки и этикетки у них новехонькие, а сами игрушки уже побывали в детских руках, а потом были возвращены в магазин, вымыты, отремонтированы и готовы служить вновь. На экономном Ило принято так поступать. Привозного здесь мало, планета избегает попасть в зависимость от Звездного флота, а местная промышленность, кстати, прекрасно организованная, все-таки не может угнаться за межпланетными производствами, ведь на Ило никто не работает ночью. И в этом отношении местные ничего менять не собираются. Иланцы очень гордятся тем, что их невозможно эксплуатировать круглые сутки, и в глубине души презируют вызвездков за то, что большинству космического человечества недоступна роскошь полноценного сна. Здешний народ здоровый, румяный, яркоглазый и склонный к преувеличениям во всем, что касается леса. Да, а насчет игрушек я забыл сказать – у иланцев с ними связано много пословиц, например: «Нет дорожке своей цацки» или «Своя лялька из дому не ходит». Это они о том, что самая дорогая игрушка – та, которую ребенку сделали в семье, своими руками. Ее не надо сдавать обратно в магазин. Местные – большие

мастера вручную делать разные игрушки, от изящных кукол до конструкторов, головоломок и моделей техники.

После прогулки скоростной лифт вернул нас из Зелена на верхний причал Лестницы в Небо.

Мы вышли на обзорную площадку над ухоженными полями Маледона. Здесь дул свежий ветер – сказывалась высота. Короткая тень от Лестницы в Небо отклонилась на север, и солнечные часы в основании грандиозной Лестницы, обслуживающей аэрокraftы, показывали полдень. Циферблат солнечных часов на земле выглядел более чем нарядно: башню-гномон окружали разноцветные секторы – поля, засеянные культурами разного вида. На границах секторов, на крышах каких-то строений, явно нежилых, нанесена разметка, что позволяло нам определять местное время.

Внимание Рейнясу привлек легкий двухместный самолет. Рейнясу загудел, расставил руки, перегнулся через перила Небесной Лестницы, не испытывая страха; еще бы – робонья цепко держала его, перехватывая гибкими щупами за разные части тела, и живчик вертелся, испытывая себя и высоту.

Здесь я снова увидел эриданца и землянина, лениво рассуждавших о белошвейках в первый вечер на «Золотом грейпфруте».

На этот раз я встретился с этими типами лицом к лицу у перил обзорной площадки, наблюдая прыжки сьютов. На высоте, обжитой лишь аэрокraftами, легко планировали люди в костюмах пестрой расцветки. Девять сьютеров, выстроившись клином, бросали реплики на лету, их речь улавливалась слухом даже на таком удалении, но слов было не разобрать.

Эриданец по своему обыкновению проворчал:

– Двести лет не переводятся желающие ломать себе шеи!

Его спутник, любуясь пейзажем, ответил:

– Если вы про вингсьютинг, то первые летуны пробовали планировать в конце двадцатого века, а это на тридцать годков больше, чем два столетия. Тогда немало ребят разбилось, испытывая костюм для полетов. Но в начале двадцать первого века вингсьютеры уже набирали больше двух километров по горизонту на один километр высоты.

Я уверился, что этот человек – землянин. При ходьбе он устойчив, но несколько тяжеловат. В нем нет гибкости вывездка, привыкшего с раннего детства к ступеням, люкам и переходам всех видов и размеров. Так, как ходит он, ходят зимовники-флайлианцы. Но у флайлианцев смуглые лица и особый прищур глаз, они живут среди блистающих снегов своей планеты. Нет, этот точно землянин.

Неразговорчивый эриданец отвернулся и с крайним неодобрением смотрел на выкрутасы Рейнясу.

Я подошел к этим мужчинам.

– Рад познакомиться! Петре Браге, полковник Звездного флота в отставке. – Я представился первым, обращаясь больше к землянину.

– Филиас Фармопулос, – как заклинание произнес землянин, с готовностью протягивая для рукопожатия крепкую руку с короткими пальцами, улыбаясь и кивая головой. – Живу на орбитах Сириуса, но половину жизни провел на планете-матери. Кстати, я в молодости тоже увлекался вингсьютингом, сьютотом по-здешнему.

Филиас Фармопулос, проследив за моим взглядом, оглянулся на прильнувшего к подзорной трубе спутника и представил его:

– Со мной Энге Лаперуз. Эридан.

– Планету можно и не называть, – процедил Лаперуз, не отрываясь от окуляра. –

Эриданца узнают везде.

- Энге Лаперуз мой коллега. А может, я его коллега... Нас завербовали на короткий срок и еще не ввели в курс дела. Впрочем, работой обеспечили, да так, что мы умудрились пропустить вчерашнее, гм, приключеньице в море.

- Вас не было у иллюминатора, когда мы попались на удочку кальмару?

- Увы, увы, мы были заняты. Расскажите за ужином, что там происходило, полковник Браге?

- И видео не смотрели?

- Да, представьте себе, надо было получить очередную порцию инструкций. - Филиас небрежно указал пальцем вверх.

Ясно.

Эти двое работали на Звездный флот.

- Тогда мне будет что порассказать вам! - пообещал я.

Неприятное подозрение шевельнулось у меня внутри. Случай угона патрульного корабля - не рядовое событие, к расследованию таких дел вполне могли привлечь ищеек. Неужели Тимоха и компанию вычислили? Так скоро?

Скупой на слова эриданец, как всегда неожиданно, изрек загадочное:

- Здешние летят гораздо дальше.

Для меня его слова прозвучали зловеще.

Филиас переспросил, явно продолжая начатый без меня разговор:

- Энге, вы к тому, что земные вингсьютеры летят всего лишь два километра по горизонту на один километр высоты? Так у иланских сьютеров костюмы с полужестким каркасом. А это совсем другие возможности. Местные могут позволить себе лететь до четырех километров по горизонту на километр по вертикали. Что, кого-то из них занесло за окружной канал?

- Вся группа, стартовавшая с дирижабля с шахматной эмблемой, - лаконично отозвался эриданец, снова предоставляя нам право додумывать его мысль.

Мы с Филиасом понимающе переглянулись: эриданец, похоже, в ударе, раз изволил произнести столько слов в адрес каких-то там далеких сьютеров.

Когда до меня дошел смысл сказанного, я удивился и тоже подошел к подозрительной трубе:

- Что? Сьютеры парят над джунглями? А куда приземлятся, скажите на милость?

- Приземлятся прямо в лес за каналом, - ответил проходивший мимо парень из команды «Золотого грейпфрута». - Если вы позволите, я направлю ваши подозрительные трубы на то плоскогорье - там станция биологов и флорэкологов, сьютеры будут пробиваться к ней. Они рискованные ребята. До станции далеко, им придется до ночи идти по лесу. Видимо, хотят поставить новый рекорд выживания. Я сам с Тобиона, там такие забавы под запретом. На нашем острове и джунгли суровее! - добавил он с оттенком гордости. - А Мален скоро превратят в большую грядку.

Он засмеялся и ушел.

Границей между джунглями и возделанной землей на Малене служит канал с морской водой, соединивший несколько внутренних озер и заливов. Он широкий и фильтрует воду, поступающую из моря, системой искусственных пещер-лабиринтов с зарешеченными проходами, закрывающими дорогу морским тварям. Мелкие зубастые и ядовитые существа все равно кишат в канале, делая его непригодным для купания. Иланцы за сто двадцать лет изучения планеты не смогли подобрать для пограничных каналов таких обитателей, которые были бы в состоянии контролировать биологическую

цепочку и поедать опасных для людей морских существ. Похоже, в океанах Семилунного любая живность потенциально опасна.

Далеко на горизонте, за каналом, отделившим высокий обитаемый и распаханный юго-западный край острова от низкой равнины, начинался другой Мале-он – кучерявый от густых древесных зарослей.

– Другой Малеон... – эхом повторил мои мысли землянин.

Впрочем, фраза здесь на слуху, ее произносят, инструктируя гостей планеты.

Лаперуз все пытался высмотреть что-то.

«Уж не база ли интересует тебя, гость? Если начали с Малеона, значит, ищите наобум, и не факт, что найдете схрон, спрятавший беглецов. Скорее всего, займетесь сбором сведений обо всех бункерах подряд и только потом будете сужать круги».

– Говорят, по ночам Ило живет по зловещим законам, – сказал Филиас, опершись на перила и окидывая взором окрестности.

Эриданец отрезал:

– Местная разновидность групповой паранойи. Послушать, так здесь не океан с его мегатварями, а джунгли – самое опасное место.

– Возможно, местным виднее? – заметил я.

– Мне случалось бывать на Перлите, там свои страсти, так что я воздержусь от комментариев. Космос велик. Каждый верит во что хочет, и лишь Эридан предпочитает ничему не верить и анализировать, – процедил Лаперуз.

Пожалуй, с учетом сложившихся обстоятельств, будет правильным посеять в моих новых знакомых убеждение насчет смертельно опасных флорников.

Сам я считаю, что бункеры, а тем более высокогорные базы – абсолютно надежное убежище, но об этом Фармопулосу и Лаперузу лучше не знать.

Оставив площадку с подозрными трубами, мы поднялись по последним пролетам Небесной Лестницы к хоботу-трапу нашего аэрокraftа.

Команда в полном составе встречала нас на входе в летающий отель. Капитан в парадной форме радушно приветствовал всех и объявил в микрофон, что экипаж дарит каждому туристу памятный сувенир: майку с изображением «Золотого грейпфрута» и элегантный браслет с местным аметрином насыщенного фиолетового цвета – как память о незапланированном посещении острова Малеон. Потом капитан предложил заключить пари со всеми желающими на сто местных кредиток – большая сумма. Пари было следующим: если мы не встретим танцующих медуз, довольно редкий вид морских кишечнополостных, капитан лично вручит выигравшему сто кредиток. Если «танцующие» покажутся туристам, выплачивать деньги ему не придется.

«Но это еще не все! – заговорщицки произнес капитан Левицкий. – Мне тоже нужен свой маленький интерес в этом деле. С вашего позволения, я возьму символический штраф с того, кто пропустит это замечательное зрелище – как раз такой, чтобы хватило на стаканчик коктейля всем членам команды. Согласны?»

Команда «Золотого грейпфрута» встретила предложение с энтузиазмом, туристы тоже улыбались, несогласных среди них не было. Отдых на Ило Семилунном по качеству превзошел все их ожидания: ни дня без сюрпризов, гостям делали подарки и дарили сувениры, и, кроме того, планета попала действительно экзотичная.

«А сейчас – вперед! Нас ждет невероятная рыбалка!» – так сказал капитан.

Глава одиннадцатая

Дневник Айоки

Ветер почувствовал себя лучше только после полудня. Следы ожогов затягивались быстро, но не настолько, чтобы к нему вернулась подвижность. Не зная, куда себя деть, галерец принялся доставать вторую белль вопросами о патрульном офицере, подозревая, что Анна знает что-то, но не желает сообщать ему.

- Чтобы ты не вздумала горевать, Анни, если твой офицерчик вообще вычеркнул нас из своих планов. Он сейчас небось дома и небось выкручивается, объясняя, с какого звездаца понесся в эпсилон. Я его предупредил, чтобы не вздумал вешать угон кораблей на меня - иначе ему не поздоровится. И он как будто отказался от идеи свалить все на парня с «Галеры». Но полагаться на этого патрульного я бы не советовал. И вообще, все патрульные мутные. Они по жизни сами по себе: привыкли, что начальство далеко и никто им не указ, и ребята говорят, проворачивают втихаря разные делишки. Анни, только глазом моргни - я тебе подгоню пару-тройку суперских ребят с курса летных практик. Вы-бе-решь дружка сама-а-а! Белль!.. - кричал он в спину скрывшейся в лесу Анны.

Анна ушла к звездолету прямо через джунгли, ориентируясь на одинокий клык утеса вверх холма, видимого с высоты ее роста, и на верхушку буйно цветущего лириодендрона, потому что вчерашняя выжженная сезамами тропа почти заросла. Она собиралась снова обратиться к кораблю: готов ли звездолет принять людей? Но что-то сдерживало. Как будто «Игла-2» стартует сразу же, лишь она закроет за собой люк. Но Мрию нельзя оставлять на этой планете одну. Одну - потому что Ветер в счет не шел, от него Мрии проку немного; с галерцем возни еще больше, чем с Надьждой...

И где-то в городе остался офицер Тимох.

Тимох...

Имя его - как шелест листвы...

Вторая белль обошла «Иглу-2» и пристроилась под кораблем на аппарели.

Металл наклонного схода приятно нагрелся на солнце, Анна легла животом на аппарат, сняв платье и подстелив его под себя. От жаркого послеполуденного солнца тело спасал какой-то высокий тростник, вымахавший за одну ночь рядом с кораблем. Узкие тростниковые листья умиротворяюще шелестели от малейшего движения воздуха. Солнечные лучи проникали сквозь заросли, но не были обжигающими. От далекого тюльпанного дерева донесся едва различимый аромат. На удалении нестерпимо приторный запах этого растения казался приятным. С другой стороны настигла легкая волна горьковатого запаха - они вчера проходили мимо сырой ложбины, заросшей мясистыми сочными листьями, так пахло в ложбине.

Анна достала тубус, развернула начало писчей пленки и принялась за чтение.

Вскоре она забыла обо всем на свете.

То, что она держала в руках, было не что иное как копия дневниковых записей, на которые постоянно ссылались наставницы, обучавшие юных белошвеек. Но никто не видел эти дневники целиком.

В том, что Анне достался дневник Айоки, сомневаться не приходилось.

В тубусе сохранилась история самой первой белошвейки, и эта девушка перевернула все в жизни земного человечества. А потом - исчезла.

Бисерный почерк мадам Айоки Кюссо явно увеличили в эпоху очередной смены информационных носителей. Так дневники, написанные от руки перышком на престижной бумаге в конце двадцать первого века, оказались на пленке. Аккуратные круглые букочки изящно соединялись друг с другом, укладывались в строчки и

напоминали звенья разорванной цепи, уложенные в ряды. Именно автобиографическая рукопись считалась подлинной и неоспоримой реликвией, в отличие от многочисленных книг, изданных самой Кюссо в течение жизни и еще больше – после смерти мадам, оставившей этот мир в почтенном возрасте.

Анна даже разволновалась оттого, что держит в руках эту бесценную реликвию.

Да только ради того, чтобы прочитать полную историю первой белошвейки, уже стоило оказаться на Ило!

«...В то время я и мой муж были еще очень молоды. Баи работал над очередной проблемой, суть которой была мне абсолютно непонятна и неинтересна, как и все его астофизические изыскания. Я – модельер, мое дело – восхищать публику. Смелость, неповторимость, эпатаж, шик, элегантность – вот чем заполнен космос внутри моей головы, и на лохматый и парадоксальный космос Баи Кюссо там места не оставалось. Но однажды Баи стал искать помощи у меня. В ту весну мы жили в нашем сингапурском доме, а вечером ему предстояло лететь в Колорадо-Спрингс, и он признался, что чувствует себя не готовым к ответственному выступлению.

– Ускользает что-то важное, без чего моя теория не может быть полной, – пожаловался он.

Вид у мужа был нездоровый. Я попыталась отделаться советом больше отдыхать и меньше зависать в лабораториях Центра Космических исследований.

Он даже не раздражился, как всегда, в ответ на замечание. Так подкосила его сложная задача, решению которой он отдал семь лет и, по его словам, сейчас был близок к завершению, но целостная картина упорно не складывалась.

Он бурчал:

– Я даже не придумал название этому явлению... Гравитационные петли, торсионные траектории... все не точно, и все не то. А без названия суть не ухватить, – вздыхал Баи, валяясь с задранными на спинку дивана ногами и в совершенно расслабленном состоянии, осунувшийся и постаревший. Таким он казался, когда от нервного и умственного напряжения терял силы, а он любит нещадно эксплуатировать свой организм. Потом прозвучал и условный сигнал „Сдаюсь!“ – уж я-то знала своего мужа.

– Айока, ты меня любишь?

„Стоп, – сказала я себе. – Баи в депрессии. Придется отложить дела, сидеть со своим благоверным, поддакивать и утешать его. Заказать эскулапа, заглядывать электронному чурбану в мелкофасеточные глаза, потому что он без этого не функционирует, обещать, что прослежу за выполнением всех врачебных рекомендаций, и сообщить на фирму, как эскулап справляется с диагностикой и довольны ли мы их услугой. За обратную связь фирма предоставляет приятную скидку“.

Я сделала полдюжины звонков, отменяя встречи. Благо ничего значительного в студии сегодня не планировалось.

После этого я вернулась в лоджию, где в очередной раз умирал расклеившийся гений человечества, муж легкомысленной модельерши, сделавшей на модных тряпках приличное состояние. Что, впрочем, воспринималось как должное и мне в заслугу не шло, а надо бы. Потому что пока я, по его мнению, крутила кружева, он мог спокойно заниматься своими исследованиями, не думая о счетах, регулярно накапливавшихся в трех странах, где у нас была недвижимость.

– Айока, ты меня любишь?

– Конечно, люблю! – сжалилась я над ним. Положила пальцы на шею Баи и принялась массировать. Верхние позвонки в отвратительном состоянии. Все гении так бестолковы, или только мой не хочет найти время, чтобы подумать о здоровье?

– Ну, покажи мне свою проблему, – ласково пропела я. Все-таки люблю этого лохматого и нескладного чудака. Стоило мне произнести эти волшебные слова, и начинало происходить что угодно: лекция о характеристиках межзвездного газа, популярное

изложение особенностей очередного тупика, в который зашла астрофизика, и даже качественный секс без оглядки на время и место. Помня об этом, я на всякий случай удалила из дому прислугу.

В тот раз произошло первое, затем третье, а уж после – второе. Оживший Баи вдохновенно принялся втолковывать усталой и расслабленной модельерше теорию пространственных туннелей – невероятных, фантастических путепроводов от звезды к звезде.

– Смотри, – говорил он, – это рисунок торсионных полей. Они свернулись и образовали пространственный коридор. При этом точка А, начальная точка путешествия, сблизилась с точкой В – конечной точкой полета. Как, по-твоему, это хорошо?

– Конечно, хорошо, – согласилась я, обмахиваясь диванной подушкой, потому что веер свалился на пол. – Точки сближаются, это лучше, чем если бы они разбежались друг от друга.

Баи вышагивал по кругу, вертя пальцами:

– В космосе ожидается следующий эффект: гравитационные поля разместятся вокруг звездолета строго по обозначенной торсионными схемами и колоссальная освобожденная энергия деформированного пространства-времени подхватит и унесет звездолет в немыслимые дали. Там даже не в энергии дело, хотя и в ней тоже, а именно в искривлении – корабль как бы заскользит по выпуклостям, вогнутости затормозят его движение, и, наконец, он выйдет из деформированного пространства-времени в нужной точке вселенной.

– И кто смеялся с презренного занятия модельера, а сам проектирует пафосные наряды для кораблей? Наряжает звездолеты, и те несутся в не-мы-сли-мы-е дали... – пробурчала я, чувствуя великолепное послевкусие „Hennessy“ на языке и строя глазки астрофизику сквозь стекло круглой коньячной рюмки.

– Я – что делаю? – переспросил ошарашенный Баи, нажимая на „что“. – Наряжаю?! Откуда ты взяла это слово?

– Вот, – я ткнула пальцем в интерактивный экран.

– По-твоему, эта схема похожа на, так сказать, наряд?

– Похожа на рукава с кружевом в три ряда вдоль шва. Плюс вот здесь, возле оката, вижу часть кокетки, и к ней пришит воротник а-ля Людовик Четырнадцатый, – буркнула я. – Вообще не понимаю, почему в этой модели столько всего наворочено? Что за излишества? Кружевная отделка торчит и топорщится... У твоих торсионных совершенно отсутствует вкус!

Баи открыл было – и закрыл рот. А потом принялся шипеть и булькать, и так – до слез. У него некрасивый смех. Но я не должна слишком много требовать от гениального астрофизика.

Баи отобрал у меня две круглые рюмки без ножек, которые я примостила на глазницы, чтобы смотреть на него глазами огромными, как у стрекозы. Баи в свою очередь посмотрел на меня через эти шары и велел:

– А ну-ка, признавайся, как мы можем улучшить эту нелепую модель?

Теперь смеялась я.

У Баи узкие глаза, а через бокал казалось – они расщелинами тянутся за окружность головы.

Но Баи не отступал и требовал, чтобы я изменила рисунок торсионных.

Когда вам приказывает инопланетянин со щелями вместо глаз, вы волей-неволей подчинитесь. Я подошла к стереоэкрану, уточнила, откуда и куда теоретически планируется лететь, всмотрелась в рисунок звезд и начертала новый наряд для такого случая.

- Как он называется? - завис надо мною Баи. Он внимательно наблюдал за моими манипуляциями.

- Это древнеримская стола, я ее слегка осовременила! - гордо заявила я, глядя на мелкоскладчатую колбасу, перетянутую двумя тонкими поясками. Баи остался серьезным и сохранил мою новую схему, введя ее в память компьютера.

- Тебе понравилось? - поинтересовалась я.

- Надо сделать расчеты... - буркнул он и бросился в свой кабинет, забыв о недавней депрессии и ничего не замечая вокруг.

Из самолета муж позвонил мне и сказал, что у него самая гениальная жена.

Оказывается, моя схема гораздо лучше подходила для пространственного туннеля или, может, не туннеля: я не смыслю в физике космоса ровным счетом ничего.

Баи вернулся с конгресса триумфатором. Но странным был его триумф.

- Разрази меня гром! - сказал он в крайней растерянности, так задержав свои волосы, что шевелюра у него сбилась на одну сторону. О том, что Баи посетило очередное научное прозрение, я догадалась по его привычке грызть мелкие предметы, попадавшие под руку. Соломинка от коктейля была измочалена так, что половина ее сплюснулась в ленту, скрутилась спиралью и свисала с нижней губы супруга. Баи, глянув на спираль невидящими глазами, недолго думая, принялся обглаживать другой конец соломки, поминать всех дэвов, коситься в мою сторону и бормотать: „Нет, это невозможно, невозможно... Куда там ей?“

Я чувствовала, что каким-то образом его растерянность связана со мной и схемой „наряда“ на стереоэкране.

Но выжидала. Баи все скажет сам.

Так и вышло.

Он вкрадчиво приступил ко мне:

- Айока, как ты изобретала наряд?

Я не спешила с ответом: сейчас Баи все равно не слышит меня. Он слонялся по кабинету, все больше перед рабочим экраном с объемной голографической картиной звездного неба, и пялился на звезды и строки уравнений, занявших все поле экрана.

Потом он рассказал вот что:

- Стоило мне назвать торсионную схему „нарядом“, и все подхватили это слово. Название просто само легло на язык. Даже на все языки. Японцы, американцы, русские, европейские астрофизики, пакистанские и китайские исследователи, - со всех сторон только и слышалось: „нарядить звездолет“. А старец Гаспар Бессон добавил: „Не хватает только белошвеек, чтобы плести кружева на звездах-коклюшках!“ Но никто не оценил его шутку. Вернее, наоборот, принялись живо обсуждать то, что сказал француз Гаспар, с точки зрения работы с торсионными моделями. И этот старый дурак весь вечер просидел в недоумении: как так вышло - подкинул повод для теоретических споров, но сам не возьмет в толк, что такое изрек? ...Айока, ты закрутила все это, теперь скажи, что делать?

- Что делать астрофизикам? Ты о чем, Баи?

- Разве я не сказал тебе, что у нас все готово для старта первого корабля? На его борту самый совершенный электронный мозг будет создавать торсионную схему метаморфирующего пространства.

Я подняла брови.

- Метаморфоз - изменение формы. Превращение чего-то во что-то совершенно другое.

Пространство метаморфирует – значит изменяется, искривляется...

– Постой-постой, вы до чего там на своей конференции договорились? Зачем пространству метаморфировать? Чем это обернется для Земли?

– Айока, звезда моя, ничем плохим не обернется! В том-то вся прелесть работы с торсионными полями! Ты работаешь так аккуратно, чтобы ни одной своей частью наряд не касался материальных объектов вселенной, чтобы весь он, какой бы замысловатой формы ни получился, лежал в межзвездном пространстве. А в космосе очень много пустоты. Можно сказать, что космос – бескрайняя пустота с редкими крохами вещества. И вот вместо того, чтобы по привычке работать с материей, мы совершили революционный переворот в науке: мы готовы работать с пустотой – сжимая ее, скручивая, сворачивая и, возможно, даже завязывая в узлы!

– Ничего не понимаю. Кто-то создает объемную схему, сидя на стуле у экрана, а в результате настоящий корабль переносится на огромные расстояния?

– В том-то вся прелесть! Гениальное – просто! Этот „кто-то“ не просто начертает наряд: он расположит и сориентирует торсионные поля на модели нужным образом, так чтобы они образовали пространственный туннель. Для настоящего космоса торсионная модель служит образцом, лекалом, по которому в пустоте начинает деформироваться пространственно-временной континуум...

– А он, континуум, раньше деформировался?

„Континуум“ – красивое слово. Я успела подумать, не вернуть ли его в текст рекламы перфоманса с моделями? Креативно получится!

– Еще как деформировался, мы наблюдаем это везде и всю свою жизнь. Каждая звезда, каждая планета деформирует пространство-время вокруг себя. Это называется – гравитация.

Баи хотел добавить, что суть гравитационного эффекта знает каждый школьник. Но вовремя передумал. И правильно: не люблю, когда он щелкает по моему носу своей ученостью. Еще на заре нашей совместной жизни Баи убедился в этом на собственной шкуре.

– И чем замечательно твое открытие?

– Межзвездные полеты! – Баи гордился собой. – Полеты на кораблях без горючего, без двигателей, вернее, с двигателями, но только для маневрирования на орбите, – а большего от новых звездолетов и не требуется! Можно бы, конечно, создавать наряд и для полетов с планеты на планету, но это опасно.

– Чем опасно?

– Х-х-х... – выдохнул Баи, подбирая слова и надеясь, что меня отвлечет неожиданный телефонный звонок и объяснять ему не придется. Тут-то смартфон и позвонил. Но я, не глядя, сбросила вызов, а телефонишко демонстративно зашвырнула в аквариум – бриллиантовые стразы на его корпусе сверкнули на лету и погасли в воде. Иногда, знаете ли, количество непоняток становится критическим и надо вникнуть в тему как следует, иначе завтра мне с моим гением просто не о чем будет говорить.

– Вы предвидите опасность. Так? – принялась уточнять я. – Опасность для корабля? Для планеты? Для Солнечной системы? Вы предвидите опасность космического масштаба, но упорно двигаете свои исследования? Это очень характерно для астрофизиков!

– Хорошо-хорошо, я тебе все объясню! Зря ты нас демонизируешь! – стал оправдываться Баи. – Чем дальше корабль в космосе, тем безопаснее работа с торсионными моделями. ...Мы уже готовы называть торсионные модели нарядами. Это твоя идея, и она замечательная. Для создания пространственного туннеля нужно очень много пустоты – парсеки пустоты, гигапарсеки пустоты. Как будто ты шьешь очень длинное платье и тебе нужно много ткани...

– Обойдись без аналогий с тканью, – раздраженно приказала я. – Я и без примитивных аналогий все понимаю. Между планетами пустого места для вашего открытия мало, а

межзвездной пустоты вам достаточно.

- Это потому, что необходимо искривить пространство с троекратной надежностью, слишком велики напряжения, словно пружину сжимаешь слишком сильно. Если наряд слабый, он не сдержит гравитационный поток. Масса нашего звездолета благодаря искривлению пространства в наряде находится так неизмеримо далеко и в ином направлении от самого корабля, что местная сила притяжения роли не играет и ты могла бы держать самый гигантский корабль, даже будь он размером с планету, на кончике ногтя. Потому что внутри наряда корабль становится невесомый, он как бы выпадает из всех характеристик пространства: он не обладает ни массой, ни инерцией. Он как бы лишается своей материальности, он - лишь образ звездолета, который мы отправили в путешествие. Наряд - это туннель, но особенный, не такой, каким его представляли. Он сворачивает, скручивает, сжимает пространство, разделяя все физические константы. И лишь на выходе из наряда все физические характеристики - эти самые константы - опять соединяются привычным образом. И звездолет снова становится массой, и для перемещения его массы снова требуется огромная энергия...

- Ладно, я разобралась, - смилостивилась я.

Но Баи не так-то просто остановить:

- Есть мнение, и его придерживаются все ученые, что путешествия от звезды к звезде мы освоим гораздо раньше. А вот на Луну и на Марс нам придется летать по-прежнему на термоядерной энергии. Слишком тесно в Солнечной системе, негде развернуться. А в межзвездном пространстве пустого места сколько угодно, и даже если белошвейка ошибется, создавая наряд, фатальных последствий не ожидается.

- А какие ожидаются?

- Эээ... корабль выпадет и окажется не внутри наряда, а снаружи: инертный, тяжелый, вещественный до безобразия. Следовательно, никуда не переместится.

- И долго он будет висеть в космосе?

- Ну, пока не исчезнет прежний наряд и эта область вселенной разгладится и вернется в прежнее состояние.

- А потом кораблю создадут новый наряд, чтобы лететь в нем?

- Звезда моя, Айока, ты все понимаешь! Как могу я расстаться с тобой?

- Что?! - перебила я своего лохматого муженька, полубезумного от моделирования метаморфоз пространства: - Ты задумал слинять к звездам?

Он отнял лицо от моей груди и пристально заглянул в глаза:

- Ты же... сама... лететь... не согласишься... ведь так?

- Я??? - Я задохнулась от неожиданности. - Вам понадобился модельер в космосе?

- И это странно, не правда ли? - ответил Баи».

Глава двенадцатая

Дорога к звездам

Анна испытывала редкое и потому особо приятное чувство прикосновения к чужому разуму, легко и непринужденно рассказывавшему о самом грандиозном открытии человечества. Сделалось чуть сладко под языком, – верный признак вовлеченности в поток информации. Белль распутывала вязь слов на пленке, потому что записи становились бледнее и местами были трудноразличимы.

«Баи мерял шагами кабинет, то и дело озираясь на меня:

– Мы пришли к выводу, что, возможно, без женщин метаморфозы не осуществить. В конце концов, кто, как не вы, тысячелетиями только и делали, что крутили тряпки. Шили, мастерили фестончики, зашпывали разные складочки – непонятно что творили. Чем дальше мы продвигаемся в моделировании и чем точнее расчеты, тем очевиднее наряд напоминает именно наряд! У пакистанцев модель туннеля к альфа Центавра получилась похожей на изящный ажурный чулок, бедняги испытали чувство неловкости, когда демонстрировали свои результаты. Дело кончилось тем, что им не поверили, отдел закрыли, да еще ребятам пришлось бежать от радикалов-исламистов. У британцев торсионные схемы очень странно свернулись, наподобие столовой салфетки, обернутой вокруг обруча. Русские подсказали им, что так в древности завязывались некие платки „убрусы“. ...Айока, мы потерялись среди бесконечного разнообразия форм, в которые складываются торсионные поля! Классификация невозможна! Схемы не повторяются, они все время разные для разных участков космоса. Они разные даже для одного участка вселенной, если менять направление движения. Они иные в каждую минуту времени. И это в теории. На практике, при пилотировании корабля, мы ждем еще большее разнообразие вариантов. А это обнуляет работу всех теоретиков. Обнуляет, обнуляет!

Баи любил это слово. Оно так часто звучало из его уст, что я назвала одну из последних модных коллекций „Умножение на ноль“ и отхватила за нее круглую сумму с количеством нулей за цифрой, полностью удовлетворившим мои амбиции.

Баи же боялся обнуления результатов – это был его личный кошмар, и потому он не унимался:

– Вы, женщины, наделены интуицией, вы каким-то шестым чувством умеете складывать и соединять несоединимое, да еще делать это гармонично. У вас своя логика, абсурдная с астрофизической точки зрения, но она есть, несомненно! Как только я впервые произнес слово „наряд“ применительно к тому, что удалось смоделировать на звездных картах, – все встало на свои места. И в головах у астрофизиков наступила ясность:

пространственные туннели нужно именно плести, механически, как плетут кружева или салфетки, ориентируясь на звезды, планетные системы, туманности – используя их, как кружевница использует коклюшки и следуя законам... ф-ф-ф... Кто его знает, каким законам надо следовать? Возможно, законам красоты, соразмерности? Но по этой части мы бессильны!

– И вам понадобились женщины для продолжения исследований? Сколько женщин? Какого возраста, цвета кожи, образования?

Баи проигнорировал иронию в моих словах.

Впрочем, он вообще не склонен замечать иронию, его всегда интересовал лишь смысл сказанного. Он серьезно ответил:

– Возраст, диплом, цвет кожи и радужки глаз не имеют значения. По крайней мере, сейчас. И нужна всего одна женщина – такая умная, как ты. Но не для экспериментов на Земле. Она должна переместить корабль к Сириусу. Я говорил тебе, что корабль, генерирующий наряд, готов. Дело за малым: найти повелителей торсионных полей. На конгрессе единодушно решили, что для экспедиции достаточно одной белошвейки и профессионального пилота с опытом полетов на межпланетных маршрутах.

Ха, Баи никогда не рассказывал мне о звездолете, готовом перемещаться в

пространственном туннеле. Впрочем, с него станется, он часто так поступает: он уверен, что я читаю его мысли и знаю его работу во всех деталях.

Некоторое время мы молчали.

Баи вцепился в меня, и я чувствовала, как по пальцам его бродят токи: „Не соглашайся! Не соглашайся! Не соглашайся!“

И я, конечно, возмутилась такому предложению.

Теперь пришла моя очередь снова между столами, экранами и диваном, часто любившим нас обоих:

- Никуда я не полечу! Это исключено! Конечно, замечательно – оставить след в науке. Но через месяц „Айока-сан“ проводит „Весенний подиум“, и показ новой коллекции будет поважнее, чем твоя конференция. А еще я расширю мастерские и перевожу их в цеха производства „Хиони“, я выкупила у этой фирмы ее промышленные площади. Потом, у меня девочки: школа модельеров и дизайнеров приняла новый состав...

„А вот это я вовремя вспомнила!“

Пять девчонок, все как на подбор видные, амбициозные, свободные, готовые менять свою жизнь и, главное, умелые мастерицы. Я собираю их по всему миру, чтобы оставить на фирме только прошедших отличную практическую подготовку. Мне не нужны высокомерные позерки, способные лишь черкать в блокнотах глупые рисунки глупых одеяний. Я готовлю будущих генералов исключительно из солдат, чтобы оградить свое дело от случайных людей. Все мои девочки – универсалы. Они досконально знают швейное производство, а кто не знает, потому что специализировался на синтетиках типа меха, перьев, кожи, на фурнитуре и кружевах, – таких я сначала отправляю в раскройные залы, затем сажу в цеха, за швейные машины. Зато после, когда я прихожу к решению обновить команду модельеров, а делаю я это часто, мои сотрудницы из агентства высокой моды остаются благодарны мне: их не выставляют на улицу, им предлагают ведущие посты на производстве.

Я сказала:

- Баи, я обещаю найти вашему звездолету первую белошвейку. Тебя это устроит?

Баи расцвел:

- Айока! Впервые за этот месяц я вздохнул свободно... Мне почему-то не пришло в голову, что тебя можно заменить... В смысле, отправить в полет другую девушку, которую ты подготовишь. Ведь ты подготовишь ее к эксперименту? Мы не должны рисковать. В полет вложены огромные средства, это же мечта человечества – перемещаться со сверхсветовой скоростью, с практически неограниченной скоростью, увидеть далекие звезды...

Он уже сидел за компьютером, вдохновенный и неменяемый. Его проблема решилась. Дальше предстояло действовать мне.

И белошвейка нашлась.

Не сразу, и не скоро, но у меня было время на ее поиски, и я знала, кого искать. Девушка должна быть с воображением, отличная мастерица, умна, хоть ее образование пока не имело значения. Она должна смело браться за новое дело и быть авантюристкой: другая просто не согласится рисковать своей жизнью во имя высокой цели. Белошвейка должна быть еще и терпеливой труженицей. А найти сочетание противоположностей: авантурной смелости и привычек рабочей пчелы – это сложнее всего. Баи согласился с моими рассуждениями. Правда, он рассматривал характер будущей белошвейки с других позиций. „Уравновешенная девушка способна сосредоточенно работать над торсионной моделью. Думаю, для нее одной работы будет даже слишком много, ей понадобится все упорство и терпение, на которое она способна. А отправлять команду белошвейек, или рисковать большим экипажем из гениальных ученых, способных худо-бедно состряпать наряд, было бы неправильным, – под

программу и так выделили очень скудный бюджет“.

Девушку, согласившуюся лететь, звали Улада.

Полное имя на языке ее маленькой славянской страны звучало как Уладзислава – и на слух длинно струилось, как вода, гонимая быстрым течением. Сокращенная форма имени – Улада – звучало звонко, с холодным оттенком и, что тоже показалось мне символичным, это имя переводилось как „власть“. Мы нашли все варианты имени и благозвучными, и значительными. О полетах Уладе не говорили до тех пор, пока я лично не подобрала ей пилота. Я оставила с носом всех психологов Центра космических исследований; я обратилась к профессиональной гадалке – свахе с хорошей репутацией. Для верности воспользовалась еще и услугами старого монаха из провинции Цинхай, у них там до сих пор практикуют гадание боинхэ, я нахожу его очень прозорливым. Я передала гадалкам данные пилота, которого присмотрела сама, и сведения о моей белошвейке – самые обычные сведения, как будто молодые люди собрались строить семью. Результат гаданий меня устроил. И только потом я обратилась к профессиональным психологам Центра. Те выделили еще пару вариантов удачной психологической совместимости, но я настояла на своем кандидате. Я заявила, что пилотом будет не кто иной, как сын русской матери, немец по отцу, Эдуард Гессен. Потом я устроила знакомство пилота и белошвейки в неформальной обстановке. И лишь после этого моя воспитанница получила официальное назначение лететь к Сириусу в компании Гессена, высокого атлета с римским профилем и красивой дельтой спины. К тому времени я была уверена в мастерстве моей избранницы: Улада оказалась девушкой с гибким умом, воображением и невероятной, просто фантастической интуицией. Внутри проекции космоса она без расчетов и приборов обнаруживала то, что мой супруг называл „узлы гравитационных напряжений“, и начинала создавать основу, ориентируя торсионные поля вдоль избранных направлений. Работала она вдохновенно, а это было едва ли не самое важное в ее ремесле. Дальше процесс частично запускался сам: торсионные поля выявляли новые прогибы, ткань пространства мялась, сворачивалась или скручивалась, обрастая светящимися петлями. Баи говорил, что петли „кружев“ – на самом деле выходы излишков энергии деформированных гравитационных полей. Он пытался подвести научную базу под действия Улады, но наша белошвейка объясняла свое чутье исключительно вдохновением. Да, так и говорила. Источником этого „магнификат“ она считала сами торсионы.

„Возможно, я пишу музыку сфер, – однажды сказала Улада, – вот только музыка слышна мне одной, а вы видите только шестимерную нотную запись“.

„Обязательно ли называть наряды?“ – спрашивали мы, потому что первая белошвейка присваивала каждому пространственному туннелю новое название.

„Я чувствую – наряд нужно называть. Им это нравится“, – ответила она.

На просьбу пояснить, кому именно это нравится, девушка ничего не добавила. Впрочем, я заметила в тот момент приближавшегося Эда Гессена, пилота звездолета. Возможно, Уладе просто не хотелось отвечать на вопросы.

Ей доверили назвать корабль, стартующий к Сириусу.

– „Игла!“ – сказала белошвейка, когда ей показали звездолет, собранный в космосе. Он был тонкий, длинный, с гладким корпусом, не испорченным разными выступающими штуками вроде телескопов, солнечных батарей и прочего.

Вскоре „Игла-1“ стартовала, ведомая Эдуардом Гессеном.

„Игла-1“ отключила двигатели в двадцати миллионах километров от Земли. На связь выходил только пилот. Девушка работала в звездной сфере, и он волновался за ее состояние, потому что Улада не останавливалась ни на минуту, не реагировала на его просьбы отдохнуть и подкрепиться и оставляла без внимания мольбу прекратить

изнурительное занятие.

Белошвейка пребывала в странном вдохновенном трансе двое суток. Гессен намеревался прервать эксперимент, чтобы сохранить жизнь своей белошвейке. Тем временем сфера – голографическая проекция космоса нашего рукава Млечного Пути – стала пульсировать: внутри нее вспыхивало и гасло непонятное свечение. Центр управления удержал Гессена от попытки остановить работу белошвейки, доказывая, что природа гравитационных возмущений до конца неясна и Гессен рискует погубить или звездолет, или даже Землю – слишком близко от планеты создается наряд для „Иглы-1“. А то, что он создается, было уже очевидно. Сигналы с „Иглы-1“ приходили с искажениями, и характер искажений позволял воспроизвести форму наряда – будущего пространственного туннеля.

Последняя видеосвязь принесла изображение взвинченного до предела Гессена. Он до сих пор пассивно наблюдал работу белошвейки и считал, что эксперимент погубит девушку. Сфера, по его словам, перестала пульсировать и начала светиться изнутри. Затем за его спиной беззвучно, как в замедленной съемке, сфера полыхнула ослепительной вспышкой, и связь прервалась.

Всех на Земле охватила скорбь.

Эксперимент провален, корабль бесследно исчез. Радиотелескопы фиксировали лишь следы гравитационных возмущений – остатки наряда.

Человечество готовилось расстаться с мечтой о полетах к звездам.

Через девятнадцать суток „Игла-1“ возникла за орбитой Марса и вышла на связь с марсианской радиостанцией. На Земле не сразу поверили, что „Игла-1“ уходила в межзвездное пространство и вернулась в Солнечную систему – все решили, что первый наряд перенес корабль в пояс астероидов. Но даже этот скромный результат вдохновлял на продолжение исследований.

Тем временем Гессен запросил помощи.

„Игле-1“ не хватало собственного ресурса, чтобы дотянуть до земной орбиты. Улада была готова обеспечить перемещение корабля к Земле, но Эдуард категорически запретил ей входить в звездную проекцию.

Он с трудом пережил бесконечно долгий первый рабочий сеанс, когда девушка готовилась отправлять корабль к Сириусу. Ее работа длилась двое суток подряд, затем девушка превратилась в огненный шар и – молниеносный прыжок в пространстве, оставшийся за пределами всех чувств и ощущений. Когда Эдуард Гессен оправился от ужаса, он понял, что все живы, системы „Иглы-1“ в полном порядке, изменилось лишь местоположение звездолета: корабль находился у двойной звезды Сириус.

Предстояло повторить эксперимент, чтобы вернуться обратно с расстояния в девять световых лет. Но Эдуард настаивал на том, что белошвейка должна как следует отдохнуть. Возможно, им обоим просто не хотелось никуда торопиться. Они исследовали систему Сириуса, обнаружили перспективную планету на шестой орбите и лишь после этого решились на обратный гиперпрыжок. Улада возражала против такого названия. Гиперпрыжок, в ее понимании, был неподходящим словом для обозначения перемещения корабля. На самом деле, утверждала Первая белошвейка, в своей сфере она наблюдает винтообразное проскальзывание звездолета в другую часть космоса. Это как движение пули в ружейном стволе, вот только ствол ружья намного короче пули и одновременно в нем хватало места для разгона и полета. Улада пыталась объяснить, что они попали по назначению, как если бы ввинтились внутрь самих себя. И это явление не похоже на прыжок, тем более на гиперпрыжок. Это скорее выворачивание наизнанку: словно система другой звезды была подтянута так близко к Солнечной системе, что мгновенного прокола в точке А стало достаточно, чтобы выпасть в открытый космос в точке В.

Так первая белошвейка открыла человечеству дорогу в большой космос.

Опыт экипажа „Иглы-1“ и данные, собранные Гессеном, подстегнули космическую программу.

Первый межпространственник был в отличном состоянии, Улада и Эд сделали еще три прорыва: в сектор Лебеда, затем к Эридану и Спике. На вершине популярности Улада поставила условие: пусть названия будущих космических кораблей почерпнут из ее родного языка. Она хотела увековечить память о родине, культуре которой грозила перспектива постепенно раствориться в глобальной мировой культуре. Интерес к личности Первой белошвейки был всеобщим, на какое-то время потеснив даже славу мировых див, и предложение белль приняли с энтузиазмом. Вскоре человечеству, вырвавшемуся за пределы Солнечной системы, понадобится много межпространственников, и в выборе названий для кораблей не станут ограничиваться ничем. Помнится, я удачно прочувствовала этот момент и выпустила серию моделей из мягкого струящегося твида, назвав ее „Лагода“ („Безмятежность“), и поданная вовремя „Лагода“ не только произвела фурор, но и стала маркой модного бренда.

Третьему путешествию Улады на Эридан я посвятила коллекцию „Сусвет“ и прекрасно помню, как долго не затухали разговоры не только вокруг умопомрачительно-звездного шелка моих платьев, но и вокруг слова „сусвет“ (что переводилось как „вселенная“).

Санскритологи объявили, что это слово древнее нашей цивилизации, приписав его возникновение чуть ли не сензарскому, и весь этот лингвистический ажиотаж тоже лил воду на мою мельницу моды».

Анна с трудом оторвалась от чтения, и только потому, что дневниковые записи оборвались: в этом месте пленка была слегка подпорчена, приходилось не столько читать, сколько угадывать написанное. Но от прочитанного у Анны дух захватывало.

Анна развернула пленку на длину руки – убедиться, что записи сохранились. Увы, дневник оказался коротким. Дальше шел пробел, затем пленка испещрена более свежими записями, сделанными другим почерком с колкими хвостами букв. Белль поспешно свернула записи, чтобы яркий дневной свет их не повредил, и, оставив небольшой кусок, принялась дочитывать последние строчки, написанные госпожой Айкокой.

«Первая белошвейка указала на качества, необходимые девушкам, которые согласятся прокладывать дорогу к звездам. Она оставляла дневники и подробные наблюдения. Девчонка оказалась толковая и неумолимая, и я до сих пор хвалю себя, что выбрала именно ее. Пожалуй, если я войду в историю, то лишь благодаря Первой белошвейке.

Во время четвертого прыжка в сектор Спике погиб Эдуард – ему пришлось выйти в открытый космос в скафандре, где его настигло жесткое излучение. Он умер на руках белль, и я лучше, чем кто-то другой на планете, понимала, в каком состоянии вернулась Первая белошвейка.

Улада доставила дорогое ей тело к Земле, а вместе с тем новые бесценные данные из сектора Спике.

Под вопросом стояла миссия Первой белошвейки: сможет ли она работать дальше, ведь облучение должно было сказаться и на ее здоровье? Но она настаивала на следующем путешествии, ее „Игла-1“ находилась в тот момент на околоземной орбите. Получив отказ Центра, белошвейка совершила невероятное. Она угнала „Иглу-1“. Предполагали, именно тогда Улада впервые создала „малый“ наряд для перемещений в пределах Солнечной системы, чтобы иметь время для подготовки к большому прыжку. Она перевела корабль с околоземной орбиты дальше от планеты – насколько хватило ресурса корабельных систем, а потом звездолет исчез. Через семь дней за орбитой облака Оорта обнаружили остатки гравитационных искажений на месте старта, возможно, ставшего

последним в жизни сероглазой девушки с длинной косой.

После этого белошвейку и ее „Иглу-1“ не видел никто.

Девушкам, готовившим себя к этой профессии, я отдала распоряжение отращивать косы в память о лучшей моей ученице. Пройдет время, и жизнь снова докажет правоту моего решения: торсионы работают лишь с длинноволосыми повелительницами.

А еще через несколько лет ажиотаж вокруг белошвеек стал сходить на нет, и неожиданно, как по мановению чьей-то руки, прекратился.

Нет, прыжки к звездам продолжались.

Мой муж принимал участие в разработке новых маршрутов, а я искала будущих белошвеек, способных на незаметную кропотливую работу, и все чаще находила их среди девушек, занятых в производстве одежды. Чему удивляться – любая профессия собирает людей с определенным набором качеств.

Человечество тем временем занялось терраформированием Сириуса-6, затем обживало мир Фомальгаута. Я застала время, когда был открыт чарующий Ило Семилунный, и оплакала ушедшего из жизни Баи в то время, когда обнаружили холодный, девственно-чистый и свежий континент на планете Флай. Но к тому времени ажиотаж вокруг полетов в дальний космос сошел на нет, о белошвейках перестали говорить. Их имена не упоминали в новостях, и я чувствовала, как меняется отношение к моим девочкам с восторженного на пренебрежительное и даже надменное. Ими пытались повелевать, как командуют армией, в руках которой сосредоточена огромная разрушительная мощь. Не такой судьбы заслуживали мои ученицы. Тогда я составила и утвердила Кодекс юных белошвеек, Кодекс наставниц белошвеек и все свое огромное состояние потратила на то, чтобы создать закрытый орден девушек под защитой традиции. Традиция и особые установления навсегда отделили их от остального общества, зато за белошвейками сохранялась определенная степень свободы. Только так мои девушки могли чувствовать себя личностью, а не инструментом космических перемещений. Я убедила людей, наделенных властью, что, обеспечивая белошвеек нарядами, украшениями и всем необходимым для лоска, они навсегда избавят человечество от перспективы однажды...»

Письмо оборвалось.

Анна испытала досаду.

На самом интересном месте пленка разрезана и склеена заново. Кто-то не хотел, чтобы выводы мадам Айоки стали известны. Почему-то они, эти выводы, были важны настолько, что их удалили с копии документа полуторавековой давности. А ведь время делает неважными старые тайны. Значит, эта тайна по-прежнему актуальна?

Что хотела сказать в своем напутствии Госпожа с Земли, воспитательница первых белошвеек?

Анна в задумчивости перемотала белое, ничем не заполненное поле пленки; потом бегло просмотрела хозяйственные пометки, сделанные разными почерками: на этой части пленки оставляли пометки все, кому не лень. Она прочла записку, показавшуюся ей любопытной (надо спросить Тимоха Рея – какое здешнее дерево называется селлозия?) Человек писал, что из надреза на стволе этого дерева нацедили молоко, похожее на кокосовое, приятное на вкус и питательное. Записи, судя по датам, шли в обратном порядке. Ей даже пришлось перевернуть свиток, чтобы читать их, – эту часть пленки наспех подклеивали к дневнику госпожи Айоки, и подклеили неправильно – верх к низу.

Белль обнаружила еще один рисунок бункера. Схема сделана от руки, зато четкая, совсем не выцветшая, и понятная – на ней были только емкости для воды, находившиеся во внутреннем помещении, где они провели ночь, и краткие записи. Пометки делали бегло, раз в сутки, и все время – по утрам. И они принадлежали людям четвертой

разведывательной экспедиции.

Тимох успел ей рассказать, что первый экипаж, опустившийся на Ило Семилунный, погиб в полном составе.

Ровно через сутки вторая команда обнаружила следы их миссии, запеленговав пустую разведывательную капсулу, заросшую колючим терном и лианами. Удивленные разведчики обнаружили в палатке с эмблемой «Відавочца» на месте своих товарищей точные их копии, словно сплетенные из густо перевитых корней. Странная смерть застала людей во сне, тончайшие корни имитировали даже рельефы прикрытых веками глаз и складки одежды. Все звездолетчики лежали на спине, расслабленные и умиротворенные. Загадочные местные растения уже начали разрастаться, разрушая занятую форму. Это был кошмар наяву: из руки капитана корабля, Жака Аарона, тянулся пучок зеленых облиственных стеблей. В середине грудной клетки навигатора Ингвара Торвальдсена выросло юное деревце, поражающее мощью свилеватого ствола.

Опоздай второй экипаж еще на сутки, от их товарищей не осталось бы и следа. Но первая трагедия кое-чему научила исследователей, и они не рискнули провести ночь на очаровательной планете, тем более вне корабля. Пока не подтянулись отряды службы терраформирования и не были сооружены первые бункеры, люди изучали Ило Семилунный с космической орбиты.

Так рассказал Тимох.

Он хорошо рассказывал.

У него низкий бархатный голос с ровными интонациями, и Мрия несправедлива к нему: пилот не картавит, он чуть раскатывает «р», но от этого его речь приобретает весомость и совсем не похожа на легкомысленную болботню голубей с Земли, родины белошвеек.

Анна подумала, что сегодня Тимох должен вернуться.

Пусть бы он вернулся скорее и с хорошими новостями. Ей хотелось снова видеть его. Единственное, что смущало: рядом с ним она теряла уверенность в себе и ее прежние планы отступали и казались неважными. Она решила – это потому, что все белль слишком много времени проводят в одиночестве. Ей нужно помнить о других людях, как это умеет Мрия. Мрия не замыкалась в своем челноке, она всегда была такая... популярная. Мрия любит игру в мяч и любит зрелища. И поступление в университет – идею Анны – она поддержала сразу. Правда, сейчас Мрия об этом не вспоминает. Первая белль нашла своего Ветера, а потом появилась малышка Надья, и Мрия счастлива – Анна видит, как она счастлива.

Вторая белошвейка окинула взглядом безмятежно-яркое небо Ило.

У нее есть еще полчаса на одиночество, потом она вернется на базу.

Анна стала просматривать бытовые записки и скоро не пожалела о том, что потратила время, разбирая следы гелиевой ручки, оставленные разными людьми и порой похожие на каракули.

«Пробили скважину и достигли уровня грунтовых вод. Пошла сильно минерализованная вода. Решили не устанавливать опреснители, будем, как раньше, пить воду из местного ручья, она отличного качества. Минералкой заполнили цистерну. Исследование покажет, как можно ее использовать».

«Очищаем периметр бункера от растений, выжигая санитарную полосу вдоль стен».

«Утром наше убежище оставалось чистым. Главное правило: не заносить землю и растения внутрь».

«Сегодня с трудом выбрались наружу: внешний периметр покрылся белесой плесенью, похожей на грибницу, густо прорастающую грибами. Не только пол, но и стены до уровня пояса - все покрыто мерзкой слизью, лишь на вид кажущейся крепкой, но расползающейся под пальцами, как желе. У Вилли повреждена левая ладонь. Выходя, он дотронулся до дверного проема, и этого было достаточно, чтобы получить болезненные ожоги. Вилли сердится. Мы стали смывать плесень минеральной водой, расчищая дорогу к внешней двери. Оказывается, плесень гибнет от этого раствора. Бункер отмыт. На общем совете решили закачать в емкости минеральный раствор, гидролизом повысить концентрацию солей и использовать для дезинфекции базы. Вечером на всякий случай смочили помещения первого уровня минеральной водой из скважины».

«Утро. Бункер чист. Плесень оказалась не плесень, а местный гриб, но он не стал занимать нашу территорию. Сушим и проветриваем бункер: в помещениях повышенная влажность, накануне мы щедро полили бетонный пол здешней минеральной водой. Но теперь можем не бояться за наши жизни, по крайней мере в пределах этих стен».

Глава тринадцатая

Лесоруб

Асус, пилот лесовоза класса «земля-орбита», бросил третью попытку отыскать свои ключи. В досаде наступил на валявшуюся тисовую ветку, и ветка дала себя сломать, но при этом, изогнувшись, до крови поцарапала ногу пилота. Асус крикнул:

- Кто-нибудь видел ключи от «Дюка»? Ну и дерьмо!

Из-за диска лесовоза выбежала девушка.

- Кто? Что? Что случилось? – пискнула она.

Она была небольшого роста, только начала карьеру флорлингвиста и понимала свои обязанности буквально, то есть старалась находиться везде и сразу. Ее профессия требовала быть в курсе всего, что произносится на базе дровосеков, и потому неофициально называлась «ухо». В случае с юной Оази бригада лесорубов называла ее не иначе как «наши Ушки».

- Наши Ушки тут как тут! – прогудел в бороду бригадир Аристарх. – Молодец, девчонка, далеко пойдешь!

Пилот Асус буркнул:

- Лучше бы вас укомплектовали дополнительными глазами!

Он озирался вокруг себя, сердясь все больше и уже не пытаясь скрыть досаду.

- Потерял чего? – невозмутимо поинтересовался Аристарх.

Аристарх – локал, причем потомственный и чистопробный: его предки заселяли Ило Семилунный, и с той поры в его родословное древо ни разу не вплеталась инопланетная ветвь. Похоже, мужчины из рода Аристарха никогда не увлекались красотками с кораблей Звездного флота, а женщин не волновали мужественные пилоты, или пронирливые торговцы, или вальяжные туристы. Среди лесорубов Аристарх пользовался большим авторитетом не только за чистоту иланской крови, обеспечившей ему безошибочное понимание леса, но больше – за умение отстаивать интересы бригады. А еще про Аристарха ходила легенда, что он один из немногих за сто двадцать лет колонизации Ило, кто провел ночь в лесу. И не просто остался в живых, а сумел договориться с деревом, и дерево всю ночь охраняло его от флорников.

Оази так очевидно преклонялась перед бригадиром лесорубов, что едва ли не приседала перед ним в поклоне. Втайне она рассчитывала на покровительство Аристарха перед местной флорой, если она, чего доброго, однажды даст маху в профессиональном плане. Работа Оази была непростой: ее учили договариваться с лесом. Нужно предупреждать джунгли, что их собираются расчистить, а деревья увезти с планеты, и Оази должна растолковать лесу, что в этом нет ничего личного, только функциональная необходимость.

- Кто-нибудь видел мои ключи? – спросил вконец расстроенный пилот лесовоза.

Аристарх отозвался:

- Птица шу случайно не вертелась рядом?

- Это которая с иссиня-черным оперением и ярким зобом?

- Который, – пророкотал лесоруб. – Это самец шу.

- Да, ходил один под «Дюком» туда и сюда, когда я шел к машине. Высматривал да поклевывал свое в траве. Я еще подумал: «Занятная птичка!»

- Вот он и снес твои ключи. А если подумаешь хорошенько, то и еще что-то, что могло валяться под «Дюком». Блестящего ничего не терял?

- Вроде нет.

Пилот хлопнул себя по груди, потом по карманам брюк:

- Эхма! Вспомнил: пропало крыло!

- Крыло? - удивилась Оази.

- У меня на шевроне, на эмблеме, серебряное крыло расшаталось и держалось на честном слове. Хотел вчера прикрепить его клеем, лишь бы не отвалилось, пока не обменяю старый шеврон на новый, но не нашел клей. Потом забыл. А сейчас крыла нет.

- Точно проделки шу! Самец склевал болтавшуюся цацку. А нечего бросать униформу. И он же украл твои ключи. А под диском разгуливал, потому что вернулся за потерей. Видно, пытался снести и блестку, и ключи за раз, но выронил блестку из клюва. Пришлось ему возвращаться.

Пилот разразился ругательствами. В лесовоз ему теперь не войти, разве что связаться с головной базой на орбите и ждать, когда придет чужой диск, а с ним запасные отмычки. Рабочий вылет ему не засчитают, и все из-за какой-то пронырливой местной птицы.

Аристарх выждал немного, но волнение Асуса достигло критической точки.

Аристарх сказал:

- В какую сторону улетала птичка, не заметил? А Ушки тоже ничего не видели? Ну, нет так нет. Придется связаться с наблюдателем... Йло, йло! - бригадир сел за кубо-кубо, установленный на широком свежем пне, - йло, меня слышно? Привет, дружище, можешь помочь работягам? Тут парень проворонил свои... ну неважно, что упустил, важно, что надо это вернуть, пока разбойник шу еще летает где-то рядом.

- Не сомневайтесь, - ответил ему дежурный в столице, - если шу нащупал слабинку, он будет вертеться вокруг вас, пока не убедится, что вы попрытали все, что мельче экскаватора и привлекательнее кучки дерьма.

- Но не прочесывать же нам джунгли по всей округе? Нам бы подсказу с вашего монитора: где негодник раскладывает свежие находки?

- Какая метка на пропавшем предмете? - спросил дежурный.

Аристарх поманил пилота лесовоза:

- Асус, что на ключах - чип или маяк?

- Чип! - буркнул пилот диска. За ним стояла, вытянувшись в струнку, сострадавшая и подслушивающая, Оази.

Аристарх повел глазами в ее сторону, буркнул:

- Проверь, не вернулся ли шу. А то недосчитаешься всех пуговиц на форменном мундирчике!

Оази как ветром сдуло. Она носилась по базе, осматривая ветви ближайших деревьев и стараясь определить, что из вещей плохо лежит и может стать следующей добычей шу.

- Чип не вижу, - отчитался дежурный наблюдатель. - Но у нас со вчерашнего дня мелькал след неопознанного маяка, видимо, устаревшего - в базе данных такого нет. Бывает, чип определяется как что-то другое. Так может, это и была ваша цацка.

- Вчера засекли сигнал? - переспросил Аристарх. Он подумал отказаться от наводки на ненужный маяк, пропавший еще вчера, но увидел, что Асус ему отчаянно жестикулирует. Аристарх сказал дежурному наблюдателю:

- Наведи нас на эту штуку, если недалеко.

- С чего бы я стал докладывать вам о сигналах по всему периметру? Вы все равно не

полезете в джунгли на противоположной стороне Вечная: добраться не успеете. А этот неопознанный сигнал дергался как раз в вашем секторе и сейчас замер недалеко от просеки. Видимо, шу переложил свое сокровище; он с вечера носился с ним, потом даже потащил в горы, и лишь сегодня оставил в лесу.

Пилот Асус признался, что с вечера не проверял ключи. А смысл их проверять? На делянке работают всего четыре лесоруба да Ушки. Кому могли понадобиться его ключи? Чтобы поднять в воздух грузовой диск, ключей недостаточно, но вот беда, без ключей тоже в лесовоз не попасть! Ну да, виноват, ну не доглядел. Так он вообще родом с транспортника «Ланцуг», он и подумать не мог, что здесь заправляет птичья мафия!

- Здесь кто только не заправляет! - изрек Аристарх. - Днем надо присматривать за самцами шу с ярко-оранжевым галстуком на шее и синим подкладом черных крыльев. Особенно активны они в брачный период, и сейчас как раз такое время. Еще здесь могут доставить неприятности полосатые шустрые белки, а у этих белок не какой-то там клюв, а две лапки с цепкими пальцами, и ловкачи они еще те - могут шмыгнуть в любую щель.

- Приборы пальцами включают? - насторожился Асус, думая о лесовозе, который оставлял открытым во время погрузки.

- Пока не замечали, - хмыкнул Аристарх. - Но соображают белки неплохо. Они крадут еду. Налетают стаями перед самым наступлением ночи и подчищают все, что найдут. Мы им не мешаем, бывает, даже ссыпаем часть сухариков - ешьте. Белки ведь не со зла колобродят. Если набежали - значит, их кто-то спугнул, например, куница, и они не успели подкрепиться на ночь. Здесь, сам знаешь, у зверья принято набивать брюхо к ночи.

- Да уж. А ночью еще похлеще - флорники учиняют резню и беспредел...

- Как вы можете говорить такое! - возмутилась Оази-Ушки. - Наши растения - прекрасные создания, мудрые и жертвенные! Они дарят себя человечеству!

Оази повела рукой вокруг, показывая на внушительные связки огромных бревен, заготовленных лесорубами.

«Ну, ну, заговаривай зубы деревьям, - про себя подумал пилот, - это твоя профессия! Слишком вы носитесь со своими флорниками, а они не прочь разжевать любого из вас, только попадитесь им ночью!»

Асус пытался было назвать эту нелепую девчонку Совой - за круглые с желтым отблеском очки, которые она не снимала, но один из вальщиков леса решительно остановил пилота:

- Ее зовут Оази, и еще можно - Ушки. На эту кличку она не обидится, проверено.

Аристарх уже поджидал пилота, стоя с рюкзаком на плече. Кивком позвал за собой и ушел в заросли. Асус заторопился, ступая след в след за Аристархом.

- Думайте позитивно! Растворяйтесь в природе! - пропищала ему в спину Оази.

«Да шла бы ты... лесом!» - мысленно ответил Асус.

Через сотню метров в зарослях эпофитов пилота стошнило.

- Парень, надень шлем из полисона, - посоветовал ему Аристарх, вглядываясь в лицо пилота.

Асус проигнорировал совет. Его мучило, духота сделалась нестерпимой, растения источали запахи; волны ароматов, перебивая друг друга, так и текли в нос. А в шлеме будет еще невыносимее...

«Фигов лес! Какого звездца оставлять джунгли под боком у города? Почему не

прочесать эти заросли хорошенько, проредить, сделать просеки и нормальные дороги? А еще лучше землю вокруг города закатать в полисон, чтобы не зарастала. Где еще такое может быть – чтоб птицы обворовывали людей, а космофлотский парень шел за своим добром, заплетаясь ногами в гребаной траве по самые яйц...»

Он опять упал. В который раз за эту сотню метров.

«Да тут нереально пройти! – взвинулся пилот. – Да я лишь к концу смены принесу ключи!»

Его снова стошнило, на этот раз зеленой пеной.

Аристарх в досаде выплюнул жвачку и нахмурился.

Решительно развернулся к просеке и, подтолкнув пилота перед собой, молча зашагал прочь из леса.

Вопли Асуса – мол, он в полном порядке – Аристарха не тронули.

На базе локал переглянулся со своими ребятами, и Асус догадался: они соображали что-то насчет него, космофлотского.

Аристарх подозвал Оази:

– Ушки, кроме тебя больше идти некому. Парни заняты, а пилота лес не впускает. Ты как?

– Я – могу! Я – да, с радостью! – засуетилась Оази. – Я ходила в лес много раз! Сейчас, только переобуюсь!

– Давай! – поторопил ее бригадир.

Проворная, как белка, Оази тут же скрылась в диске – пристанище работяг и вернулась в высоких парусиновых ботинках.

Аристарху не слишком нравилась перспектива вести в джунгли девчонку, да еще такую мелкую, как Оази, но, с другой стороны, инструкция запрещает поодиночке удаляться в заросли. А найти ключи вызвездка Асуса необходимо. С вызвездками вечные проблемы.

Когда были благополучно пройдены километры лесом и Аристарх, к своему удовольствию, отметил, что джунгли не замечают Оази, как не замечают и его, пришло время снова воспользоваться наводкой. Аристарх по наручному связался с диспетчером.

Дежурный наблюдатель поколдовал над голографической панелью:

– Ну вот. Ваши индивидуальные маяки совместились с неопознанной меткой, которая вчера носилась по лесу туда и сюда. Можете начинать поиск, – посоветовал он.

Совместились на карте в Вечномае – это одно. А на самом деле лесорубу и девчонке надо найти небольшую поляну в зарослях, а на поляне – снесенную птицей мелочевку, и все это – на площади в полгектара. А если фатально не повезет – то бестия шу вернется проверить свои сокровища и выхватит цапку у них из-под носа. И скорее всего, шу будет спасать самую свежую находку: ключи Асуса. Но уж тогда пусть пилот сам отдувается перед своей командой.

– Начинаем. Ищи поляну, востроглазая, – приказал лесоруб Оази. – Ты хоть раз видела поляны шу?

– Да! – подпрыгнула молодой специалист, стараясь оправдать доверие. – Нам показывали брачные полянки шу на моделях леса и на опытных участках, а однажды мы нашли такую поляну сами. Вы не представляете, чего только на ней не было! На кустах висели соски и погремущки, в траве лежала цветная фольга от шоколадок, ключи, кольцо, бубенчик со сбруи карусельного пони и – вы не поверите – ой!

– Ну говори, не темни! – прогудел Аристарх, раздвигая ширму мха, вернее, лишайника уснею, перегородившего ему путь. Уж он-то видел не одну поляну с сокровищами пернатых злодеев.

- Там лежали дорогушие, все в фомальгаутских стразах, трусики для стриптиза!

Аристарх хмыкнул:

- И как ты их углядела? - Действительно, какими могли показаться сияющие стразы тотально слепой девчонке в очках с ЭОПом?

- Они... они... пищали и пиликали покруче мелких древоточцев! Наши студенты назвали их фомальгаутскими стразами, и они сияют, переливаясь всеми цветами спектра - волшебно красиво! Так говорят!

Лесоруб украдкой вздохнул.

Вслух отозвался весело:

- А у нас, Ушки, находка покруче. Здесь валяется сам стриптизер.

- Как это? - не поняла Оази, еще не разглядев лежащего человека, которого Аристарх заслонял широкой спиной.

- Бедняга, чуть весь не зазеленел. Доставай аптечку, да поскорей. Надо сбить ему температуру - он горячий, как пирог, вынутый из хлебопечи. Не знаю, выживет ли парень. Совсем плох.

- Ой! - охнула Оази, рассматривая незнакомца, пока Аристрах переворачивал пострадавшего и срезал на нем брючины выше коленей. Нужно было срочно обработать ноги; мох покрыл ступни человека и перекинулся на голени. У несчастного явно не оказалось с собой нужных лекарств, и он спасался старым флорпептином, каким уже лет пятьдесят никто не пользуется. Пустой баллончик из-под флорпептина валялся рядом.

- Что, мелкая, боишься, что я от его штанов оставлю трусики для стриптиза? Не бойся, оставим ему вполне приличные бриджи. А ноги надо обработать как следует. Да, сообщи дежурному в Вечномай, пусть высылают медиков, и срочно. Скажи: случай 101, красный, - человека надо спасать.

- Аристарх, - потянула его за рукав Оази, - я знаю, кто это!

- И кто? Судя по тому, как ты его разглядываешь, это принц фомальгаутский, растерявший все драгоценные стразы над нашим лесом. Если это так, то небось мальчики шу в этом году поразят своих подружек. У самочек будет шок...

- Я видела его в новостной программе!

- Я смотрю только спортивный канал и скажу точно, что этот парень - не спортсмен, иначе я бы его знал. А остальные люди галактики не стоят своей известности.

- Он стоит известности, еще как стоит! Это патрульный пилот Звездного флота, улетевший в эпсилон за пропавшей белошвейкой! А еще в то же самое время пропали вторая белль вместе с челноком «Игла-2» и ее дружок с базы белошвеек «Галера» - тоже пилот. Считают, что галерец захватил корабль патрульного офицера, вторая белль помогала ему, и они все исчезли. Судьба их неизвестна до сих пор.

Оази включила видеофрагмент на своем наручне, переведя его в режим для зрячих, и сунула под нос лесорубу.

Аристарх всмотрелся в лицо пропавшего патрульного офицера и длинно присвистнул. Сомнений не было: исчезнувший пилот «Певня» лежал перед ними. Он был мертвенно бледный, с опухшим языком, воспаленными глазами и в беспомощности. Парню оставалось жить часа два, а потом, как говорится, «скроет трава до полуночи» и человек точно пропал бы для всех - на этот раз окончательно.

- Э-э-э... Думаем, Оази. - Бригадир впервые назвал девчонку по имени. - О пилоте сообщать надо не в службу спасения, а кое-кому посерьезней.

Аристарх закончил разукрашивать ноги несчастного целебной пеной и поднял глаза на Ушки.

Он мучительно размышлял, взвешивая все «за» и «против».

- Слушай, Оази. Парень совершил подвиг. Даже если ему не удалось вернуть Первую белошвейку, он летел за ней, рискуя жизнью. И чудо, что он не сгинул в эпсилон, а остался жив. Я считаю, это называется подвиг. Выдать его командованию Звездного флота – значит навсегда лишить человека свободы. Патрульный ведь не зря оказался на Ило, кто-то давал ему шанс выпутаться из ситуации. А мы, получается, сдадим парня в лапы закона. А закону все равно, из каких побуждений человек угнал и загубил межпространственник. Нет, неправильно это. Надо поставить парня на ноги и выслушать его историю. Выдать его мы всегда успеем, если он преступник. На Ило своя полиция на этот случай, да только законы мягче, чем у вызвездков. Ты же знаешь поговорку?

- «Ночь всех проверит!»! – торжественно ответила Оази. – Кто не был на Ило, тот не поймет!

- Точно. Ночь – суд и приговор иланцу. Теперь скажи, девочка, как поступим с бедолагой?

- Нельзя выдавать его! – воскликнула флорэколог. – Его зовут Тимох, он иланец, он настоящий герой, и он в беде! К тому же он болен.

- Едва живой, – подлил масла в огонь Аристарх.

- Да! Он может не перенести транспортировку! – волновалась Ушки. – А лес его хорошо принял, – добавила она.

- А ты почему знаешь?

- Он шел босиком, и шел долго, наверное, вышел на рассвете. И, значит, ночевал не в городе.

- Верно, девочка. По нашему лесу не всякий пройдет, а тем более босой. Это хороший человек, проверенный. Наш человек. Ну что ж, тогда слушай мой план.

Лесорубы собрались вокруг кубо-кубо, в котором гудел голос их бригадира:

- Ребята, с девчонкой беда. Ушкам совсем плохо. Ее выворачивает каждые пять минут, наверняка где-то случился «выхлоп» – газ пошел из расщелины, или чего похуже – может, лес не пускает.

На этих словах вальщики леса с недоумением уставились друг на друга: их бригадир врал напрадую, вокруг Вечного Мая отродясь не было расщелин с газом. Ну, газ так газ. Значит, Аристарху надо, чтобы Ушки отравилась газом. Что дальше?

- В общем, совсем расклеилась девчонка. Пилот Асус рядом?

Увидев в кубо-кубо лицо пилота, Аристарх скомандовал:

- Асус, твой ключ я не нашел, хоть и облазил на коленях все кусты на поляне шу. Значит, ключ уже не найдет никто. Поднимай наш диск, «Азалию», и немедленно дуй на орбитальную базу, решай проблему с отмычками и возвращайся за своим лесовозом, а то нам ночевать будет негде. А вы, ребята, пришлите мне четыре транспортных дрона: Ушки сама не пойдет, отправлю Ушки по воздуху.

Глава четырнадцатая

Спасение

Тимох очнулся и почувствовал, что летит. Его транспортировали по воздуху на высоте древесных крон. Над головой нутужно жужжали два маломощных дрона, в ногах – еще пара. Таких крох редко используют для переноса тел, чаще всего с этими дронами отправляют забытые вещи или горячую еду патрулям безопасности и людям, работающим вокруг столицы. Тимох подумал, что, если раскачать гамак, маленькие дроны не справятся с его весом и начнут снижаться. Можно попробовать вывалиться из гамака и снова уйти в лес. Потом он вспомнил про израненные ноги и взглянул на ступни: гамак прогнулся под тяжестью его тела, ноги были задраны выше головы.

Тимох увидел, что брюки на нем обрезаны, из штанин торчат мосластые конечности в черно-зеленых пятнах от снятой поросли. В придачу голени багрово лоснятся от мази, а ступни обуты в вату лекарственной пены.

Ужасное зрелище. Пилот понял, что в ближайшие сутки лучше и не пробовать становиться на ноги, небось, на ступнях и мясо слезло. Он заставил себя смириться с пленом. И изучающе уставился на эмблему на боку крошки-дрона.

«На полицейский щит не похожа...» – думал он, с трудом фокусируя затуманенный взор. Его усилия не пропали даром, он разглядел изображение с веткой кедра. Там, где на кедровой ветке должна крепиться шишка, был изображен глобус Ило Семилунного. Значит, дроны, которые тянут его, – не полицейские, а из лагеря лесорубов. Кедр с планетой вместо шишки – это их символ.

Он облегченно вздохнул и почувствовал усталость.

Мысли путались и ускользали. Сказывалось действие лекарств, а может, отравление растительным ядом. И чем он не угодил флорникам?!

Облако в небе перевернулось, став похожим на белку в прыжке, и Тимох снова впал в забытье.

Аристарх вышел из лесу к своей бригаде, убедился, что Асус улетел, и только после этого подал знак Ушкам.

Ушки, выжидавшая в зарослях, разрешила неподвижно зависшим дронам движение вперед. Пилот в сетке гамака показался среди подлеска, подплыл к лесорубам, те под наблюдением бригадира сноровисто сняли человека и перенесли в просторную кабину форвардера. Они разглядывали пилота, недоумевая, как парень умудрился выжить один в лесу. В том, что Ушки-Оази жива и здорова, они убедились, когда увидели ее бодро выбегающей из лесу, и теперь понимали, что у Аристарха была серьезная причина избавиться от вызвездка Асуса раньше, чем на просеку доставили больного. Значит, дело секретное. Их бригадир даже одолжил Асусу челнок – лишь бы тот поскорее слинял отсюда.

Аристарх сказал:

– Ребята, тут сильно закручено. Это героический патрульный пилот. Тот самый, который рванул за мастерицей белошвейкой в эпсилон. Думаю, справедливо будет, раз ночь проверила парня и оставила в живых, не отдавать его чиновникам Звездного флота. Митху, – предложил бригадир молодому лесорубу, – пробей по кубо-кубо номер баллончика со спреем, вот, я нашел его у пилота. Сдается мне, мы легко узнаем, в каком бункере скрывался парень.

«И не удивлюсь, если скрывался он не один!»

Оази вызывалась сделать это на своем кубо. Митху зачитал ей длинный номер, пальцы девчонки зависли над тактильной клавиатурой и остановились: что дальше? Бригадир глянул в планшет слепой:

- Нет, весь номер нам без надобности. Теперь набирай комбинации из шести цифр и из двух цифр, и запрашивай поисковик. Какое-то число будет устаревшая маркировка продукта, другое шестизначное число – это дата его изготовления, а в остатке – то, что нас интересует: номер бункера. На нашем острове бункеров всего-то пять. Да на Малеоне – столько же. Остальные земли Семилунного заселяли уже отсюда; работами руководили из Вечномай, и на ночь строители городов улетали в горы или в столицу. Так-так, последнее число в ряду 07. Не подходит. На Тобионе нет семи бункеров. Ааа, вот – вижу в начале маркировки 05. Похоже, что баллончик из запасов пятого схрона.

- Да, скорее всего, – подтвердил Митху. – Потому что 20.09.57 – это похоже на число, месяц и год – числа перебиты точками. До конца шестидесятых так проставляли дату изготовления.

Один из лесорубов вмешался:

- А как ты объяснишь, на кой тебе понадобилось запрашивать данные о схроне? Вдруг ищейки Звездного флота как раз проверяют, кто интересуется старыми бункерами, и сделают выводы?

Аристарх хотел ответить, мол, поменьше надо читать детективов; на Ило такая уйма работы, а джунгли подкидывают столько новых проблем, что заниматься бункерами станут, разве что если в них спрячут дюжину динозавров со Спика. Здесь к беглецам и авантюристам отношение простое: выживай, если сможешь. Однако осторожность в деле с пилотом лишней не будет, все-таки Звездный флот еще в системе Ило-Соло, и если командование проявит излишнее рвение и перенесет расследование на территорию планеты, то местные власти вынуждены будут оказать им содействие.

Но Аристарх не успел озвучить свои размышления.

Тимох пришел в себя и слышал весь разговор.

Он, тяжело ворочая распухшим языком, предложил:

- Запросите сведения не о бункерах, а об артезианских скважинах на материке. В пятом бункере раньше качали рассол, в состав которого входил бикарбонат, там пометки на цистернах. Я торопился в Вечномай, некогда было изучать точный состав минералки, но бикарбонат я запомнил.

Оази переводила взгляд с Аристарха на пилота и только рот открывала.

Наконец она решилась:

- А зачем мы ищем убежище через компьютер, если выяснили его номер, а карту проводов мы и так знаем?

- Молодец, Ушки! Это чтобы не только твоим ушкам работа, но и мозгам зарядка! – хмыкнул бригадир.

Тимох, чувствуя, что говорение благотворно сказывается на состоянии языка, охотно растолковал девчонке:

- На карте ты просто увидишь расположение схрона, больше она ничего не сообщит. А вот если сделать косвенный запрос, на него автоматом начнут приходить сведения обо всех изменениях в направлении артезианских скважин.

Аристарх закончил его короткий спич, чтобы поняли все:

- Уверен, бункеров с натриево-бикарбонатной водичкой здесь немного: один, или два, или три. Один в лесу, другие могут быть в горах. Общий вопрос о минералке не привлечет внимания. Нам не нужны все скважины, но ситуацию вокруг скважины в пятом бункере не помешало бы отслеживать. Если туда направится патруль из людей или дронов, или какой визит непрошенных гостей – мы об этом узнаем через твой планшет, Оази. И даже если просто скважина снова заработает – тоже придет сигнал.

Потом он огорченно сказал:

- Йло... а ведь не только мы узнаем о том, что скважиной пользуются! Нехорошо...

Лесоруб Митту вставил слово:

- На базе есть кто-то, и этот человек додумается ввести в строй древний насос?

Пилот Тимох кивнул:

- Там со вчерашнего дня живут две пропавшие белль. И еще - галерец. Белль способны качнуть воду, если она им понадобится.

Мужчины удивились и разволновались:

- Белль на планете? Мастерицы первой триады?! Они разберутся, как управляться со скважиной? Ты не шутишь?

- Почему это я шучу? Бель - это не белки, а девушки с мозгами...

Но работяги не поверили ему и заговорили все одновременно:

- Белошвейки - они, как бы сказать, чудные. Нет, они красавицы, принцессы и все такое, мы понимаем - образцовые девушки. Но, говорят, они немного не в себе... необычные. И разве они могут, в смысле, что-нибудь делать своими руками?

Тимох только хмыкнул многозначительно.

Лесорубам оставалось теряться в догадках.

Они жалели, что время послеобеденное, не то все рванули бы посмотреть белошвеек, да еще сразу двух. Когда еще представится случай? Кстати, рвануть бы не получилось - бригадный челнок одолжили Асусу и пилот все не возвращался за своим лесовозом.

Предстояло самое сложное: утаить раненого офицера от чужих глаз, каким-то образом незаметно перенести его в «Азалию», когда Асус пригонит ее обратно, на закате сняться с места и перелететь на ночную стоянку в горах.

С Тимохом все худо-бедно решили. Переодели в униформу с эмблемой кедровой ветки, устроили в тамбуре форвардера, куда не заглядывал никто посторонний.

Их планы смешала вернувшаяся бригадная пчелка «Азалия».

Челнок работяг коснулся земли, и пилотировал «Азалию» не Асус.

В мембране входа остановилась немолодая и величественная женщина-офицер и цепким взглядом по-хозяйски окинула всю делянку: с аккуратными штабелями бревен, техникой, глубокими ямами на месте вывороченных пней и рытвинами от гусеничных треков рабочей техники.

Непонятно, осталась ли она довольна увиденным.

Произнесла с едва заметным космофлотским акцентом «Ловенна б-вилана!», женщина замолчала, плотно сомкнув губы. Потом подошла к «Дюку», на котором Асус должен был увезти заготовленную древесину, магнитной карточкой открыла лесовоз и распорядилась грузить бревна в его вместительное и пустое чрево.

Время послеобеденное, а отгрузка за два дня - первая. Непорядок.

Мужчины бросились на рабочие места.

Аристарх, привлечший пристальное внимание женщины-офицера, в досаде подумал, что пора сбрить усы и окладистую бороду. Тертая космофлотская штучка, должно быть, решила, что он старше... И как мадам справится с транспортировкой? Это дело непростое, нужен навык. Что и говорить, это не дамская, а мужская работа...

Мадам наступала на него.

Неохотно разжала губы и процедила, глядя в глаза бородачу:

– Бригадир, готовьтесь пилотировать лесовоз. Я забираю вашу древесину и человека, которого вы прячете... – она еще раз пристально обвела глазами делянку, – в этом отсеке! Она показала на единственный форвардер на лесосеке, имевший тамбур. Вторая машина для отгрузки леса была помельче и, соответственно, без дополнительной кабины. А в этом форвардере тамбур размещался между погрузочным модулем и платформой с фиксаторами. Мадам назвала тамбур на космофлотский манер – «отсеком».

Аристарх покраснел, внезапно животом почувствовав ствол офицерского «Би», нацеленного ему в желудок. Кроме оружия, а дама держала «bebешку» с полным сознанием своего права прожигать в людях дырки, в ней читалась привычка повелевать, и она это демонстрировала более чем естественно. Бригадир лесорубов понял, что разумнее всего подчиниться.

Он с готовностью вызвался пилотировать «Дюк», причем сделал это так, чтобы услышали ребята бригады и не волновались понапрасну. И даже улыбался величественной офицерше.

Лесорубы ошарашенно молчали.

Дело-то вон как обернулось!

Покалеченного патрульного пилота мадам сама умудрилась переместить из форвардера в «Дюк», пока кипели погрузочные работы, при этом Аристарх впервые наблюдал, как работает «глянец», портативный переместитель. Штука дорогущая, но, говорят, в ходу на крейсерах Звездного флота. Служит для местного передвижения, незаменимая вещь для обращения с ранеными и потерявшими подвижность больными. Раз госпожа привезла «глянец», значит, знала, кто скрывается у лесорубов и в каком состоянии скрывается.

Бригадир мысленно перебирал варианты: что предпринять?

Влип в историю, да. Ему-то и его ребятам ничего не грозит – подобрали умирающего незнакомца в лесу, и точка. Но бедолага пилот... вот ведь попался парень! Неужели в ищейках ходят и женщины?

Оази сновала рядом и искала возможность переговорить с бригадиром с глазу на глаз.

Аристарх, оглянувшись, кивнул:

– Чего тебе, Ушки?

– Мой кубо показал, скважина на базе 05 заработала!

– Когда?

– Только что!

Аристарх задумался.

Как понимать, что скважина качнула воду из глубин Ило? С одной стороны, белошвейки молодцы – додумались, для чего служит рассол, и разобрались, как запустить древний насос. Но плохо то, что беглецы выдадут себя, если в Вечном Мае обнаружат, что в заброшенном схроне кто-то качает воду, и отправят туда дронов-разведчиков. Да и аккумуляторы в ангаре быстро истощатся, а без энергии бункер умрет.

Но если воду качнули для промывки бункера, значит, на базе проросли грибы.

Если в бункер проникла грибница – кто-то из беглецов не нравится флорникам. Активно не нравится. Значит, все, кто рядом, тоже в беде. И пилот-иланец единственный, кто мог бы помочь своим людям пережить следующую ночь. Но пилота собирается увезти мадам с короткоствольной «bebешкой» – увезти вместе с дневной нормой заготовленного леса,

это тоже надо иметь в виду.

Перегруженный лесовоз неуверенно стартовал.

Пилот из Аристарха был никудышный, и он это знал, но надеялся, что старая офицерша будет хотя бы подстраховывать его в полете. Но она удалилась для беседы с патрульным пилотом, бросив Аристарху: «Не преувеличивайте важность ручного пилотирования, бригадир. Работайте спокойно, автопилот больше вашего озабочен, как сохранить транспортник, людей и груз».

Аристарх подумал. Потер себе лоб костяшками пальцев, оглянулся, нет ли рядом мадам, и решительно лег на курс «земля-земля». Диск вернулся из стратосферы и начал снижаться в посадочное гнездо неподалеку от бункера номер пять.

Мадам с «бебешкой» не показывалась.

Аристарх забеспокоился: уж не решил ли патрульный пилот свои проблемы одним махом, нейтрализовав мадам?

Непростое положение!

Управление посадкой потребовало от бригадира сосредоточенности и внимания. Глянув вниз, на землю, лесоруб готов был поклясться, что соседнее посадочное гнездо занято непомерно узким и длинным кораблем, спрятанным под сетью, корабль стоит здесь не более двух суток, судя по густоте зелени вокруг, но уже оброс лианами, сделавшими его похожим на ствол обрубленного дерева.

Про себя Аристарх готовил объяснительную речь для мадам, если та еще жива.

Он скажет так: «Мы на Ило людей в беде не бросаем. В пятом бункере не все в порядке, вот, прилетел проверить, убедиться – не нужна ли помощь. И человека – больного то есть – надо вернуть его команде. Он местный и поможет им выжить. А вы, мадам, раз взялись за штурвал лесовоза, доставьте по назначению бревна. Не преувеличивайте важность своей роли, техника все сделает за вас. Вы только сдайте древесину куда положено, не то бригада останется без дневного заработка, а нам, честным работягам, это ни к чему, еще и в профсоюз на вас нажалуемся. Так вы уж постарайтесь!»

Но объяснять ничего не пришлось.

Мимо него, сидящего в пилотском кресле, на выход из «Дюка» шествовали мадам офицер и патрульный пилот.

Патрульный передвигался «по глянцу»: его ноги до колен утопали в блестящей ртутным серебром капле, и эта капля волновалась, деформировалась, меняя очертания, и перетекала вперед. Патрульный скользил по глянцу или глянец скользил под ним – непонятно. Но в любом случае он вполне сносно и безболезненно двигался рядом с женщиной-офицером Звездного флота.

Прискользив к Аристарху, патрульный сердечно потряс ему руку.

Подобревшая мадам обратилась к бригадиру лесорубов:

– Спасибо вам от белошвеек Великого космоса! – произнесла она, слегка наклонив крупную породистую голову. – Бригадир, теперь вы можете вернуться к своим обязанностям.

Ага, как бы не так!

Аристарха распирало любопытство.

Белошвейки!

Белошвейки скрываются в двух шагах!

Он не уйдет, пока не увидит хоть одну звездную принцесску.

Старая мадам в форме не в счет. Она, конечно, величавая и властная, но увидеть юную принцессу космоса – такое потом всю жизнь можно рассказывать.

Аристарх веско произнес:

– Мадам офицер, вручаю вам корабль, на котором вы прибыли, и груз. А мне надо задержаться здесь. Ночь на Ило Семилунном – это не шутки. Это дело серьезное. Я уверен, бункер надо тщательно проверить!

И решительно зашагал за пилотом.

Тимох, словно дух, скользил впереди. Аристарх догнал его.

Ксантиппа улыбнулась про себя, пожала плечами и осталась стоять на аппарели грузового корабля. Бригадир прав – ребята честно заслужили свой дневной заработок, лес нужно отгрузить по назначению.

Две белль возились с младенцем. Всем троем нравилось то, чем они занимались: Надьежда гулила, девушки пересмеивались. Ветер в панике промчался мимо, ему некогда было любоваться семейной идиллией. Он бросил на ходу:

– Вернулся патрульный, и он не один! Мрия, меня нет! Я ушел, и ты не знаешь куда! Постарайся выведать, сколько лет тюрьмы мне светит, если пилот свалит пропажу кораблей на меня!

Аристарх остановился как вкопанный: ему показалось, под небом Ило ожила картина. В грубом и мощном прямоугольнике дверного входа, на темном его фоне, вся залитая солнечным светом, стояла мадонна с младенцем на руках. Она держала у груди круглолицее, маленькое дитя с толстыми ручками, с ямочками на локотках и перетяжками на крохотных запястьях. Светлое платье мамочки, казалось, светилось изнутри. Особенно поразила лесоруба высокая прическа на горделиво посаженной голове, увенчанная букетом из неувядаемых цветов франжипани. Окончательно добило его созерцание ног звездной принцессы в бархатных абрикосового цвета туфельках.

«Ф-фу-ты туф-ф-фельки – йло-йло-йло!!!»

Он разглядел возле ступней белль свежий тонкий побег, выгнавший мелкий цветок. Белошвейка вряд ли замечает, что цветок поглядывает на нее снизу вверх, как человек, задравший голову, – любитесь!

Аристарх подумал, что теперь половина его снов будет связана с пышногрудой красоткой в платье. И понял патрульного пилота: рвануть в эпсилон за такой мастерицей – да запросто!

Бригадир деловито сощурился и выдвинул вперед нижнюю челюсть, так что окладистая пегая борода выдалась вперед.

Белошвейка коротко глянула на него, избегая контакта глазами, отвернулась и отошла под деревья. Аристарху показалось, он не произвел впечатления.

Он нахмурил лоб, набычился и пошел за Тимохом, скользнув внутрь бункера. И увидел еще одно наваждение – ничуть не хуже первого, но не такое сдобное и без ребенка на руках. Анна замерла в официальном приветствии белошвеек: руки опущены и сложены на юбке, подбородок вниз, глаза долу.

Аристарх заметил, что теперь екнуло сердце у патрульного пилота, палившегося на тонкую девушку с мраморной кожей. Лесоруб топтался на месте, не зная, куда себя деть рядом с этой парочкой, и костерил себя за то, что нагрянул на прием к белль прямо из лесу, как был: в комбинезоне, пахнущем стружками, при бороде, усах и с кое-как направленной под кепку густой шевелюрой.

Тимох отпустил глянec.

Он невольно закусил губу от боли, опускаясь на ложе, кое-как нашел удобное положение больным ногам. Глянec помог ему дойти, но не спас: ступни пилота снова принялись кровоточить.

Белль Анна приняла из рук лесоруба тубу с лекарственной пеной.

Аристарх подумал, что, вообще-то, растить огород на ступнях имеет смысл, если потом вот такие руки с тонкими пальцами будут заниматься его прополкой...

Девушка присела у ног пилота, и Аристарх заметил, как замер патрульный.

- Такие раны долго не заживут! - ужаснулась белошвейка.

- Ничего! - ответил Тимох, бодрясь.

Боль в ступнях приносила ему страдания.

- Ило Семилунный - здоровая планета, здесь раны заживают быстро! - поддержал пилота Аристарх, за что был удостоен милостивого поворота головы второй белль, миролюбиво опустившей копыя-ресницы долу:

- Надеюсь.

Она помолчала.

Спросила бригадира:

- Вы местный? Вы можете показать дерево селлозию? Я читала, сок селлозии - как молоко.

- Могу! - с готовностью отозвался Аристарх. - Нужна еда, ведь так? Я покажу все, что годится в пищу, в наших лесах можно прокормиться.

- Возьмите с собой Мрию. Я не могу отойти, я слежу за работой насоса, нужно накачать воду.

Аристарх выскочил из бункера, как челнок из шлюза, - перспектива сходить в лес с хорошенькой мамочкой его просто окрылила.

- Была плесень? - спросил Тимох, догадавшись, что белль уже в курсе, для чего обрабатывать бункер минеральной водой.

- Да, - ответила Анна. - Ветер сильно пострадал.

- Понятно.

Тимох откинулся на ложе. Значит, как он и предполагал, галерец вызвал пристальный интерес флорников. Этого и следовало ожидать. В глубине души шевельнулось злорадное мелкое торжество. Тимох загнал это чувство глубоко внутрь, приказав себе сосредоточиться на чем-то более существенном. Его давно уже беспокоил голод, но Тимох не мог признаться, что голоден, не зная, в каком состоянии запасы съестного у беглецов и есть ли у них еда.

И он хотел поцеловать белль - просто от радости, что вернулся, и жив, и видит ее. Но тоже не решался. Вот засада!

- Вам нехорошо, Тимох Рей?

- Мне хорошо! - Он сглотнул, наверное, очень выразительно, потому что Анна проверила ему температуру жестом всех матерей: ее ладонь легла на лоб пилота. Потом девушка поднялась и ушла во внутреннюю часть бункера, затем вернулась с поливитаминным питьем в одной руке и утренним хлебом в другой.

Он не взял еду.

Сделал вид, что стакан для него тяжел. Анна устроилась рядом с ним на ложе, подобрав длинные ноги под себя и накрыв их юбкой. Она подавала ему хлеб, а Тимох откусывал от ломтя, который она подносила к его рту, глядя на девушку и думая о том, что люди склонны верить всякой ерунде: не смотрите в глаза белошвейке...

Тимох осторожно сгреб ткань юбки в свою ладонь, готовясь – будь что будет! – пропутешествовать рукой по белошвейкиному стану.

– Вы хотите погладить мою спину? – вдруг спросила она деловито, как на «Игле-2» во время первой встречи, когда они познакомились. Ресницы задвигались туда-сюда, словно сканируя пространство.

– Я хочу вас сбересть, – ответил, вздохнув, пилот, убирая руку.

И сильно потер осунувшееся лицо с запущенной щетиной:

– Анна, пока Звездный флот не уберется на Фомальгаут, мы в двойной опасности – вот что мучает меня. В космосе все однозначно, все предсказуемо и регламентировано. Ты всегда можешь спросить корабельные системы, как поступить, и тебе выдадут оптимальное решение проблемы. А эта планета подходит не всем. Это мой родной мир, но потому-то я и знаю, что здесь все сложно и тонко устроено, а я слишком долго болтался в космосе, я оставил Семилунный еще подростком, мой детский опыт ограничен жизнью в безопасном городе. Я уже умудрился наделать ошибок, – Тимох кивнул на израненные ноги, – и вот результат. ...Здесь лес прислушивается к нам, – продолжал он, – лес всегда ищет и находит слабое место. Не знаю, как вы, но Ветер не верит мне. А зря.

Анна досадливо отвернула лицо при упоминании о Ветере.

– Этот человек, который явился с вами, – он мог бы нам помочь?

– Этого человека зовут Аристарх. Он бригадир вальщиков леса. Напросимся к лесорубам – подведем работяг под статью, если выяснится, что они укрывают беглецов. На лесосеке постоянно появляются чужие: инженеры, пилоты лесовозов и просто экологи, везде сующие свой нос. Любая тайна скоро станет явной. Парень и так сильно рискует, связавшись с беглыми вызвездками. Мы обратимся к вальщикам леса за помощью только в самом крайнем случае, ладно, белль?

Тимох с горечью отметил, что льдинка ничуть не приручена: сидит с прямой спиной.

Он недостаточно хорош для нее?

А как же Ветер? Рыжий паяц каким-то уму непостижимым образом завоевал роскошную первую белошвейку. Тимох тоже не собирался отказываться от своего приза в виде второй белль. Чем растопить деловитую льдинку, пока неясно, но ему придется подумать на досуге и об этом. О многом придется крепко подумать.

Из темноты внутреннего схрона, как болванчик, выброшенный пружиной из расписной коробочки, возник Ветер со следами свежего отека на лице. Кривя рот – распухшая щека онемела и мешала ему – галерец устроил громогласный разнос Анне:

– Нижайше прошу прощения, вторая белль, но какого, в опу, звездаца ты отправила мою жену в лес с волосатой бородой?!

Анна установила копыта-ресницы горизонтально. Тимох чуть не хохотнул: как выразительно сигналият ее ресницы – сейчас они нацелены точно в грудь галереца.

– Мрия не пошла с Аристархом в лес.

– Тебе откуда знать?

– Мрия не пойдет в лес в единственной паре туфель, – невозмутимо пояснила она.

Ветер сменил подозрительность на обычную развязность.

- Видал? - сказал он патрульному, ухмыляясь и тыча пальцем в Анну. - Она права: туфли для белль - это все! А синтезатор что - не включали? Могли бы справиться сапожки для вылазки в лес за ягодками-цветочками, а?

- И ухлопать всю энергию на создание одной дополнительной пары обуви? - огрызнулась Анна.

- Это да, - согласился галерец. - Синтезатор жрет пропасть энергии, никакие мотоциклы не потянут.

- Что с лицом? - посочувствовал Тимох галерцу. - Ты как будто облобызал рой пчел.

- Кого?

- Пчелы, кусачие насекомые. Их разводят ради меда, который они производят.

Галерец отмахнулся:

- Э, козявки! Козявки - что, пустяк! У нас было кое-что похуже. За ночь этот бункер порос грибами, мерзкими и жутко склизкими. Я чуть не сдох, перепачкавшись в этих соплях. Молодец Анна, не растерялась, опылила меня каким-то зельем. Ладно, премудрая белль, ты меня реально спасла, и я не в претензии за то, что ты не пошла с волосатиком сама, а отправила Мрийку.

Анна пропустила галерскую дипломатию мимо ушей.

Тимох поинтересовался:

- На что были похожи грибы?

- Узкие, длинные, с маленькой кособокой шляпкой - ответила Анна, - Белесые, как медузы Мокрого Ило.

- На член они похожи! - не стерпел Ветер, покосившись на девушку и украдкой рисуя жестом защиту от всякого лиха. - Полный бункер членов, стоявших торчмя!

Тимох расхохотался.

- Парень, такое могло случиться только с тобой! - он отдышался от приступа смеха. Это ж надо так не понравиться флорникам, что они тебе показали фак! Гы!!!

- Да неужто? - скривился Ветер. - Опять ты за свое? Типа грибы ждали меня, ага? Откуда бы ты про них знал? Небось, эти факи и до меня здесь росли?

- Тут чего только не растет - тебе и не снилось. Первые колонисты описывали именно этот вид грибов. Народ сильно тогда пострадал, некоторые ослепли от яда грибницы или лечились от экземы, пока не додумались, что к флорникам нельзя относиться пренебрежительно, они это чувствуют. Уж лучше их не замечать, не расплывать свои эмоции в присутствии леса; флорники ревнивы. А может, любопытны. Последняя теория говорит, что скорее второе - растения патологически любопытны, вот и лезут в каждую щель. Правда это или нет, но, по крайней мере, это научное предположение флорников не взводит, и тем, кто с высоких кафедр обсуждает, куда приведет флорников их любознательность, они еще фак не показывали... Гы!!!

Галерец постучал пальцем по лбу:

- Я сдую отсюда при первой возможности! Вы, местные, все чокнутые! А ваши высоколوبيки чокнутые вдвойне! Фиал вам сносит мозги набекрень! По-твоему, грибы не могут вырасти просто так, потому что они безмозглые грибы, а бункер показался им самым подходящим местечком? Они, по-твоему, поперли аж по стенам, чтобы наказать меня? Именно меня?

Проём двери закрыл плечами высокий Аристарх:

- А чему ты удивляешься? Грибы могли найти сотню мест, где им вырасти, но выросли в непосредственной близости от спящих. Они могли бы спокойно расти в лесу, но им пришлось искать возможность вырасти в бункере. Я так скажу, это тревожный знак.

- Да в черной дырке я их видел...

Ладонь размером с гостевое блюдо закрыла галерцу рот, одновременно левой рукой лесоруб сгреб его в охапку, притянул к груди и прогудел в ухо:

- Я бы дал тебе договорить все, что ты хочешь сказать, а завтра сложил бы руки домиком, читая заупокойное слово в память об очередном придурке, пошмяканном флорниками на фарш! Но ради безопасности женщин и крохотной, ни в чем не повинной девочки предупреждаю: еще раз вякнешь, не подумав, и я самолично вставлю кляп в твое горло, да так глубоко, что вытягивать его будут через ту самую заднюю черную дырку!

Ветер не стал возражать. Он почувствовал, что местный не шутит.

Галерец вымелся из бункера наружу.

Тимох про себя одобрил лесоруба. С Ветером давно пора было поговорить на понятном ему языке.

А бригадир силен! Позволить себе такой наезд - это надо, как здесь говорят, дуже дружить с лесом...

Аристарх посопел, подумал и сказал, взвешивая слова:

- Я так смотрю на ваши дела, ребята. Я решил было, что вы команда. Но вы, честное слово, никакая не команда. Скорее, у вас тут заговор одиночек. Каждый сам по себе и сам себе голова. Вот только скрываться пришлось каждому, потому вы и вместе. М-да... дела!.. Я принес кой-чего, пойдёмте, глянете.

Анна вышла вслед за лесорубом к Мрии и Ветеру, рассматривавшим находки Аристарха.

На плоском камне перед входом лежали орехи или то, что напоминало орехи. Одни были мелкие, высыпавшиеся из шишки, другие крупные, с морщинистой и твердой кожурой, которую Аристарх сначала обмял точными ударами камня с плоским сколом, а потом показал, как половчее достать и освободить от пленки питательную сердцевину.

На траве красовались твердые овальные плоды, необыкновенно нарядные: с темно-фиолетовыми боками и алым пятном вокруг ярко-желтой плодоножки, и на некоторых плодах на плодоножке еще держались большие лепестки желтого цвета. Эти плоды бригадир назвал хурмой. Мрия сказала, что они видели хурму, когда впервые шли от «Иглы-2» к бункеру, но приняли ее за гроздь больших соцветий. Тимох потребовал показать ему хурму, но, даже взглянув, не узнал это растение. Он рос в Менеске на Калеоне, Западном континенте, если можно назвать континентами самые крупные острова Ило Семилунного. На Калеоне не росла хурма. Зато патрульный узнал листья салата, и батат, и пахучие приправы, и золотые сухоцветы, которые здесь настаивали и пили как чай, и, самое главное, Аристарх умудрился за такое короткое время найти им «мясную» спаржу: сыть. Немного, всего пучок кореньев - копать ему было некогда. Но он объяснил, куда отправляться за корнями. И где растет ближайшая селлозия - тоже объяснил. Анна оказалась права - Мрия в лес не заходила, бродила с Надьей на руках по сухой гальке вдоль ручья, наблюдая, в какую сторону уходил Аристарх, а лесоруб возвращался с новой добычей и складывал фрукты к ногам в персикового цвета туфельках.

Лесоруб протянул пилоту завернутые в лопух бледные листья с редкими колючками. Водянистые листья толщиной с два пальца: знаменитый иланский бетель. При разжевывании листья бетеля истекают горьковатым вяжущим соком, затем вкус меняется на освежающе-кислый, затем клетчатка мясистого растения начинает расслаиваться, заполняя рот пышной жвачкой белоснежного цвета.

Тимох обрадовался находке.

- Поправляйся, парень! - Аристарх хлопнул пилота по плечу и снова вернулся к компании у входа, заглядываясь на Мрию с малышкой.

Он принял решение остаться с беглецами. Ему никто не возражал. Патрульный пилот был только рад.

Потом Аристарх обошел бункер по периметру. Несколько раз останавливался, недовольно сопел, а взятый у парней сезам изрыгал пламя. Лесоруб готовился к ночи.

Глава пятнадцатая

День второй

Тимох, Аристарх и Ветер проснулись одновременно с чувством, словно им немного заложило нос. Они смахнули с ноздрей сухую рыхлую массу, расплзшуюся в пальцах: в темноте не определить, что такое.

Ветер возмущенно ругнулся: только пошевелился, и по боку как будто лезвием провели.

- Бок порезал!

Тимох всполошился:

- Нож-трава?! Ветер, не шевелись!

- Она! - отозвался бригадир лесорубов. - Ветер, не шарь руками! И все, кто меня слышит, лежите неподвижно. Если нож-трава не одна, - порежет на лоскуты любого.

Аристарх медленно и осторожно, опасаясь наткнуться на нож-траву, протянул руку к галогену у изголовья, включил фонарь, осветил бункер, осмотрел каждую пядь вокруг людей (девушки еще спали) и убедился, что единственная полоса нож-травы прорезалась через слой бетона на полу возле галерца и проросла сквозь пластик спальной полки. Аристарх задержал луч света, направив его на темный, словно армированный из-за четко выделяющихся прожилок, узкий, но прочный лист растения. Знаками показал галерцу, как избежать контакта с растительным лезвием.

Лист блек на глазах. Трава высыхала.

Аристарх, не переставая светить на нож-траву, оглянулся на спящих девушек и приказал:

- Тимох, живо, очисти ноздри белль и ребенку!

- Что это было? - спросил пилот, справившись и разглядывая в свете галогенного фонаря снятый с носов девушек пыльный войлок.

- Видимо, пыльца ветреницы. Вентиляция забилась.

Аристарх, обернув рукав куртки вокруг пальцев, вырвал из щели между плитами пола заметно подсохшую нож-траву и понес, по пути открывая дверь внутреннего периметра, внешнюю дверь и не забывая изучающе осматривать все вокруг - нет ли еще лезвий.

Анна и Мрия вздохнули, когда им с носов сняли пыльную пленку, повернулись, сладко потягиваясь, но не проснулись; они еще досматривали утренние сны.

Парни вышли в рассвет.

Нофиал и солнце стирают ужасы ночи.

Утром ты будешь помнить все, что случилось в вечерние часы, когда ворожил фиал, но пережитое в свете семи лун в крепнущем дыхании ночи утром покажется сном, всего лишь одним из твоих снов. А сны люди видят и на звездолетах. И ты не можешь бояться сна, каким бы тревожным он ни был, тем более если ты, здоровый и молодой, стоишь на изобильно зеленой земле, и ароматы леса особенно свежи, и, подобно приливной волне, накатывают, сменяя друг друга, а звуки леса будят в тебе жажду жизни и свободы; и в теле, как в растениях вокруг тебя, бурлят сильные токи, заполняя каждую клетку твоего тела...

Ветер не пошел дальше ручья, лес его настораживал.

Аристарх и Тимох разошлись в разные стороны от входа по росистой траве, недалеко, но

так, чтобы не давили молчаливые и строгие стены бункера, оставленного за спиной. Листья растений роняли собранную в листовых пластинках влагу; цветы раскрывались на глазах, увеличиваясь в размерах и выпуская на волю спавших в чашелистниках насекомых. Земля курила легким туманом и пахла влажной от росы лиственной прелью и подгнившими фруктами, дожидаящимися под плодовыми деревьями неутомимых плодоядов. Движение мелких животных и пресмыкающихся, незаметное днем, угадывалось в этот ранний час беспокойным вздрагиванием листьев над звериными тропами, дважды в сутки ведущими зверей из лесу на ночные лежбища и обратно. Тряслась и звенела лиана с сухими стручками-колокольцами: кто-то незаметно лазал по акации, задевая ветви. В вышине птицы всех размеров и окраски клекотали, тенькали, свистели и рассекали воздух крыльями. Птицы наверстывали пропущенные ночные часы своей короткой птичьей жизни, охотясь на насекомых, собирая улиток, змей и лягушек и нападая на сородичей.

Аристарх ушел к растению-водосбору, названному так за способность скурчивать на ночь листья конусом, а утром собирать в них конденсат и росу. Листья водосбора, расположенные на разных уровнях, раскрываясь от верхних к нижним, переливали друг другу воду. В пока еще скрученных листьях нижних ярусов ее накопилось достаточно для того, чтобы умыться с комфортом, и бригадир даже опрокинул себе на спину несколько доверху полных водой конусов, отряхнулся и отфыркался.

На обратном пути в бункер Аристарх нашел спелый плод кунья, умело прикрывшийся метелками перистых листьев. Лесоруб акуратно надломил над самой землей вертикально растущую толстую и уже подсохшую плодоножку гигантской ягоды. И понес, держа перед собой, как большую черную чашу, в которую из озорства кто-то воткнул пучок свешивающихся зеленых волос. Кунья им очень кстати: срезать твердую корку, защищавшую мякоть ягоды, добавить в кунья толченых орехов – и полноценный завтрак им обеспечен, еще и в готовой посуде. Девушки, должно быть, удивятся...

Когда вернулись в схрон, нашли бодрых беловшвеек и младенца.

– Как спалось?

Девушки улыбались:

– Отлично!

Их лица были розовыми, а глаза яркими. Ило – здоровая планета.

Аристарх рассуждал вслух, обращаясь к Тимоху:

– Пыльца ветренницы вроде бы безопасна, – говорил он. – Пыльца свободно летает в воздухе, но собирается в рыхлый войлок, если место затхлое. Тогда она ищет местечко, где есть движение воздуха, где тепло и влажно. Сегодня ночью она нашла такое место у нас на ноздрях. Значит, в бункере не работала внутренняя вентиляция. Дышать из-за пыли становится тяжелее, словно дышишь через шарф, зато слой пыли неплохо абсорбирует: запахи, например, не пропускает. Пыльца ветренницы почти всегда присутствует в воздухе, это пустяк, но не пустяк тот факт, что флорники опять пытались проникнуть в бункер. И им удалось это сделать.

Они забили вентиляцию, заставив пыльцу отправиться в полет – она застоя не любит и не нашла ничего лучше, как собраться у нас на носу. А нож-трава проникла через пол бункера. Нож-трава обычно заодно с древесными корнями. Значит, бетонный пол ближайшей ночью будет разрушен снизу.

Ветер снял надрезанную с правой стороны рубаху и, выгнувшись через правое плечо, рассматривал бок. Порез на коже неприятно саднил, хоть кровь остановили быстро.

«Что за фигня? – шептал он. – Нож-трава, значит? Какая трава режет кожу, как лезвие?»

Потом он поерзал внутри одежды, пытаясь вернуть рубаху на место, но что-то мешало.

– Мрия, глянь, что у меня там?

- Из заднего кармана брюк торчит какая-то ветка, - откликнулась Мрия.

Ветер запустил руку в карман брюк: из кармана за ночь выросло чахлое деревце с жестким прутиком-стволом. Пока он спал, деревце отпечаталось на его пояснице, но отпечаток получился странный: справа в области печени красный расширяющийся мазок и под прямым углом к нему два перпендикуляра. Так описала отпечаток Мрия. Ветер почему-то не поверил ей, поднес к пояснице зеркало, поворачиваясь к свету и снова изогнулся, высматривая метку. Глаза его забегали, он скривился от досады. Он был задумчивым, когда Тимох подошел к нему и поинтересовался:

- Аристарх думает, ты заныкал в карман орехи на ночь. Зачем?

- Зачем, зачем, - застонал Ветер, потирая порезанный бок и отводя глаза. - Люблю погрызть на ночь. Привычка у меня такая.

- Понятно, - констатировал Тимох. - Скажу Мрии проверять твои карманы перед сном.

Покормив ребенка, за супруга взялась Мрия.

Даже ей, чужой на этой планете, было очевидно, что Ветером интересуются матаморфы.

Ветер взвился от ее слов:

- Мрия, ты веришь этим корзинщикам? Да они берут меня на понт, как салагу! Мы с ребятами постоянно устраивали засады новичкам, еще похлеще придумывали: сколько первокурсников сбежали в первый же семестр! И это наша заслуга! Нечего лезть в пилоты, если вспоминаешь мамочку, когда тебе подсмаливают волосы на груди. Хе! Да эти двое сговорились и теперь выделяются, как хотят. Были бы вы с Анной парнями, и вам бы устраивали веселенькие ночки. А так они с вами играют в благородие, а мне подложили нож! Борода, думаешь, дал разглядеть нож-траву? Как бы не так! Предъявил какой-то сухостой, вынес и выкинул за порог. Но я ничего не нашел за дверью - нет там ничего! Куда делось это лезвие? А потому что и не было нож-травы, все - брехня! ... Может, у здешних такая рекламная политика: пугать гостей, чтобы любопытные посещали планету, но куда не сбежали с аэрокraftов? Точно! Я это запомню, это очень умно, может пригодиться. Любое место можно сделать экзотичным, если придумать к нему подходящий ужас. Да на «Галеру» будут возить толпы туристов, если устроить пару-тройку офигительных опасностей! ... Лучше обсудим другое: что на уме у твоей подружки? По чьей милости мы здесь, да еще и застряли в этом лесу? Зачем нам все эти сложности с бункером плюс дебильные запреты - то не говори, это не делай и спать ложись по часам, - если проще смотаться с планеты? С концами смотаться? А? Планет много, а «Игла» - вот она, рядом! ...А что такого я сказал? ...Я скажу второй белль в лицо все, что говорю тебе. Она упрямая и своевольная, как... Нет, я все-таки скажу: твоя подружка неуправляемая. И бесится она, зная, что я вышел вперед, и она знает, что, если так пойдет и дальше, на «Галере» скоро начнутся другие порядки. Я тут поразмыслил, и вот что подумалось: а не специально ли все устроено? Анна сговорила с наставницей, и они удерживают нас здесь, под рукой у Ксантиппы. Это - место моей ссылки! Не веришь? ...Ладно. Замнем тему. ...Отдыхай, любовь моя, наслаждайся природой. Ну, поцелуй своего Вета. Будь умницей, гладкая попка, у тебя самый лучший муж!

Мрия вышла из бункера в растерянности, а в кухонный блок вошла Анна и стала хлопотать у синтезатора.

- Я не все слышала из твоей пламенной речи, - сказала Анна галерцу. - Я держу тебя на Ило?

- Ты хочешь выслужиться перед наставницей и притворяешься, что «Игла-2» заблокировала вход. Анна, я тебе говорю: стартуем хоть бы и на Спикку, к динозаврам, с ними проще. Твой челнок стоит без дела и уже зарос травой. Если бы это был корабль Мрии, нас бы давно тут не было, уж я бы позаботился.

Анна вздохнула.

Галерец взвился:

- Типа я ничего не значу для Мрийки? Ты это хочешь сказать? Не думай, что на меня действуют твои... стрелки! Эй, лес, смотри - эта девчонка невежлива со мной! Съешь ее цветочек!

Галерец расхохотался.

- А что, я у патрульного научился... Анни, ты дождешься, зеленые веревки скоро совсем обкрутят твою «двоечку» и на узел завяжутся. Может, на этой планете растут сверхпрочные лианы? Ты же не знаешь наверняка? Востроносый патрульный говорил, что нам и не снилось, что здесь растет. А? Да ты меня не слушаешь, или как?

Анна молчала. Она занималась синтезированием щепотки присыпки для Надьи. Ветер был несносен.

Анна забрала контроллер синтезатора и пошла за бункер, в компанию пилота и лесоруба. Следить за работой прибора она сможет и оттуда. И галерец за ней не потащится.

Еще она подумала, может, Аристарх знает какое-нибудь растительное снадобье со свойствами присыпки, надо спросить. Парни так и не попали в город, синтезатор лучше бы не включать без нужды - может понадобится на другие, более важные вещи, кто знает...

За бункером негромко переговаривались Аристарх и Тимох.

- Думаешь, лес острием указал на него? - Голос пилота.

- Только лес правду знает. - Это голос Аристарха. - Я бы не делал поспешных выводов. Но если по факту, то, получается, нож-трава нацелилась на вывездка, на него одного. Бункер стал проницаемым. Если пролезла нож-трава, в следующую ночь жди других гостей. А обновить покрытие пола нечем. Если бы лесосека находилась неподалеку, я бы говорил с бригадой насчет того, чтобы одолжить вам полисоновую сеть. У нас есть. Укрываем технику на ночь. Хотя тоже плохой ход. Флорники могут забить нашим машинам технологические отверстия. Утром вернемся, и вместо валки леса придется разбирать и чистить тягач и форвардеры... Как твои ступни? Легче? - обратился он к пилоту.

- Легче.

- Вымой ноги в ручье, ополосни их минералкой из цистерн, дай просохнуть на солнце, потом снова обработай кожу пеной. Завтра ступни заживут. Кто тебе поможет?

- Я помогу, - отозвалась Анна, выходя из-за угла и не переставая следить за показаниями пульта контроллера.

Мужчины переглянулись и оживились.

- Белль, не позволяй этому парню злоупотреблять глянцем, потому что медленно будут заживать раны, - приказал бригадир. - Пусть бездельничает до обеда и никуда не двигается. И чем так дорог этот контроллер, что его надо прижимать к груди? Модель такая - ручная?

- Типа того, - рассеянно отвечала неразговорчивая Анна.

Аристарх сидел на одном из камней, лежавших в этом месте, снимал стружку с сыть-корней, готовясь их тушить. Все некоторое время молчали, просто потому что новый день настал и этот день хорош, а камни под стеной бункера приятно нагрело восходящее солнце.

Бригадир лесорубов вдруг, отвечая своим мыслям, неторопливо и задумчиво произнес:

- Ты спрашиваешь, почему тоска, хотя мы вместе и мирок наш светел. В предчувствии змеиногo броска я постараюсь как-нибудь ответить...

Тимох и Анна удивились.

- Что вы сейчас сказали? - осторожно отозвалась белль.

- Я? Да так. Заговорил стихами.

- Вы сочиняете стихи?

Аристарх мотнул косматой светловолосой головой:

- Я? Нет. Вряд ли. В смысле, мои вирши и близко не стояли с этими стихами. А вообще, чтобы вы знали, на Семи-лунном много поэтов. Видимо, семь лун располагают... - Помолчал и добавил: - Я слышал, как разговаривали Мрия и Ветер, и вспомнились строки Тима Лира. На самом деле парня звали Сергей Панарин. Тим Лир - это был его псевдоним. У меня не выходит из головы его стихотворение «Корабль». Не звездолет, другой корабль, который по воде да под парусом - древний корабль, плывущий по ветру.

ты спрашиваешь, почему тоска, хотя мы вместе, и мирок наш светел. в предчувствии змеиного броска я постараюсь как-нибудь ответить. раздвинув стены, вырвавшись в эфир из рамок восприятия нещерных, я Бэкону пожертвовал кефир без деклараций шерочно-машерных. порушишь идол - требуешь другой, ведь свято место пусто не бывает. не для меня придумали покой, не для тебя открыли двери рая. мы не черны. наш цвет не столь убог. и (прочь банальность) даже не белы мы. о, тяжкий рок, гремящий, как hard-rock, и алчущий немалого калыма! что те отдать, когда пред алтарем у нас ни стад, ни тканей и ни злата? венчают балерину с блатарем, венчают нежность с бешеным булатом. но в каждой балерине - жесткий нрав, а в каждом блатаре - чуть-чуть святого, и надо, здравый смысл слегка поправ, невинность положить в постель крутого, а он вдруг скажет, жмурясь от тоски и страха посмотреть на все душою: «как я могу?!..» и, растерев виски, уйдет. покурит совесть санашою. союз вины с любовью нерушим, и ангел снова женится на кобре, вот почему корабль твоей души дрейфует где-то возле рифов скорби.

Анна неподвижно стояла во время этой декламации, странной посреди лиан, высокой травы, валунов и пары железобетонных плит.

- Почему вы... такое говорите? - она нахмурилась. И заговорила, словно оправдываясь за подругу: - Мрия счастлива. Ветер... он...

Притворяться тяжело, она не находила, что поставить в заслугу галерцу. Она знала Ветера больше, чем хотела бы, и выбор подруги до сих пор казался недоразумением. Только когда родилась Надья, Анна взглянула на ситуацию философски: может, ребенку нужно было родиться от этой пары. Может, предопределенность такая, ничего не поделаешь. Девочка - вылитый отец, даже бровки как у галерца, и завиток волос над лбом.

- Ветер... заботливый, - выдавила она.

Лесоруб кивнул:

- Кто ж спорит. Сколько ему лет?

- Завтра исполнится двадцать один.

- Завтра?

В разговоре возникла пауза.

- Академия Звездного флота?

- Нет, курсы летной практики.

- Понятно.

- Парням с «Галеры» редко удается поступить в Академию.

- Ну да, - шумно выдохнул лесоруб. - Почему не летят к нам? У человека всегда есть выбор. Университеты на Ило охотно приняли бы ваших парней. Если, конечно, у них мозги с извилинами.

- Парни с «Галеры»... В общем, они все такие, как Ветер. Вы меня понимаете?
- Понятно, - еще раз повторил лесоруб и серьезными серыми глазами глянул на собеседников. - Рыльце в пушку, значит, у каждого. Что за грешки конкретно у этого?
- Он конфликтовал с законом еще подростком, точнее я не могу сказать.
- Не можешь, или не хочешь, вторая белль?
- Я действительно не знаю. Что-то серьезное.
- Он бежал с «Галеры» в эпсилон, спасаясь от обвинителей?
- Честно, я не знаю. Как будто нет. Его бы арестовали на блокпосту у причалов... И у него сейчас своя команда...
- Какая еще команда? - удивились патрульный пилот и лесоруб.
- Он - кумир выпускников курса летной практики. Они его чуть ли не на руках носят.

Мужчины хмыкнули.

- Эгей, как я не догадался? Все просто: у парня амбиции зашкаливают!
- Корона жмет, - улыбнулся Тимох.
- Вот-вот. Но здесь - не «Галера», здесь получился сплошной облом, а роль второго плана с недавних пор парню не по нутру.

Аристарх шутливо шаркнул ножкой перед пилотом:

- Вам, герой эпсилон, ничего не жмет, случаем? А то я быстро накассандрю, сколько рассветов вы встретите на Ило.
- Голову не жмет, но у меня в другом месте большие амбиции! - заговорщицки шепнул Тимох, подталкивая Аристарха в бок.
- Ходить не мешают? - осклабился лесоруб.

Догадливая белль незаметно прикрыла юбкой пульт от глянца, лежавший рядом с ней.

- Наоборот, заставляют шевелиться... она спрятала пульт от глянца! Аристарх! Белль уходит и уносит пульт!

Анна, намереваясь вернуться в схрон, сказала через плечо:

- Офицер, вам нельзя двигаться! Местный доктор прописал вам покой.
- Да-да, или срублю под самый корешок! - пригрозил пилоту Аристарх, ухмыляясь.
- Скоро пойдем полоскать в ручье ваши зеленые ласты, - пообещала Анна, а лесоруб перегнулся назад, дернул за сухой стебель лиану, развесившую по ветвям акации свои стручки. Стручки-колокольца звонко, почти как металлические, сбрыцали.
- А она деловая! - констатировал Аристарх, делая резкий жест прямой ладонью от глаз: изобразил прямые ресницы белль.

- Моя! - тихо, но внятно произнес Тимох.

«Стихи, значит, принялся читать, борода?»

Аристарх, словно отвечая его мыслям, подумал: «А поволнуйся, героический пилот! Ноги быстрее заживут!»

Беззаботно произнес:

- Пойду, приведу себя в порядок, а то совсем зарос.

К завтраку все собрались вместе, потому что Анна не позволила растащить еду и перекусывать по отдельности, на чем особенно настаивал Ветер, нагревший место на широком ложе рядом с Мрией и дочкой.

Аристарх вышел к столу, тщательно выбритый. Он сбрил не только бороду, но и остриг под ноль лохматую шевелюру. На загорелом лице свежо белели щеки и шея; лесоруб оказался молодым парнем, и на вид ему было лет двадцать семь, как патрульному пилоту.

Белошвейки уставились на Аристарха во все глаза и чуть ли не рты открыли, заставив того покраснеть. Ничего не понимающий в иланских традициях Ветер недовольно дрогнул ноздрями. Тимоха насторожила такая кардинальная перемена внешности лесоруба. Если иланец вдруг сбрил волосы с головы – значит, готовится к испытанию лесом. Значит, Аристарх считает следующую ночь слишком опасной и заявляет флорникам: «Что было, то прошло. Я другой, флорники, – вам не за что зацепиться!»

Наконец все расселись за столом.

Свет из окна падал как раз на середину столешницы, где красовался ребристый кувшин из прозрачного стеклопластика, ровесник бункера, и компот, налитый в этот кувшин, и мелкие фрукты на дне выглядели живописно. Кувшин с компотом отбрасывал сочные оранжевые блики на еду, выложенную прямо на цветные разделочные пластины, предназначенные, вообще-то, для нарезки продуктов (привычной иланцам плетеной и деревянной посуды в старом схроне не нашлось). Были приготовлены тушеные коренья, перетертые орехи, смешанные с мякотью плода, свежие фрукты и хлеб из хлебопечи – аппетитная выходила картинка. Вместо салфеток и полотенец лесоруб предложил мягкие ватные пуфы в коробочках; он сорвал их с однолетних побегов куста неподалеку от бункера и принес в контейнере из-под медицинских инструментов.

– Кепка стала большая, только на ушах и держится! – пошутил Аристарх, стягивая с бритой головы кепку и с готовностью принимаясь за еду, которая быстро исчезала со стола стараниями галерца и патрульного, тоже проголодавшихся.

Когда с завтраком покончили и разобрали последние ломти хлеба, чтобы доесть его с пастой из орехов и запить компотом, бригадир лесорубов решил на серьезный разговор.

– Я вот что скажу, – начал он. – Вы хорошо здесь устроились, уютно. И корабль неподалеку, и вам рядом с «Иглой», понятное дело, спокойнее. Понимаю. Но послушайте меня, на ночь в этом схроне нельзя оставаться. Где-то под полом, под слоями бетона бродят корни дерева. Думаю, это тис, котрый вымахал за бункером. У акаций корни не такие сильные. Нож-трава прорастает обычно первой, пользуясь тем, что древесный корень нашел себе дорогу, и паразитируя на нем. За ней сюда проникнут побеги бамбука или ядовитого куддсу. Или и бамбук, и куддсу вместе. И то, и другое плохо. Бункер непригоден для ночевки, – решительно подытожил Аристарх, добавив про себя: «Для ночевки в таком составе».

Ветер зло цыкнул слюной сквозь зубы.

Тимох неодобрительно глянул на галерца.

Ветер вспылал, схватив со стола крупный плод, вскочил. Надкусил плод крепкими белыми зубами, подсунул надкусанную хурму под нос лесорубу и прошипел:

– На-ка, выкуси!

– Ветер, стой! Угроза серьезная, лес проник в бункер! – крикнул Тимох в спину галерцу. – Ветер, ты нам нужен! Не только Мрие и ребенку, ты нужен всем нам!

– А не то травки вас съедят? И что ты сделаешь, побежишь остановить меня? – глумливо спросил галерец, задержавшись на пороге.

– Готов бежать, – пообещал патрульный пилот, глядя ему в глаза. – Я иду к тебе, прояви здравомыслие. Послушай Аристарха. Мы должны поступать, как он советует. Мы

вынуждены поступать, как он советует!

- Не надо! - закричали белошвейки, помня о больных ногах патрульного пилота.

- Ветер, запрети ему! - воскликнула Мрия.

Анна, только что пролечившая ступни пилота, зная, что сейчас его раны открываются заново, разволновалась:

- Тимох, тебе нельзя ходить!

Ветер стоял в дверях. Тимох подошел к нему и пожимал руку галерцу.

Аристарх мог поклясться, что рыжему вызвездку нравится суета вокруг его персоны. Бригадир тоже подошел к мужчинам, подставил пилоту плечо и как ни в чем не бывало кивнул Ветеру:

- Напарник, подсоби.

Ветер мгновение поколебался, но тоже подхватил патрульного. Вдвоем с Аристархом они живо вернули Тимоха к столу и усадили на табурет.

Аристарх, поглаживая затылок, продолжил совет, как будто ничего не случилось:

- Я готов увести вас к своим ребятам. Это недалеко, в предгорье. Каждый вечер бригада отправляется в диск на ночную стоянку в горах, утром мы возвращаемся на рабочее место. Я поговорю с ребятами, вас примут, никто не будет обижен. Проведем ночь тесно, но в безопасности. Что тесно - это не страшно, все равно будем спать. Утром снимемся раньше других, потому что, поймите, белль, на стоянке вас никто не должен видеть. Тимох и Ветер переоденутся в спецовки и не привлекут внимания, если без неожиданностей... Но вас выпускать из диска нельзя, слухи долетят до Вечнома быстрее ветра. И, Мрия, твой ребенок ведет себя спокойно, надеюсь, не станет кричать и там, ладно? Такой мой план. Но у нас проблема: вырубка недалеко, на северо-востоке, а путепровод тянется от нас точно на восток, а затем поворачивает на юг. Значит, путепровод - не для нас дорога. Переход будет прямо через лес, и шут его знает, получится ли у нас проехать... Если не все согласны уходить, то я переговорю с каждым по отдельности и уведу того, кто согласен. Если вы все думаете остаться в этом схроне, мне пора попрощаться с вами. Здесь говорят: «В лесу не понял с первого раза - поймешь со второго...»

- А не поймешь со второго, третьего раза не будет! - заметил Тимох, прекрасно знавший конец этой поговорки. - Нам необходимо двигать с локалом. Это я вам говорю, - подвел черту патрульный пилот.

Анна и Мрия согласились. Ветер на сытый желудок расслабился, ушел валяться на ложе, ковырял в зубах нитью и пока не бунтовал.

Аристарх сказал:

- Девушкам лучше бы переодеться по-походному. Если есть во что переодеться и если это допускают ваши законы, конечно, - неуверенно заметил он, с неудовольствием думая о том, что девушки в туфлях в иланском лесу - это серьезная проблема для мужской части команды. Плюс еще пилот с больными ногами.

- У них у каждой по чемодану шмоток, - заметил Ветер. - Они без своего чемодана - никуда.

Анна отмахнулась:

- Дань традиции, ничего больше.

- Конечно, белль. Но этот местный ничего не знает о традиции, вот я и толкую ему: чемодан ходит рядом с белошвейками - это, говорю я, обязательно.

Белошвейки не заставили себя ждать и вскоре были готовы.

Бригадир отметил про себя: «И все равно они в юбках, только – лес зеленый, лист резной – в коротких юбках!»

Анна с осанкой гимнастки и роскошная статная Мрия вышли из бункера в спортивной форме: в майках с широким отложным воротником и эмблемой галерского клуба на левой стороне груди. Синяя в тонкую белую полосу майка больше напоминала кокетливое мини-платье с юбкой в складки. Бедра белошвеек обтянули синие рейтузы длиной до колен с полосой плоского кружева по краю (кто бы сомневался, что у них и на панталонах кружева!), на ногах вместо туфель кроссовки. У Анны – белые, у Мрии – голубые. Вид обуви свидетельствовал о нешуточной стоимости кроссовок – профессиональная обувь. Голову каждой белошвейки прикрывал восьмиклинный просторный берет, тоже синий в белую полосу, лихо сдвинутый набекрень. Девушки выглядели не к месту аппетитно, но уж с этим ничего не поделаешь. Пока Аристарх отирается здесь, принцесски не пустили в ход ни одной, даже самой маленькой, женской штучки для того, чтобы нравиться парням.

Тимох понаблюдал, как Анна укладывает жизнерадостную и румяную гусеницу в рюкзачок для младенцев, регулирует и застегивает шлейки рюкзака на Мрие.

Вспомнил нехстати мальчишку Рейнясу – большуна и самостоятельного человечике по сравнению с крохотной девочкой. Вздыхнул. И поплыл в своем глянце догонять Аристарха, двигавшегося по стежке к ангару.

Мужчины снова пустили в ход сезамы, выжигая зарастающую тропу, по которой без малого двое суток назад пришли в бункер номер пять.

Глава шестнадцатая

В пути

В ангаре Аристарх обошел мотоциклы и задумался, как разместить команду на сиденьях, рассчитанных в общей сложности на четырех пассажиров, и про себя не забыть. Добираться до базы лесорубов пешком он не собирается. Пешком такой километраж не отмахать.

Походив вокруг мотоциклов, Аристарх распорядился:

- Тимох, Анна и Мрия, вы сядете на «Безмолвный сокол». Я с ребенком и Ветер садимся на «Куух».

- Что? - удивились все без исключения заговорщики.

- Я поеду без Нады?! - это Мрия.

- Я с тобой?! - это Ветер, представивший себя в дружеском тандеме с лесорубом.

- Мотоцикл поведу я?! - это Тимох с ногами в глянце, содрогнувшийся от мысли, что придется жать на педали газа и тормоза кровотокающими ступнями.

Анна молчала и изучающе рассматривала мотоцикл, который предложил им Аристарх. Только опала ресниц взмахивали вверх-вниз.

- Мотоцикл поведу я, - ответила вторая белошвейка.

- Ты ездила на мотоциклах? - поинтересовался Аристарх, проникаясь все большим уважением к белль.

- Впервые вижу, - призналась Анна. - Нас учили: что может делать один человек, то может научиться и другой.

- Оно-то как бы правильно, - сказал Аристарх, - но фактор времени важен. Когда тебе осваивать мотоциклетную езду? Да еще по лесу, по пересеченной местности? Да с твоими тонкими руками? Ваш мотоцикл, учти, белль, будет перегружен. Я кумекал, что руль держать будет все-таки пилот. Тимох, ты как с мотоциклами?

- Приходилось, - процедил Тимох, предчувствуя, что его ногам снова не повезло и после приключений в лесу придется обращаться к хирургу. Но Аристарх прав, Тимох плюс две белошвейки весят и занимают столько же места, как два высоких здоровяка: бригадир и галерец. К тому же Ветер - проблемный чел. Пусть лучше Ветер едет с лесорубом. Если какое-нибудь дерево веткой хлестнет его по лицу, пусть Мрия и Анна будут в этот момент подальше.

Анна сказала офицеру:

- Тимох Рей, мы сможем сделать это вместе - я имею в виду, управлять мотоциклом. Как тогда, в звездной сфере... - Она порозовела лицом. - Я сяду за вами и буду жать на педали.

- Ну, не знаю, - призадумался Аристарх. - Нужен опыт взаимодействия...

- У них получится, - шепотом уверила лесоруба Мрия. - Из них выйдут хорошие напарники.

Аристарх подумал, что, выйдет или не выйдет у Анны жать на педаль стартера, неважно. Патрульный офицер поведет мотоцикл, дальше - пусть разбираются между собой и делят руки-ноги как хотят.

Мрия спросила:

- Бригадир, можно мою звездочку все-таки повезу я?

- Я против, белль. Сама подумай, мать, на твоей спине для ребенка самое опасное место,

слишком тесно поедете. У меня на груди, да под защитой лобового щитка Надежде будет лучше. Доверь мне ребенка.

Мрия кивнула и перестегнула шлейки детского рюкзака на максимальную длину – чтобы надеть его на иланца.

Ветер молча проглотил все, что мог думать по этому поводу, и неохотно сел за Аристархом.

Лесоруб, перемигнувшись с патрульным пилотом, к спине которого прилепилась Анна, тронул с места «Куух» цвета воронова крыла. Ему предстояло выбирать дорогу.

За ним покатила синий, пижонский от обилия хромированных деталей «Безмолвный сокол» с тремя седоками.

Сначала им везло, несколько километров они двигались вдоль путепровода, с внешней его стороны, пока не кончилась скудно поросшая зеленью каменистая осыпь. Местность понизилась, и джунгли вплотную придвинулись к полисоновой сетке путепровода. Пришлось сворачивать на северо-восток. Они свернули под прямым углом и, удаляясь от путепровода, покатали, следуя извивам мелкого ручья с песчаным руслом. О том, чтобы двигаться через джунгли, и речи не было: лес сделался непроходимо густым.

Ветер вдруг потерял способность чувствовать направление и расстояние. Во время остановок он отпускал странные замечания, вводившие всех в недоумение, но Тимох вспомнил похожий случай с одноклассником на экскурсии по лесу – мальчишка хотел обмануть дежурного у терминала и пронести детеныша шиншиллы в город, а это категорически запрещалось. Припрятав зверька, мальчишка стал путаться, отбиваться от группы и молот ерунду. Тимох объяснил галерцу, что это морок, лесное наваждение. Аристарх кивнул, но промолчал – лучше не давить на раненого галерца. Ветер смолк, но его взгляд становился безумным во время очередного поворота мотоциклов. Ветеру казалось, что они ездят по кругу. Внутри галерца все клокотало от бешенства.

Русло ручья еще раз сделало петлю, путникам стало не по дороге и с ручьем. Аристарх вел мотоцикл по джунглям, останавливаясь, чтобы осмотреться, проезжая под корнями дерева геометра и держа курс на следующего геометра – под их могучими стволами подлесок не был густым. Дальше им придется время от времени ссаживаться и вести мотоциклы своим ходом, но в этом деле как раз пригодится верзила Ветер – ему по силам перетаскивать тяжелого «Безмолвного сокола», чтобы не грузить покалеченного пилота.

Но Ветер внезапно прыгнул с медленно едущего «Кууха», сорвал с седла «Безмолвного сокола» Мрию и понес на руках назад, по колее, примятой в траве колесами мотоциклов.

– Они дурачат нас! – взревел галерец.

Мрия отбивалась от муженька.

– Вернемся в бункер! – настаивал Ветер и тянул ее за собой. – Мы ездим по кругу! – заявил он. – Наш схрон должен быть совсем рядом!

Аристарх подумал: «Вот это красиво! Горячая парочка! Классический случай: были бы дома, швырялись бы вещами друг в друга, потом любились...»

Он машинально запустил пятерню в густую шевелюру, но на свежесбрившей голове не нашел, за что зацепиться, и в досаде махнул рукой.

– Если будем двигаться с такой скоростью, – заметил Аристарх патрульному пилоту, – рискуем не застать «Азалию». Сегодня пятница, на плато будут выступать комики из столицы, поэтому после смены ребята раньше снимутся с лесосеки и улетят в горы за час до заката. Что делать, офицер? Это твоя команда...

– Пусты Ветера за руль «Кууха». Я пересяду к нему пассажиром, – сказал ему Тимох. – А ты на «Безмолвном соколе» вези девушек. Как-нибудь поместитесь все трое. Двигаясь за тобой, галерец не заплутает.

- Эх, йло! - коротко, но с чувством выразил Аристрах все, что думает насчет такой рокировки. - Легко сказать - поместимся! Циркачи мы, что ли? Дорога не гладкая, а если уроню девушку?..

В ранце на груди лесоруба неожиданно громко заплакала Надья.

Мрия вырвалась от Ветера, заступавшего ей дорогу; тот понял, что белль не удержать.

«К ребенку? - подумал Ветер. - Или к нему?»

Тимох привлек к себе вторую белль и попросил, вкладывая в слова кроме весомого смысла еще и фунтик нежности, от себя лично:

- Стрелочка души моей, поговори с отцом гусеницы. Похоже, он успел нас возненавидеть. Тебя он, может, услышит быстрее.

Вторая белль, сдержав обреченный вздох, ушла к галерцу, не оглянувшись на пилота и с прямой спиной.

- Ветер, веди «Куух». Прошу. Не мучай Мрию. Не веришь Аристарху - сам веди мотоцикл. Навигатор на «Куухе» не направляет нас только потому, что мы не регистрировались на Ило, но прибор фиксирует наш маршрут - разуй же глаза и посмотри внимательно! Вот схема пройденного пути. Почему ты решил, что мы рядом с бункером? Мы много петляли, но видишь это расстояние от старта до точки, в которой мы сейчас находимся? И видишь масштаб? Мы проехали около тридцати километров, если считать по прямой. Вам ни за что не дойти по лесу назад. Давай поедем дальше, ладно?

- Ты меня уговариваешь, вторая белль? Снизошла? Значит, мы - союзники, или как?

- Союзники, - процедила Анна. - Не дури и не бесись. На тебя белки смотрят.

- Да хоть все местные жабы! - ответил галерец и побарабанил ладонями по могучей грудной клетке. - Не забудь свои слова, когда мы будем на «Галере»! - воскликнул он, приплясывая на месте и грозя ей указательным пальцем. - А забудешь - я напомню! Идет?

- Идет! - нехотя согласилась Анна, снова установив ресницы-стрелки в горизонтальное положение.

Лесоруб только головой покачал.

Сложная компания.

Взобравшись на осыпь диких валунов, а с каменной мшистой кучи - на дерево, Аристарх всмотрелся вдаль, изучая местность. Разглядел высокий и круто обрывающийся вниз коренной берег древней реки, террасная пойма которой теперь заросла непроходимыми джунглями. Да, он знал, что в этой части острова нет мало-мальски крупных рек, только ручьи, зато древний обрыв тянулся как раз в нужном направлении и по самой бровке свободен от зарослей. В общем, путь вдоль обрыва показался Аристарху годным.

С трудом преодолев километр прямо по лесу, маленький отряд вывел мотоциклы к обрыву коренного берега. Слева открывался отличный вид на низины Тобиона. Вдали, почти неразличимый, синел океан, сливаясь с небом. Впереди над лесом возвышался каменный пояс Семи Братьев, и скоро местность начнет повышаться. Им в ту сторону: где-то там, на полпути к горам, работает бригада Аристарха. По краю обрыва, на котором они стояли, рос плосколист, да молодой можжевельник осваивал временно незанятое место. Этой дорогой реально проехать часть пути. Главное - не уронить белль, это опасно: кусты можжевельника, даже молодые, очень колючие.

Они пролетели на хорошей скорости километров десять, можжевельник закончился, снова началась вотчина плосколиста, а затем... затем лесная подстилка потекла и

выплеснулась под колеса их мотоциклов: сотни, тысячи, десятки тысяч юрких ящерок мигрировали из леса в заболоченную низину.

«Безмолвный сокол», которым управлял Аристарх, заюзил в потоке ящерок, давя колесами и разбрызгивая куски тел пресмыкающихся, но лесорубу удалось вернуться в заросли справа и остановить мотоцикл. Мрия паниковала: «Мой ребенок!» – но Аристарх помнил о младенце, как следует прикрывая его от ветвей, хлещущих по щитку. Мрия высунула у него из-под мышек свои руки, ладонями ограждая младенца, и он ощутил ее щекочущее теплом взволнованное дыхание на своей шее, под ухом.

Они слышали, как «Куух», идущий за ними, пролетел вперед...

Лобовой щиток «Кууха» и переднее крыло мотоцикла моментально покрылись кровавым месивом. Грязь, кровь, куски плоти пресмыкающихся залепили лицо и глаза галерцу. Ветер не справился с управлением, «Ку-ух» завалился на бок, вращая колесами и придавив Тимоха, ехавшего пассажиром.

Аристарх быстро освободился от рюкзака с Надеей, а потом побежал к «Кууху», ломаясь, как флайлианский лось, через подлесок.

А у ребят не заладилось.

Ветер подсовывал под мотоцикл подвернувшийся под руку тонкий полусгнивший ствол, чтобы помочь патрульному, почти скрывшемуся под шевелящейся, движущейся массой мигрирующих ящериц.

Тимох плевался и рукой старался прикрыть лицо, по которому скакали тысячи крохотных мерзкопакастных лапок, тянувших за собой еще и кишки раздавленных сородичей. Правой рукой он пытался освободиться от мотоцикла, приподнял и оттолкнул его от себя. Лежащий на боку «Куух», скользя по месиву раздавленных тушек, легко, как волчок, повернулся от двойного усилия галерца и патрульного пилота и свалился вниз со склона вместе с поклажей путешественников, глянцем, сорванным с ног пилота, и сотней-другой ящериц, облепивших корпус мотоцикла.

Жирная болотная грязь с чавканьем сомкнулась над великолепным «Куухом».

Поток ящериц и скромные ручейки мигрирующих зеленых лягушек иссякли так же неожиданно, как и появились. Но продолжать путь было не на чем.

Все, притихнув, смотрели на мрачного Аристарха, ожидая его решения. Он привел их сюда, и только он знал, где находится просека лесорубов.

– Ты ни разу не вызывал по кубо своих! – подозрительно заметил Ветер.

– Потому что выход в сеть засекут в Вечном Мае, – устало заметил Аристарх. – Я заглушил свою индивидуальную метку под лопаткой, но по сигналам наручней здесь тоже умеют находить людей. Нельзя оставлять человека в лесу – такой на Ило обычай.

Он фыркнул, вздыхая.

– Если бы не ваш статус беглецов, давно бы в открытую связался с ребятами...

– Если бы не мы, нарушители дюжины законов Звездного флота, ты спокойно бы делал свою работу на лесосеке, – заметил пилот. – Мы понимаем. И спасибо, дружище, за то, что ты остался с нами!

Бригадир лесорубов заметил:

– Здесь у леса свои понятия; я слышал истории про то, что лес часто расходится во мнении с законниками Звездного флота.

– Аристарх, спасибо за помощь! Не знаю, что бы мы делали без вас! – сказала Анна за себя и за Мрию, потому что видела, что Мрия лучше промолчит, чем выскажется, если

Ветер рядом.

Тимох сказал:

- Предлагаю следующий план. Мужчины остаются на месте. Аристарх увозит девушек и ребенка и возвращается за Ветером. Я уеду последним. Если все заладится.

- Я останусь! - заявила Анна. - Ветер, поезжай с женой и ребенком, а Аристарх вернется за нами.

Но Тимох был категоричен:

- Нет, белль, девушке тут делать нечего. Это лес.

Аристарх взял слово:

- Звучит неплохо, но два широких бугристых чела, такие, как мы с этим рыжим парнем, да еще Мрия с нами третья - не поместимся, йло.

- Успеешь доставить Мрию и Анну, а потом вернуться за Ветером?

- Да я-то успею сделать две ходки по-любому. Но на третью времени не останется, вот в чем дело! - Бригадир умолчал о том, что не только от него - от мотоцикла тоже многое зависит...

- А ты постарайся! - приказал Тимох. - И хватит разговоров.

- Ладно, - хлопнул себя по колену Аристарх. - Девчонки, едем, быстро!

Солнце опустилось уже низко, когда вернулся «Безмолвный сокол».

Озабоченный Аристарх быстро забрал Ветера и синтезатор - единственное, что удалось сохранить, не считая пары платьев белль в заплечной сумке; уверил патрульного, что теперь путь будет короче, чем в первый раз, он уже знает дорогу.

Когда бригадир вез девушек, они въехали на каменную плешь посреди непролазных дебрей в низине. Аристарху пришлось перетаскивать «Безмолвный сокол» по камням да через глубокие трещины, в которых мог намертво застрять их единственный мотоцикл. Приходилось смотреть в оба. Но, обливаясь потом, он прошел опасный участок пути и сохранил мотоцикл.

Аристарх вконец вымотался, но виду не подал, отсалютовал патрульному и уехал.

Бодрившийся Тимох остался один.

Ступни снова жгла боль.

Он впал в оцепенение.

К нему приходила местная живность: юный неопытный кролик долго и старательно ветрил носом в его сторону; большая ящерка с гребнем-веером вдоль спины грелась рядом на теплом пне; шустрые краснохвостые белки пощелкали, пощелкали и взобрались по стволу высоко. Им на смену прилетели и расселись на ветвях дикие голуби и заворковали, переговариваясь. Голуби долго повторяли офицеру «рразииня, рразииня», «глуупо, глуупо». Крошечные антилопы почти бесшумно перескочили поляну, лишь пару раз коснувшись миниатюрными острыми копытцами земли, - показались из травы и скрылись под листьями сыти, растение даже не шелохнулось. Антилопы спешили на ближайшую скалу, им, мелким, нужно было успеть взобраться повыше. Тимох сквозь полуприкрытые веки наблюдал, как рядом с ним, раздвигая почву, затем потревожив слой прелых листьев, пробивается наверх гриб. Рыжик. Небось где-то рядом есть еще рыжики. Они очень хороши на вкус, если пожарить над огнем. Не на это ли намекали голуби?

Пилот сказал рыжику:

- Это ты, приятель, поторопился. Я проголодался и не вижу никакой необходимости умирать натошак. Пожалуй, перед закатом я тебя зажарю на огне. Не веришь? А эту палочку видел? Ты подними шляпку повыше, давай уберем с тебя листок, гляди - вот палочка, на которую я нанижу вашу братию, а вот подходящие сучья для костра...

Два часа прошло. Аристарх должен вернуться.

Но время текло, а бригадира не было.

Это лес. Всякое бывает.

Тимох понял, что его не успеют забрать.

Костерок Тимоха потух, куря легкую струю дыма. В желудке пилота было тепло от зажаренных, приправленных пеплом и с аппетитом съеденных рыжиков.

На западе разгорался небесный костер Ило-Соло, и над ним начали завиваться в петли и расцветать в восходящих потоках воздушных течений сонмы цитрусос.

Тимох размышлял: что он не успел сказать и сделать в этой жизни?

Получалось, многое не успел. И почему, спрашивается, человеку свойственно откладывать самое важное на потом? Не занят ли здешний лес тем, чтобы избавить человека от этой привычки? Не пора ли научиться укладываться в отведенное тебе дневное время и успевать сделать все перед еженощным умиранием?

Он принялся задумчиво насвистывать себе под нос полузабытую старую песню:
«Наступает ночь - ты идешь распадаться на части, из которых сон составляет свои фигурки...»

И, увлекшись, пропустил момент, когда в небе раздалось знакомое легкое шипение магнитодиска...

Еще одна тень потекла по чересполосице удлинившихся лесных теней, накрыв их собой. Над пилотом завис диск с надписью «Азалия», выведенной крупно и лихо по всему борту - ярко, с претензией - пульсирующей стереокраской «вырви глаз».

Патрульный, широко улыбаясь, поднялся с теплой еще земли и двинулся к челноку лесорубов, опираясь на самодельный костыль, с которым недавно кружил по опушке, собирая рыжики.

- Где тебя носило, леший? - крикнул Тимох бегущему навстречу гладко выбритому парню в рабочем комбинезоне.

Глава семнадцатая

Твари

Команда «Золотого грейпфрута», заинтересованная в поимке рыбы, работала с удвоенной энергией. Нам, гостям планеты, объяснили, что улов всегда богатый: хватает и кухне отеля, и экипажу, получающему значительную прибавку к своему жалованью в виде свежей рыбы. Кулинарные достоинства иланского морского тунца нам уже успели расхвалить, но опять-таки местная промысловая рыба непростая, этот тунец имеет острые шипы на спинном плавнике. Все, что попадает на пути стаи тунца, моментально будет исколото и изрезано насмерть. Изрезано, съедено, забыто.

Озадачивало то, что ребята не готовили никакие снасти: не было сетей, которые, по предположению заядлого рыбака со Спики, обязательны для ловли рыбы. «Вот увидите, – говорил он, – используют кошельковую сеть! Забросят в море и потянут. За аэрокraftом тянуть не получится, значит, спустят на поверхность воды какую-то плавучую штуковину. Уж не людей в лодке, это точно, – видали, что вчера творилось? Стоит посмотреть, как местные разберутся с рыбой, если она колючая. Еще и сеть может порвать!»

Первым посвященным в секрет местной рыбалки оказался Рейнясу. Кто-то по неосторожности или шутя признался мальчишке, что тунца будут ловить мочалкой. Рейнясу пробежался по отелю и рассказал этот секрет всем, кого встретил.

«Золотой грейпфрут» плыл в сторону островов Серебряного кольца, если можно назвать островами группу устрашающих базальтовых клыков. Они торчали из воды к юго-западу от острова Малеон. Скалы расположились почти правильным кругом диаметром в милю. Место это каким-то образом было связано с предстоящей рыбалкой. Нас предупредили, что ужин сегодня будет раньше обычного, пока еще не подошел в холодном течении косяк рыбы. Рыбалка начнется ближе к закату, после ужина, и мы сможем наблюдать разнообразных морских хищников, для которых ловушка Серебряного кольца – привлекательная кормушка. Хищные рыбы собираются сюда в несметных количествах.

Туристы терялись в догадках: кто и как умудряется пожирать рыбу с острым, как у земной рыбы-хирурга, плавником?

Я снова заглянул к капитану Левицкому, скоротать часок.

Мы оба были воспитанниками Звездной Академии на флагманском корабле. Карьера капитана Левицкого складывалась непросто, нам было что порассказать друг другу. Но в этот визит я услышал от него то, что заставило крепко задуматься.

Левицкий, явно испытывая потребность в доверительном собеседнике, подвигался на стуле, устраиваясь поудобнее, и, опустив крупную гривастую голову, принялся разглядывать растопыренные пальцы рук, ладони упер в колени, да так и сидел, слегка раскачиваясь. Крякнул, хлопнул себя по колену и неожиданно спросил:

– Петре, старина, ты веришь в чудеса?

– Нет! – ответил я.

– Вот и я не верю.

– Тогда о чем речь?

– Я все думаю о переделке с участием кальмара, в которую мы угодили. Над морем оптимальная высота для прогулочных аэрокraftов – полторы тысячи метров. Нам запрещено летать ниже тысячи метров над уровнем моря, потому что неприятности с морскими экзотами случались и до нас. Редко, но случались.

– Да? – Я озадачился. – Когда тварь решила поохотиться и метнула в нас слизь, мы были

на высоте метров пятьсот, не больше. Неужели померещилось в панике?

- Не померещилось.

Капитан «Золотого грейпфрута» понизил голос:

- Мы потеряли управление аэрокraftом на долгие четыре минуты и лишь чудом не упали в море. На Тобионе и Малеоне я сделал запрос электропомех, радифона, температур, ветра и даже состояния озонного слоя в месте аварии. Оказалось, в это самое время наземные станции двух островов отметили сбой в работе электроники. Но слабые сбой. На аэрокraft они не могли повлиять. Они просто совпали по времени с аварией.

- Магнитные бури?

- На первый взгляд - да. На них все и списали. Здесь повсюду залежи железных руд, счастье Семи-лунного, что звездное человечество в наш век почти не нуждается в железе, не то раскопали бы, разворотили планету подчистую... Но опыт подсказывает мне, что возмущение работы систем «Золотого грейпфрута» было вызвано чем-то иным... Ты следишь за новостями? Слышал историю с очередной пропавшей белошвейкой? Пронесся слух - так, слушок - что белль впервые выжила и вырвалась из эпсилон.

- Когда?

- Заговорили сегодня, как о свежем событии. Если это правда, то наверняка вернулся и патрульный офицер, полетевший за ней.

- Маловероятно. У патрульного корабля ограниченный ресурс.

- Значит, возвращались в «Игле». «Игле» энергия не нужна, она сама ее извлекает в любом количестве.

Я насторожился.

Самое правильное - вести себя как можно естественнее.

Левицкий умен, любая фальшь наверняка будет им замечена, а мне, йло, не хотелось потерять доверие вновь приобретенного приятеля, единственного на Ило человека, с которым можно вспомнить молодые годы.

- Думаешь, парочка беглецов приземлялась на Семилунном в то самое время, когда мы попались на крючок кальмару?..

- Не исключено. Планетоид белошвеек, «Галера», дрейфует в системе Ило-Соло. Небось, на самой «Галере» беглецов не ждут и они туда не посмеют вернуться. Ищейки Звездного флота наверняка пристально следят за движением вокруг головной базы белошвеек. Тогда где спрятаться смельчакам, как не на этой кучерявой и нечесаной планете?

- Не пойму, к чему ты клонишь? Хочешь сказать, что приземление белошвейкиной «Иглы» вызвало неожиданные возмущения? Такие сильные, что системы аэрокraftа слетели с катушек? Не верю.

- А ты не спеши отмахиваться. Не все так просто. Это нигде не афишируется, но белошвейкины «Иглы» ведет квантовый «АДРОН». Ты понимаешь, что это значит, Петре? Уж не знаю, супермозг один на всех мастериц Звездного содружества или, допускаю, по «АДРОНу» на каждую базу белошвеек в каждом звездном секторе, но квантовый супермозг легко справится с задачей посадки челнока на планету и сделает это максимально аккуратно: цитрозус носа не подточит. Нарушить работу систем аэрокraftа безупречный «АДРОН» мог в одном случае - если бы вздумал придавить наш дирижабль белошвейкиным кораблем. Шутка, конечно. Но что еще остается предположить?

Долгая дружба с Ксантиппой давала мне повод думать, что «АДРОНов» в космосе гораздо, гораздо больше, чем предполагает капитан Левицкий. Но точно я ничего не знал. И потому не стал возражать.

Капитан продолжал:

- Я попросил одного своего парня проанализировать данные с Тобиона и Малеона во время аварии и работу бортового компьютера «Золотого грейпфрута». Знаешь, Петре, студенты не прочь подработать, обслуживая туристов, а среди студентов встречаются толковые ребята со свежими мозгами. И выяснилось: «Золотой грейпфрут» сам явился источником помех, из-за которых мы едва не погибли!

После капитанского откровения я задумался.

Пришлось признаться себе, что в некоторых вопросах, особенно в таких, как противостояние компьютеров разных поколений, я полный профан. Если исключить, что помехи создал полумифический квантовый «АДРОН», тогда следует признать, что сбой аппаратуры на аэрокрафте - результат более грубой работы. Например, попытка контролировать корабль белошвейки.

- Кто-то умудрился отслеживать работу «АДРОНа»?

- Я бы сказал: дерзнул! Дерзнул вмешиваться в работу супермозга! - Капитан опять хлопнул рукой по колену и невесело проворчал: - И делал это прямо отсюда, из отеля. И «АДРОН» заметил чью-то попытку помешать ему. Не нравится мне все это, Петре. Я не могу шпионить за пассажирами. А тот, кто следит за «АДРОНОм», вряд ли позволит сунуть нос в свои дела. И мы не знаем, на кого он работает. Если этот человек ищетка Звездного флота - это одно. Но, может, он работает на партию «Сила»? Тогда вообще лучше ничего не предпринимать.

- М-да... - пробормотал я, - щекотливое положение...

- Еще какое щекотливое! Семилунный никогда не вмешивался в дела верхних, и хотелось бы, чтобы так было и впредь. Может, их хакер думает, что он мастер в своем деле, но Ило - слишком непростая планета, а мой аэрокрафт достаточно хрупкий, чтобы экспериментировать, находясь на нем.

- Хакером не мог быть твой парень с уникальными, как ты выразился, мозгами?

- Стопроцентно - нет.

- Почему ты так уверен?

- Потому что ты сам видел его, как и все остальные туристы: это он пострадал, приплавившись спиной к тектолитовому иллюминатору. А до этой злосчастной минуты парень драил иллюминатор вместе с командой. В общем, он - не тот, кого мы ищем.

- Любопытно, кто тогда?

- Да кто угодно! Публика у меня не из простых, отдых-то недешевый... Еще один такой блицтурнир с «АДРОНОм» - и сверзнемся вниз, и от нас лишь клочья полетят. Жалко людей, Петре! У меня на борту без малого тысяча человек.

Я рассудил, что этот хакер или хакеры наверняка рассчитывают спастись в любой передрыге, в которую вгонят аэрокрафт. Значит, решил я, это кто-то из команды капитана Левицкого. Тот, кто отлично знает системы аэрокрафта, их возможности и в деталях продумал путь к бегству, позаботился, чтобы средство спасения было под рукой. Тот, чьи перемещения по аэрокрафту абсолютно ни у кого не вызывают вопросов. Я нашел нужным изложить свои соображения. Капитан Левицкий додумает алгоритм действий сам.

Капитан молча кивал. Его лицо выражало хмурую сосредоточенность. Я ушел от него в уверенности, что он уже принял меры и его люди будут бдительны. Я подумал, что такое выражение может быть и на моей старой усатой физиономии, а это ни к чему: не то место, не то время, не то окружение. Если я и в состоянии прояснить ситуацию, то уж никак не с хмурым и озабоченным лицом. Попадись я с такой миной на глаза Рейнясу, мальчишка живо принялся бы пальцами растягивать мне рот, добиваясь улыбки.

Надо быть начеку, присмотреться к ребятам команды.

Левицкий, конечно, организует слежку и за пассажирами... Но как же я сразу не подумал: если следить за пассажирами станет, допустим, его офицер, а на самом деле хакер-авантюрист собственной персоной, не воспользуется ли он ситуацией в свою пользу? Обвинит невинного туриста, подведет под подозрение... кого? Да любого отдыхающего, хоть и меня... Нет, с капитаном Левицким надо переговорить еще раз. Почему бы не переустановить камеры наблюдения, пусть следят не за морем, а за пассажирами? Сделать это на всех палубах гондолы «Золотого грейпфрута». Чтобы, по крайней мере, быстро снять с невинного лица обвинение, если такое будет предъявлено, и не упустить истинного виновника.

Сегодня же вечером я верну капитана к этому разговору.

После массажной ванны и – вот так экзотика! – отхлестанный докрасна растительным веником по спине, я воспрял духом. Неприятное чувство от беседы с Левицким притупилось, и я присоединился к отдыхающим на верхней палубе.

Мои новые знакомые, Филиас Фармопулос и Энге Лаперуз, коротали время за игрой в бол. Затем мы смотрели представление цирковых артистов. Эриданца не оказалось в зале. Филиас объяснил, что с точки зрения эриданца это зрелище совсем не то, на которое следует тратить время. Я запомнил время, когда отсутствовал Лаперуз.

Близился здешний поздний обед.

Мы с землянином и эриданцем договорились встретиться за одним столом.

Рейнясу еще в столичном Зелене прилип к паре супругов (или любовников), те выразили горячее желание повозиться с ребенком, спросили мое на это согласие и получили его.

Я рассчитывал, что кое-что проясню именно за обеденным столом, люди раскрываются во время трапезы, это азбучная истина.

Мы изучили меню, полюбовались на картинки блюд в кубо-кубо, так и не поняв, какой вкус у цветных бульонов, гарниров и синтезированных мясных продуктов, не говоря уж о разнообразнейших закусках, салатах и десертах.

– Что будем есть? – первым сдался я.

Филиас повел головой в сторону стола, над которым на длинном шнурке подвесили болтливый мячик Рейнясу: мальчишка не расставался с игрушкой. Надо же, невозможно угадать, какая цацка понравится ребенку!

– Предлагаю заказать то же самое, что выбрала эта пара, взявшаяся баловать вашего внука. Там заказ делала женщина, и, по-моему, она знала, что выбирает.

Эриданец трагически изрек:

– По статистике, восемьдесят четыре процента мужчин не любят экспериментировать с едой и предпочитают есть то, к чему привыкли. И этим отличаются от женщин, которые обожают пробовать новые блюда. Предупреждаю, таких женщин семьдесят восемь процентов.

– Отлично! – потер руки Филиас. – На Земле есть поговорка: «Чего хочет женщина, того хочет Бог!»

– Как вам будет угодно. Делайте заказ, – уступил эриданец. – Только бы ваш демиург не оказался любителем протертой каши и киселя.

Таким образом на нашем столе появилось деревянное блюдо в форме палитры живописца, а на блюде – канале с густейшим перечным соусом трех цветов, в него положено макать трубочки с начинкой из местного овоща сыти. Дикий корень сыти напоминает мясо птицы, а окультуренный слегка уступает ему по вкусу, но служит иланцам заменой мясу.

Нам подали бутерброды с икрой, лежащей поверх длинно нарезанных бледно-желтых масляных ктитов, и бутерброды, украшенные рисунком из тертого сыра и пасты из морских креветок.

- Всегда любил живопись! - выдохнул землянин, в нетерпении потирая руки и оглядывая яркие кушанья. - «Я готов есть краски!» - сказал один художник.

- Художника звали Винсент Ван Гог, - процедил Лаперуз. - Я встречал одного сумасшедшего, он по картине Ван Гога «Звездная ночь» пытался сделать выводы об эволюции звезд.

- И ему удалось?

- Легко! - отрезал эриданец, оставаясь непроницаемо-строгим.

- За что я люблю нашего Энге, так это за бесподобное чувство юмора! - хохотнул землянин.

- За что я вас терплю, так за умение найти в моих словах то, чего в них нет. На редкость парадоксальное сознание! - пожаловался мне Энге, кивая в сторону Филиаса Фармопулоса, и активировал столовые приборы, принесенные с собой. Его вилки и ложки отсчитывали количество калорий, отправленных в рот.

Столик-официант, скопировавший по нашей просьбе заказ семейной пары, ловко подбросил щупом и водрузил на стол бутылку вина. Оказалось, ее некому распить. Я отказался от алкоголя по совету врача несколько лет назад, Филиас сослался на то, что собирается еще поработать за компьютером, пока фиал не заставит уйти в отключку. Он удачно пошутил насчет того, что планета заботится о соблюдении трудового законодательства лучше любого профсоюза. Энге Лаперуз, брезгливо взглянув на батарею легких вин, выдал сентенцию о том, сколько нейронов гибнет в коре головного мозга во время самой невинной выпивки.

Если наш разговор мог казаться непринужденным, то только со стороны.

Во мне крепло подозрение, что эти двое и есть ищейки. Но хакеры?.. Вряд ли. Хотя... Если у хакеров хватит осведомленности маскироваться под ищеек Звездного флота... Ф-ф-ф, как все усложнится, если это будет правдой...

А теперь подойдем к делу с другой стороны: если я вдруг обнаружу, что Лаперуз и Фармопулос вычислили, где находятся беглецы, - не сдать ли мне их капитану как компьютерных взломщиков, тем самым нейтрализовав хоть на короткое время? Команде из бункера номер пять достаточно четверти часа, чтобы стартовать, и «Игла-2» унесет их куда-нибудь еще. Космос велик. Меня, конечно, задержат за связь с заговорщиками, но это будет потом; главное, заговорщики оторвутся от преследования. Что ж, стоит обдумать и этот вариант...

...Отведав бутербродов, которые, по совету эриданца, я запил глотком цитрусовой воды со льдом, затем распробовав луковый суп-пюре, вкусный и духовитый, затем заправившись кубиком превосходного синтетического мяса... Стоп. Тут надо подробнее. Гарниром к мясу шло сочное кушанье в виде рулетов из широких листьев: в листья завернута начинка из зелени и грибов. Сверху эти так называемые «голубцы» залиты горячим соусом «Тахо». Вкус у блюда оказался изумительный, и я попросил официанта запомнить заказ, чтобы после вернуться к этому меню еще раз. Потом я, с сожалением отказавшись от десерта - он был бы явно лишним, - вдруг подумал: а что, если сухарь Лаперуз и весельчак Филиас точно так же присматриваются ко мне?!

Занятно!

Я сыто выдохнул, позволил столику прибрать мои столовые приборы, оставил лишь стакан кислого сока, деликатно помогавшего желудку справляться со съеденным. Затем, сцепив руки на животе и откинувшись на стуле, оглядел присутствующих в зале «Золотого грейпфрута».

Любой из них, включая женщин, потенциально мог быть хакером.

Да, капитан прав – подозреваются все.

Все, кроме Рейнясу – тот по малолетству не годится на эту роль. Зато служит прекрасной ширмой для того, кто хочет исподтишка делать свои дела. Не потому ли его взяла в оборот эта парочка?..

«Петре, мнительность – никудашный помощник», – когда-то в молодости Ксантиппа сказала это мне в ответ на приступ ревности. Она так и не вышла за меня замуж, а ведь... впрочем, что ворошить былое? Мы умудрились сохранить наши отношения длиною в жизнь, разве это ничего не значит? И теперь, когда я перестал мотаться по космосу и наконец-то осел с неплохим пенсионным пособием, а по меркам Семилунного – даже с очень хорошим годовым доходом, может быть, Кса все-таки захочет поменять свою «Галеру» на цветущий рай Семилунного?

Неторопливое течение моих мыслей перебили. Новые друзья Рейнясу поставили мальчика на стул, женщина хлопала в ладоши, призывая к вниманию, и объявила:

– Сейчас Рейнясу споет. Он споет новую песенку. Он выучил ее... когда ты выучил эту песню, Рейнясу?

– Сегодня на прогулке в городе! – звонко ответил Рейнясу. – В магазине игрушек ее пела девочка в голубом платье и с сережками в ушах! – Он развел руками, показывая, какое было платье на девочке.

– Тебе понравилась девочка?

– Очень! – честно вздохнул мальчик.

– И ты запомнил ее песенку?

– Запомнил. Дайте уже спую скорей, а то забуду! – попросил он.

– Мы включим тебе музыку, хорошо?

– Да? Здорово! Давай!

Юный артист махнул рукой.

Женщина включила кубо с записью, мужчина улыбался, подбадривая моего мальчика, и вручил ему бутылочку из-под соуса вместо микрофона. Рейнясу, явно подражая кому-то, пригибая колени и покачиваясь, слушал куплет, который исполняли детские голоса. Он шлепал губами, но не успевал за словами. Зато, как только зазвучал припев, он с энтузиазмом подхватил и, хорошо интонируя, запел:

– Отрываются пуговицы, Бабочкою станет кусеница!

И опять:

– Отрываются пуговицы, Бабочкою ста-нет ку-се-ни-ца!!!

– Молодец! – похвалила его женщина, а люди в зале зааплодировали.

– Только надо петь не «кусеница», а «гусеница». Это маленький червячок, который спит и во сне превращается в бабочку... как бы тебе объяснить: в мотылька цитрозуса, например.

Рейнясу сбежал ко мне, я думал, за порцией похвалы, но он запинаящимся голосом пересказал новое знание:

– Дедушка, червячки ложатся спать червячками, а просыпаются бабочки! Как цитрозусы! Ты знал?

– Я-то знал. А ты знаешь, кто такие червячки? – спросил я, чувствуя, что новость его не просто взбудоражила, но поразила до глубины души, и догадываясь о причине этого удивления.

Рейнясу прошептал прерывистой скороговоркой:

- Чер-вяч-ки - это че-ло-веч-ки. Но ведь не дети, нет? Нет? - спросил он с надеждой, выдав самые тревожные подозрения насчет ночного превращения.

Женщина в раскаянии прикрыла ладонью рот.

Землянин готов был рассмеяться.

Эриданец высоко вскинул брови. Никто не остался равнодушным к страху Рейнясу.

- Нет, червячки - это не человечки. Червячки скорее похожи... - Великий космос, как объяснить ребенку со звездолета, на что похожи черви?! - Червяки - это такие ползающие твари, простые, как макароны, которые остались вон на той тарелке: длинные и с дыркой посередине. Они безмозглые, живут в земле и кушают землю. Есть древесные червяки, их называют «гусеница». Гусеницы живут в листьях, едят листья и фрукты, а когда наедятся, засыпают. А просыпаются уже другими.

- У нас тоже так... - пробормотал маленький философ. - Мы сейчас едим, едим, наедемся, и ты меня отправишь спать.

- Но ты проснешься таким же, как и заснул. Заснул мальчик - проснулся мальчик. Заснул дедушка - проснулся дедушка.

- Заснула девочка - проснулась девочка?

- Правильно. Ты же видел в городе много детей: они играют днем, спят ночью, растут и взрослеют, становятся дядями и тетями. Все как на Звездном флоте.

- Не выключай Матруну на ночь, обещаешь, деда?

Чем-то меня взволновала просьба Рейнясу.

Дети - маленькие провидцы, иногда им свойственно предчувствовать события. Они знают будущее и рассказывают его нам. Только мы, взрослые, не верим и потому не слышим слабый, наивный лепет завтрашнего дня. Тревожный лепет.

На экраны подали изображение с видеокамер, которые иланцы крепят на панцири морских черепах. Сигналы с камер поступают на спутники связи, и благодаря им здесь пытаются вникнуть в подводную жизнь океанов Ило. Камеры порой показывают такую плавающую жуть, что вряд ли кто-то на планете жалеет, что купальные сезоны проходят без него. На этот раз нам показали косяк тунца, он шел прямо на скалы. Туда же, к Северному кольцу, летел и «Золотой грейпфрут».

Вскоре видеогид, используя кадры подводной хроники, захватывающей, как триллер, объяснил, что на тунца охотимся не только мы, но и акулы, и осминоги, и другие твари. Они гонят рыбу в западню. Спасаясь от хищников, часть рыбьего косяка непременно окажется в Северном кольце. А там, в защищенном от прибоев и бурь месте, как в круглой чаше, живут гигантские губки. Их присутствие делает воду в Северном кольце похожей на студень. Тунец, влетев в этот суп из губок, теряет скорость. Теснясь в скученном положении, тунец избавляется от своих игл - сложная биохимия тела губки растворяет их. Как только губка забивается рыбой до предела, она рвется на отдельные куски и начинает сжиматься, плотно обволакивая рыбу, словно пакуя собственной плотью в почти ровные брикеты по двадцать-тридцать фунтов каждый. Вот тогда, и не раньше, «Золотой грейпфрут» начнет свою охоту. С дирижабля опустят трос с захватом и с помощью лебедки поднимут несколько «упаковок» с рыбой - ровно столько, сколько в состоянии употребить.

- Как просто! Гениально! - восхитилась незнакомая мадам, успевшая переодеться в вечерний наряд, хоть вечера на Ило не располагают к танцам и прогулкам под лунами.

- А что будет с рыбой, которая осталась в море, упакованная в губку? Скажите, что с ней происходит?

- Брикетты с рыбой вытягивают в море хищники, проникающие в бухту из открытого моря. Кроме них дохлую рыбу едят крабы и угри. Крабов здесь много, они облюбовали эти скалы, - отозвался офицер, младший помощник капитана Левицкого.

- Нам ни разу не подавали крабов, - заметил Филиас. - На Земле-1 крабы - деликатес.

- Что вы, сэр, у нас краб считается падальщиком и его не принято подавать к столу, - возразил младший помощник. Я заметил, что капитан пытается решить проблему с поиском хакеров и среди отдыхающих стали появляться офицеры его команды, незаметно наблюдающие за пассажирами.

- Сытая планета! - хохотнул Филиас Фармопулос и отошел.

Младший помощник рассказал нам о том, что крабы разрывают брикетты с рыбой и вытягивают куски из бухты Северного кольца. Но на рыбу тут же набрасываются акулы и другие хищники, которые не успели к началу пирушки, и обворованные крабы снова возвращаются за добычей. Пирушка продолжается час после захода солнца и возобновляется за час до рассвета: морские твари каким-то образом сохраняют активность чуть дольше обитателей суши. Хотя на оставшуюся часть ночи жизнь в океане Ило Семилунного, похоже, тоже замирает.

На закате мне пришлось присоединиться к молодой и красивой женщине, очаровавшей Рейнсяу. Супруг, по ее словам, перепил за обедом и завалился спать.

Словно дружное семейство, втроем, мы переходили от борта к борту. И наблюдали, как внизу меняет цвет море, с зеленого становясь серебряным от рыбьих спин, сплошной массой идущих к Северному кольцу. Как аэрокraft аккуратно снижается (ох уж это снижение!), а небо тем временем становится вечерним, и базальтовые клыки длинными пальцами теней тревожно указывают на то место, где скоро появятся семь лун...

Закаты на Ило Семилунном завораживают, вот в чем дело.

Я отогнал липкое чувство тревоги.

Туристы с интересом наблюдали за рыбьей кутерьмой внизу. Косяк распался на отдельные скопления рыбы, сначала бесформенные. Рыбы суетились и делали стремительные рывки, и даже выпрыгивали из воды. Затем движения тунца, застрявшего в бухте, стали замедленными; тунец увязал в густеющей студенистой массе, как в смоле. Постепенно губка выжимала из себя воду и плотно обтягивала рыбу, а брикетты тунца становились все более правильной формы.

Я посмотрел на часы, подумал и вызвал няню Матруну, приказав готовить ребенка ко сну.

«Еще ведь рано для сна!» - удивилась женщина, гулявшая с мальчиком.

«Пусть! - отвечал я. - Его нужно выкупать, переодеть и подкормить. Матруне немало возни с этим парнем».

Женщина как будто немного озадачилась.

Это были последние слова, которые я успел сказать на палубе летающего отеля.

Аэрокraft, уже с уловом на борту, так и не сумел подняться в небо.

«Золотой грейпфрут» с девятыстами туристами, с командой в сорок человек, с роботами всех видов и даже с одним ребенком и его космофлотской няней, за нее Тимох заплатил уйму кредиток, этот шикарный летающий отель так и не завершил свою экскурсию.

Там, где мы оставили остров Малеон, в небе поднимались столбы, похожие на искрящийся фейерверк, но глаз не различал их разноцветье. Так с моря выглядит полет цитрозусов, если смотришь на них издали и против заходящего солнца.

Жидкие ленты из насекомых взвились над Северным кольцом. Голые скалы – не лучший приют для личинок, цитрозусов здесь немного. Но не в цитрозусах вовсе дело. Их вклад в изменение состава атмосферы не стоит преувеличивать. Фиал и нофиал – это могучее дыхание планеты.

В море зажглись фосфорецирующие купола танцующих медуз.

Капитан выиграл пари.

Естественно, а как могло быть иначе? Танцующие медузы время от времени появляются в этих широтах, и Левицкий, конечно, знал, что они непременно появятся сегодня.

И они всплыли из глубины.

Когда над головой разъезжался по швам кожух «Золотого грейпфрута», все пассажиры смотрели вниз, в море, удивляясь упорядоченности, с которой движутся эти загадочные существа.

Медузы всплывали, расположившись в спирали в строгом соответствии с числами Фибоначчи – восторг любого математика. Так как среди медуз не встречается даже двух особей со схожей расцветкой, зрелище получилось неповторимое. А медузы еще и вращались, словно здешний Посейдон приглашал нас полюбоваться калейдоскопом, менявшим картинки.

Я не специалист по устройству аэрокraftов, но я поднял голову и понял: то, что происходит с «Золотым грейпфрутом» – не авария. Это – катастрофа. И она спровоцирована нарочно.

От капитана я успел узнать кое-что о демонтаже отслуживших свой век аэрокraftов, и я увидел, что демонтаж нашего идет полным ходом. Кожух для несущей части «Золотого грейпфрута» и внешняя обшивка гондолы сработаны из алюоса – это стеклопластик плюс алюминий, он на двадцать пять процентов легче алюминия, и для иланцев это очень ценный материал. И его сейчас методично разрезали на полосы и складывали деловито снующие по каркасу угловатые роботы-ремонтники. Баллон, вернее, восемнадцать баллонов, раньше скрытые золоченым алюосовым кожухом, разбирались на части, как если бы дело происходило в доке на суше. У нас над головами кипела работа: хакер запустил компьютерную программу демонтажа или его действия косвенно повлияли на управление «Золотым грейпфрутом», – но баллоны теряли гелий, роботы аккуратно свернули первую оболочку, и летающий отель с каждой секундой терял высоту.

Голосила сирена и метались люди, но куда и зачем они бежали, если после заката солнца помощь на этой планете следует ждать только из космоса?

Если успеют, к нам спустятся люди в легких космических скафандрах.

Если успеют...

Я оставил Рейнясу с Матруной и оставил активными все функции электронной няни, чего не делал до сих пор. Лучше, чем няня, о ребенке не позаботится никто из людей, думал я, пытаясь разглядеть среди общей панки и неразберихи Рейнясу и Матруну, а увидел одну Матруну. Няня устроила ребенка в нише своего корпуса, закрепив ремнями безопасности по всем позициям, как во время старта челнока «земля-орбита». Выдвинула вперед четыре руки и два щупа, готовясь отвести все случайности от своего подопечного.

Я торопился к ним, стараясь не потерять равновесия и не упасть от жестокого крена: пассажирская гондола заваливалась на правый борт, наполовину оголенная сверху. Баллоны аэрокraftа продолжали сдуваться, листы алюоса из обшивки корпуса в местах, подвергнутых демонтажу, сняли роботы. Потом я разглядел, как вдруг роботы, прикрепившись к своим местам на каркасе аэрокraftа, замерли как по команде и стали неразличимыми среди других элементов конструкции. Кто-то неизвестный предупредил неконтролируемое падение, но поздно. Мы слишком быстро опускались на острые скалы в обрамлении пенного прибора, кипящего у подножия утесов. Посадка обещала быть

жесткой, и другого ожидать не приходилось, разве что «Золотой грейпфрут» упадет в море, к стаям хищной рыбы, собравшейся для дележки тунца.

Я увидел супругов, весь день развлекавших Рейнясу. Мужчина совсем не был пьян. Он и его подруга подбежали к Матруне с разных сторон и ухватились за киберняню. Их действия не были действиями смертельно перепуганных и растерявшихся людей.

Я вдруг отчетливо понял, что этот мужчина, Киро, и его женщина хотят воспользоваться роботом для собственного спасения. Как все просто! Они, по крайней мере он, Киро, – и есть дерзкий и неуловимый хакер, и он легко перепрограммирует няню, выжав из нее максимум функций, которые помогут продержаться до прихода помощи, а Матруна – сильный киборг, универсальный киборг, с высоким запасом прочности, с хорошей скоростью реагирования. Вот только моего мальчика эта парочка спасти не собирается.

Женщина намерилась отстегнуть ремни на Рейнясу.

Хакер проник в затылочную зону киберняни и успел извлечь голографическую панель управления, широким нимбом засветившуюся над головой Матруны.

Они потому так уверены в себе – робот Матруна должна стать их спасением в катастрофе.

Я увидел Энге Лаперуза, прагматичного эриданца, который стремительно налетел на хакера Киро и ударил коротким расчетливым движением профессионального бойца. Невозмутимо отвернулся от поверженного Киро и деловито вмешался в системы кибернетического механизма няни.

Неужели и эриданец хочет завладеть киборгом?

Так думал я, съезжая вместе с пассажирами и легкой плетеной мебелью по накренившейся палубе к противоположному борту. Появился Филиас Фармопулос. Он, ловко балансируя, приблизился к Матруне и отшвырнул женщину, спутницу Киро. Женщина отлетела к леерам открытого борта и чудом не выпала в волны. Лаперуз тем временем убрал голограмму управления и закрыл затылочный щиток няни, Филиас второй раз уложил на обе лопатки Киро, затем они с Лаперузом потащили избитого хакера куда-то в сторону, оставляя за собой кровавый след – Киро стрелял в Лаперуза и не промахнулся, и кровь, обагряющая палубу, текла из бедра тяжело хромавшего эриданца. Я больше не мог видеть моих новых знакомых. Настроены они были решительно.

С треском стала раскалываться гондола, брошенная на неровные, с перепадом в полтора-два метра по высоте, скальные глыбы. А в звездном небе яркими пятками сияли луны Семилунного, и перед глазами все плясало, и нудно тянул одну и ту же ноту мерзкий клаксон – так действует фиал, когда человек упорно сопротивляется сну на пределе своих возможностей.

Я знал, что могу выиграть у ночи еще минут пять, если буду дышать по системе, не зевать и игнорировать звук у меня в голове. И я успел подползти к маленькому Рейнясу, и убедился, что и он еще не спит, глядит на происходящее мокрыми от слез глазами. С ноги мальчика слетел ночной тапок. Я прижался щекой к босой ребячьей ножке.

– Прости дедушку! – сказал я. – Ничего не бойся. Тимох летит к тебе на помощь, его «Певень» в небе над нами, самая яркая звездочка, рядом с третьей луной. «Певень» совсем близко. Тимох поднимет тебя на руки и скажет: «Какой храбрый мой Рейнясу!» И чмокнет в щеки. В правую щеку возле самого уха, а потом в левую.

– Дедушка, – отвечал Рейнясу, – Тимох не заснет, как мы?

– Нет, что ты! Он в скафандре!

– Врешь. Как же он меня поцелует?

– Через стекло шлема, все равно ты обрадуешься. Ведь так?

- А крабы не разрежут его скафандр?
- Откуда ты знаешь про крабов?
- Краб ползет по белой рубашке дедушки капитана и отрезает щипцами ему пуговицы.
- Клешнями. Надо говорить «клешнями срезает пуговицы».
- Я прикрою ладошками застежки на пижамке, не хочу без застежек ночью...

Рейнясу сдался фиалу.

Матруна включила сигнальный маяк. Я знал, что сейчас она подает сигналы бедствия на нескольких частотах. Отличная няня. И она самонастроилась отгонять крабов разрядами тока. Она придумает еще что-нибудь ради спасения мальчика, у нянь-киборгов большой набор нестандартных решений, ведь им приходится иметь дело с непредсказуемыми детьми...

В Северном кольце самая многочисленная колония крабов. Их слишком много, чтобы мы целыми дождались помощи. Крабы едят рыбу, которую для них пакует губка. Но не только рыбу.

Сейчас на скалах есть и кое-что другое... пуговицы, например... к хаффу пуговицы, пусть подавятся ими...

Ксантиппа, рыжая куколка, какая ты молодая!

Прости, я слишком долго летал...

Глава восемнадцатая

Разветвление

День близился к закату. «Безмолвный сокол» доставил на лесосеку белошвеек, бригадира лесорубов и ребенка, сопевшего в ранце на его широкой груди.

Анна и Мрия сошли с мотоцикла и оглядывались вокруг. Аристарх торопливо, смущаясь, отдал Мрии ребенка.

На краю просеки могучие харвестеры, занятые валкой деревьев и громко урчавшие, стали по очереди затихать и останавливаться. Открывались дверцы кабин, из них на землю спрыгивали вальщики леса и оставались возле своей техники, не решаясь сдвинуться с места.

Аристарх подхватил с разборной пластиковой этажерки в походной кухне половинку лимона, выдавил лимон в большой кувшин. Долил воды в кувшин и пил, торопясь и отфыркиваясь. Остаток воды выплеснул себе на голову и, на ходу вытирая лоб рукой, пошел обратно к мотоциклу, завел «Безмолвный сокол» и уехал за галерцем, на ходу крикнув кому-то в зарослях:

- Оази! Принимай гостей!

Из лесу выбежала проворная девчонка в круглых очулярах и с четырьмя хвостиками, собравшими в пучки ее непослушные волосы, все в мелких завитках.

Девчонка подбежала к белль, но от смущения не могла вымолвить ни слова.

Улыбчивая Мрия выручила ее:

- Здравствуй, Оази! Тебя ведь зовут Оази? Какое красивое имя! Я назвала свою девочку Надьей. Но «Оази» звучит просто здорово. Не знала я этого раньше. Знакомься: это Анна. А меня зовут Мрия. Мы гости на Ило Семилунном.

Оази затарахтела:

- Да-да, я знаю! Спасибо! Я знаю, что вы белошвейки, вы первые мастерицы, и вы были в эпсилон! Мы рады вам! У нас тут так... просто... не для белошвеек, конечно... ой... Спасибо! Вам, наверное, надо поужинать маленькую? Вы будете поужинать? Ой, я перепугала. Спасибо! Переодеться? Я отведу вас в «Азалию», а душ висит на дереве: вон там - черный мешок с водой и с краником, он как раз нагрелся на солнце, у нас много этих мешков поразвешано, чтобы всем...

Белошвейки задумались над предложением. Здесь душ принимали на краю лесосеки, а переодеться им предложили в летающем диске. В конце концов они договорились, что Оази принесет кусок целлофана и подержит его, как ширму, пока белль смоют в душе ошметки раздавленных ящериц и дорожную грязь и там же переоденутся в свои платья.

Когда Аристарх доставил Ветера, девушки были свежи, нарядны и сыты. Они сидели в так называемой кухне - на самом деле на скамейках под шатром ветвей развесистого, празднично цветущего франжипани; на сучьях дерева висела кухонная утварь, чашки и полотенца. Белошвейки пили горячий фруктовый сбитень, приправленный пряностями. Оази угостила девушек пресными лепешками, и кушанье пришлось им по вкусу.

По вырубке сновали лесорубы, притворяясь занятыми и не отваживаясь даже заглянуть под ветви франжипани, словно кухню отгораживал от них магический круг. Аристарх наметанным глазом определил, что парни не ужинали, так сильно смущались в присутствии белошвеек. Вид одного только Леха, жующего стебель травы, красноречиво свидетельствовал...

Аристарх усмехнулся, но вспомнил, что сутки назад еще больше оробел, впервые увидев звездных принцесс.

Он чуть ли не силой втолкнул парней в походную кухню с приказанием поужинать, шишка им в рот. Бригадиру было не до церемоний - в лесу остался пилот Тимох, а ночь

пугающе близка.

Но его мытарства еще не закончились.

Небо нахмурилось тенью, и на вырубку приземлился корабль «осовцев» с эмблемой ОСС – Орбитальная служба спасения.

«Я что-то пропустил? Моя лесосека теперь – центральный иланский космодром?!» – мысленно ругнулся Аристарх.

Его люди насторожились.

Белль смотрели на бригадира с тревогой, ожидая от него указаний.

Аристарх приготовился отделаться от осовцев, с какой бы целью они ни прилетели, и как можно быстрее. Иначе...

Пилот, йло. Пилот один в лесу!

– Анна, Мрия, оставайтесь на месте, – распорядился он. – Ребята, сидите и не двигайтесь, за вашими спинами снаружи не видно девушек. Я пойду, разберусь, что за гости к нам пожаловали.

Не собираясь покинуть кабину космического челнока, с бригадиром поздоровался пилот-«осовец» и остался в своем кресле, вежливо отказавшись и от горячего сбитня, и от кварты холодного забродившего кленового сока.

А на землю сошла знакомая мадам белолшвейка – и с ней робкий маленький мальчик.

На этот раз мадам была не в форме пилота, она выступала в длинном платье и высоком головном уборе. Когда мадам двинулась с места, мальчик двинулся за ней как привязанный. И этим не понравился Аристарху. Но вдруг ребенок увидел что-то за спиной бригадира. Его лицо ожило, он широко раскрыл глаза, ойкнул, сорвался с места и побежал, не обращая внимания на предупреждающий окрик госпожи.

Рейнясу увидел Оази:

– Моя новая Матруна?! – он с разбегу запрыгнул ей на руки.

Девушке пришлось подхватить мальчика.

– Ого, тяжеленький! – сказала Оази.

– Я не тяжелый! – возразил Рейнясу, порываясь потрогать очки на Оази и встречая ее сопротивление.

– Достань все ручки и выпусти опорные колесики, чтобы ты не упала и носила меня долго-долго!

– У меня только две руки, – призналась Оази.

– Такая модель?

– Такая модель, – засмеялась девушка.

– У моей Матруны было четыре руки и два щупика, чтобы чистить мне носик и ушки! Она была супер! Я скучаю по ней... – протянул ребенок. Прижался к плечу Оази, обнимая ее за шею, затих, а потом сказал:

– Может, ты – Матруна для старших детей? Старших уже не надо брать на руки. Хоть у тебя две руки, все равно ты мне нравишься: ты теплая и мягкая, и ты смеешься...

Подошедший к ним Аристарх решил внести ясность и сказал:

– Ребенок, она человек, девушка, и у нее есть имя: Оази. И не трогай ее очки.

Рейнясу долгим взглядом окинул Аристарха, соскользнул с рук Оази на землю, взглянул

на нее, на бригадира, снова на Оази и тихо пробормотал:

- Вижу, что человек. Она твоя, да? Я опять один. Отрываются пуговицы... Все оторвались. Ни одной не осталось.

И сильно сморщил лицо, переживая свое горе.

Ксантиппа, со стороны наблюдавшая эту сцену, отозвала Аристарха и пояснила:

- Этой ночью мальчика сняли со скалы после крушения туристического аэрокraftа над Северным кольцом у Малеона. Погибли все, кто оказался на открытой палубе. Когда прилетели осовцы, тела резали крабы. Мой пилот рассказал, что никогда еще не видел такой ужасной картины. Рейнясу выжил благодаря киберняне. Его Матруна непрерывно посылала сигнал бедствия, отгоняла крабов, а потом заблокировала свои сочленения, чтобы удержать мальчика, даже если процент разрушения ее систем достигнет критической отметки. Когда прибыли спасатели, его покореженная Матруна уже была не более чем люлькой, в которой спал подвешенный на ремнях ребенок. Крабы толкали люльку к обрыву, чтобы расколоть и добраться в середину... Перед тем как заснуть, мальчик видел то, чего ему бы лучше не видеть никогда.

Ксантиппа тяжело вздохнула, украдкой вытерла повлажневшие глаза и вернула на лицо спокойное выражение.

- А тебе идет возиться с детьми, красавица! - похвалила она Оази.

Оази зарделась от радости. Никто никогда еще не называл ее красавицей.

Оази сказала:

- Если бы можно было оставить мальчика здесь на пару дней, я думаю, это было бы здорово! Лес и дети ладят между собой, если их этому учить. Когда я закончу практику, я мечтаю писать научную работу на эту тему.

- Ты молодец! - задумчиво ответила госпожа, погруженная в свои мысли. - Но я не оставлю мальчика. Не сейчас. Завтра - может быть. Да, пожалуй, мы вернемся сюда завтра, хорошо, Рейнясу? Но сегодня его надо увезти в столицу. Мы приехали повидаться с офицером Тимохом Реем Гвенном Тимофеем. Он опекун ребенка.

- Старший звездный брат! - поправил госпожу Рейнясу.

- Твой старший брат, - кивнула госпожа, ласково и грустно оглаживая мальчика по голове. - Мы надеялись застать его здесь.

- Он был бы здесь, если бы не эта задержка, - грубовато оборвал бригадир. - Мне каждая минута дорога. Я сейчас отправляюсь за Тимохом, мотоцикл ждет.

Да только вернуться мы вряд ли успеем. Сделаю все, что смогу, а не успею назад - останусь с пилотом в лесу.

Ксантиппа посмотрела на Аристарха, решительно оседлавшего мотоцикл. Вдруг сделала повелительный жест и процитировала:

- И куда я буду в силах - с ними пойду...

Аристарх взглянул на старую белошвейку, словно открывая ее для себя, и, сбавив газ, продолжил строфу:

- И боюсь не того, кто приходит в ночи как тать, Но боюсь, что останусь здесь, а они - пропадут, А вместе совсем не страшно и пропадать.

Они произнесли последнюю строку вдвоем и в унисон.

- Курухуру хороший поэт, - кивнула Ксантиппа. Деловито добавила: - Аристарх, не рискуйте. Почему вы не поднимете в воздух диск? Он неисправен?

- «Азалия» в отличном состоянии, но ее перелет привлечет внимание. Диск, заходящий на посадку в лесу, второй случай за двое суток, и оба - с нашей делянки. Это невозможно представить как форсмажорные обстоятельства.

- Аристарх, даю вам слово: завтра ваш перелет станет абсолютно неважным и в Вечном Мае, и в Содружестве. Вы верите мне?

Бригадир покачал головой:

- Каким образом?

Наставница белошвейек молча протянула ему ферромб - сплав с планеты Феррум ромбовидной формы, знак, позволявший беспрепятственно явиться на аудиенцию к лицу, выдавшему его.

Он поверил. Довод убедительный.

Он был шокирован.

Старая дама оказалась персоной с полномочиями представителя целого населенного мира - планетоида или колонизированной планеты.

Через несколько минут «Азалия» улетела на запад, полыхавший багрецом и золотом.

Наставница попросила Оази уделить Рейнясу еще немного внимания и призвала для беседы Мрию и Анну.

Она обняла каждую белошвейку, сначала Мрию, потом Анну. Полюбовалась на новорожденную, сделав умильное лицо, какое делают, глядя на младенцев. О чем-то тихо пошептала с белошвейками. В их разговоре было все: и тахионный след в эpsilon, и возвращение с изнанки мира, и вопросы о самочувствии белль.

Анна передала Ксантиппе найденный дневник Айоки. Она очень гордилась этой находкой. Госпожа удивилась и бережно приняла реликвию.

- Подумать только, что можно обнаружить в старых заброшенных схронах! Записи целы от начала и до конца?

- Кто-то вырезал концовку, - отчиталась Анна.

- Это я и хотела узнать, - кивнула Ксантиппа. - Когда-нибудь ты получишь доступ и к последней части документа; будь умницей.

- Вы знаете, чем заканчивается дневник?!

- Еще бы мне этого не знать? - буркнула наставница. - Но это секретная информация. Не спешите, девочки. Всему свое время.

- Вы грустны, госпожа. Вас беспокоит что-то? - заметила Мрия.

- Да, милая. Я переживаю потерю лучшего друга. Сердце вдруг напомнило о себе, и я торопилась повидаться с вами... Но у нас мало времени. Анна, Мрия, вы успели надиктовать ваши отчеты? Это обязательно. Ваш опыт бесценен. Хотя... моя теория говорит, что это уже не ваш опыт, по крайней мере не твой, Мрия.

- Мне нужно это знать? - спросила первая мастерица.

- Зависит от тебя: хочешь ли ты знать?

- Да, - послушно сказала Мрия, - мне нужно знать все, что важно для моего внутреннего роста.

- Я тоже так считаю, иначе не стала бы начинать этот разговор.

Ксантиппа обратилась ко второй белль:

- Анна, поддержи, будь добра, малышку и будь рядом с нами, я не хочу ничего скрывать

от тебя. Дело в том, девочки, что ваше возвращение из эпсилон – невероятное явление. Небывалое. Невозможное. Я думаю, удастся ли использовать ваш опыт в дальнейшем. Что-то мне подсказывает, что нет. Никто не может вернуться из эпсилон.

- Но почему?! – воскликнули белль. – Мы же вернулись!

- Вы уверены, что вы – это те девушки, которые канули в эпсилон?

- О?!

- А я – та самая госпожа Ксантиппа, которая когда-то вручала вам код доступа к кораблю и «АДРОНу»?

Белошвейки молчали, уставившись на наставницу.

- Кстати, об «АДРОНе». С квантовым компьютером не все так просто. Вы, конечно, знаете, что возможности «АДРОНа» превосходят все, что было создано человеком. Практически квантовый мозг породил себя сам на основе более ранних компьютерных систем, разрабатывавших торсионные схемы для межзвездных полетов. Затем он назвал звездному человечеству и определил себя на службу белль.

- Я задумывалась над этим, – призналась Анна.

- И пришла к какому-нибудь выводу?

- Пока нет, – честно ответила вторая мастерица.

- Но тебя тоже удивил тот факт, что «АДРОН» неявно и очень деликатно, но, по сути, сам принял решение служить белошвейкам и никому другому?

- Нисколько. «АДРОН» выполнял задачи обеспечения транс-переходов, он постоянно связан с десятками белль, нуждающихся в нем. Интеллект делал то, для чего предназначен: он решал самые сложные задачи из всех, какие только существуют. Что может быть сложнее, чем просчитывать создание нового наряда?

- Возможно, возможно... мне бы твою уверенность. На мой взгляд, существует проблема сложнее пространственно-временных деформаций. И она связана именно с белль, с нашей работой. Первые мастерицы неизбежно рискуют, обеспечивая полеты Звездной флотилии. Риск существовал до эры появления «АДРОНа», риск остался и в эпоху «АДРОНа». И несчастье с Мрией тому свежий пример. ...Тогда спросите себя: почему не справляется совершенный «АДРОН»? А потому что, наоборот, он отлично справляется. И даже способен на большее, чем просто создавать шестимерные схемы искривления пространства-времени. «АДРОН» позволяет – вдумайтесь в это слово, мои девочки, – позволяет белль выпасть в нуль-точку эпсилон, где нет и не было ничего и где нужен лишь первый импульс к началу нового сотворения. ...Вот тут-то «АДРОН» приходит к выводу, что одного только его безграничного интеллекта для начала творения мало. Ему нужна белль с привязкой к прошлому существованию. Нить белошвейки – как пуповина, питающая новую вселенную импульсами, идеями, образами, мечтами. Страстями, верой и неверием, надеждой, мизантропией, любовью и ненавистью, – всем, чем избыточна наша вселенная. Первая мастерица – проводник для всего этого.

- Вы это к тому, что я сейчас нахожусь в новом мире, созданном из моего жизненного опыта? – спросила Мрия.

- Именно так! – подтвердила госпожа. – Тебя не дождалась назад. Белошвейки никогда не возвращаются из эпсилон. «АДРОН» ветвит действительность. Мы сейчас находимся в новой версии вселенной, точно такой, как прежняя, но не обязательно. Может быть, твоя вселенная похожа на оригинал лишь в той части, в которой обитаешь ты. А в других местах она может серьезно отличаться от оригинала. Увы, мне уже не по силам это проверить.

- Госпожа, в это трудно поверить...

В глазах Мрии закипели слезы.

- Вы и раньше рассказывали нам о ветвях параллельных вселенных. Но я тогда многое не

понимала. Я пыталась представить: как это может быть? В какой момент разветвляется мироздание? Я до сих пор ничего не чувствую... такого... особенного... Мой Ветер, Анна... они такие же, какими я знала их до эпсилон.

- А Надежда? Ты довольна дочкой?

- Да! Она - лучшее, что только может быть!

- Ты знала точный день ее рождения?

- Знала...

- И?

- Она родилась в эпсилон на пять дней раньше срока.

- Ты рожала ее в сфере?

- Конечно. Одна я бы не справилась.

- Одна она, видите ли, не справилась бы. Ну-ну, - проворчала госпожа, отвечая своим мыслям. - И толком не помнишь роды?

Мрия удивилась:

- Да. Почти ничего не помню.

- Вот. Думаю, в этом месте началось ответвление.

- Получается, я, и Ветер, и Анна с Тимохом, и вы, госпожа: все мы - дубли? Как эта планета - дубль Ило Семилунного, а солнце - дубль Ило-Соло? А что случилось со всеми нами там... в первой ветке?

- Откуда мне знать? Я, что ли, создавала тот кластер? Скажи лучше, да не виляй, что ты думала в эпсилон? Что занимало твои мысли без остатка?

Мрию била нервная дрожь:

- Я страстно хотела, чтобы меня спасли. Меня и малышку. Ради нее, моей доченьки - ей нужно жить. Нас спасают, спасают, спасают... Обязательно спасают, непременно спасают!

- И помощь пришла, не так ли?

- Да.

- И с этого момента тебе ни разу не нужно было действовать. Да?

- Все складывается как бы само собой. Я словно не успеваю за событиями, я лишь наблюдаю, что происходит вокруг меня...

- Что ж, - протянула задумчивая Ксантиппа. - Еще один плюс в пользу моей теории. Живи на доброе здоровье в мире, который ты создала исключительно для себя. И для своего ребенка.

- Я была перепугана, я была на грани отчаянья...

- О, еще и это! Пожелаю тебе не пугаться более, хоть не уверена, что мое пожелание сбудется в твоём кластере реальности. Не удивлюсь, если персональное счастье белль Мрии покоится на двух китах: одного зовут «Страшно», а другого «Сделайте что-нибудь для меня!» ...Ладно. Возьми себя в руки и хватит скулить, молоко пропадет. Это тебе урок и повод для размышлений. На всю оставшуюся жизнь. Живи и помни, что своим благополучием ты постоянно будешь обязана кому-то. Хотела бы я знать, сколько народу успеют поучаствовать в этом сценарии и останутся ли рядом Ветер, Тимох, Анна?

- Ветер... Он останется до конца моих дней, - едва слышно, но твердо сказала Мрия.

- Так сильно ты этого хотела? Сузила свою жизнь до тесного круга, в котором нашлось место лишь мужу, вцепившемуся в твою юбку, и ненаглядному ребенку? - ответила пронзительная госпожа. - Вечный Космос, может, это и к лучшему. Тогда от тебя отлепятся Тимох и Анна - уж они точно не заслужили кружиться на твоей орбите до конца своих дней!

- А вы, госпожа, вы откуда знаете?

- Про кластер?

- Да. Может, это неправильная теория.

- Где твой «АДРОН», милочка?

- Он отключился в эпсилон, в то время когда к нам взывал «Певень».

Ксантиппа подумала: «Перед зарей, значит. Птица певень разгоняет демонов ночи и возвращает нас в реальность дня. „Певень“ пел твое второе рождение в рожденной для тебя новой вселенной».

Мрия говорила:

- «АДРОН» сообщил, что загружен до предела и дело, которое он сейчас делает, - важнее не бывает. Тогда с этим трудно было не согласиться. Но больше мой «АДРОН» не связывался со мной ни в точке невозврата, ни в пути, ни здесь, на Семилунном.

- Ну и? Пораскинь умом. Чем может быть так занят квантовый компьютер, этот безразмерный мозг, который легко, повинувшись движению твоих пальцев, трансформировал ткань пространства-времени вокруг Звездного флота? Который подчинялся только тебе и знал тебя так, как ты сама не знаешь? Что загружает его мощности без остатка?

- Он занят проецированием параллельной ветви мироздания? - охнула Мрия, проникаясь теорией Ксантиппы. - Он конструирует этот мир для меня?!

- Тебе тяжело свыкнуться с этим? Эпсилон девственно чист от чужой мысли и воли - идеальная площадка для развертывания всего сущего с нуля. «АДРОН» не мог упустить такой шанс! И он старается, угождает, делает точь-в-точь, как заказывали! - произнесла Ксантиппа. Вздохнула: - Твой контакт с квантовым мозгом был настолько полный, что вы умудрились оставить нить: четкий след до провала в небытие, а это невероятно трудно. Не каждой белошвейке такое удастся. Может, белль и пропадают в эпсилоне, но только не те белль, которые так сильно связаны со своим прошлым. Эти - самые непредсказуемые, космос бы их побрал! Они тянут, тянут, тянут с собой старые страхи, сомнения, ревность, озабоченность, привязанности, любвишки... А в результате «АДРОН», возвращая «Иглу» в точку невозврата, на самом деле подсовывает иную реальность: альтернативную вселенную, новый персональный кластер для своей белошвейки. «АДРОНу» это как раз по плечу - задача, достойная его интеллекта. На такое дельце и усилий, и вечности не жалко! А белошвейка - что?

Отправная точка, благовидный предлог запустить механизм сотворения мира. Ведь цель-то - не придерешься, цель - сделать белль счастливой!

Анна с девочкой на руках ходила за спиной собеседниц, меряя шагами лужайку, и молча вслушивалась в разговор. С каждым кругом ее шаг становился тверже, выдавая растущее внутренне напряжение.

Она видела тугие косы Мрии, уложенные на макушке в высокий гребень. Анна рассматривала эту красивую породистую голову; наблюдала, как повинно склоняется гладкая и крепкая, плавно переливающаяся в округлые плечи шея подруги. Анна слушала речь Ксантиппы и думала о том, что наставница «делает коридор действительности слишком узким». И Мрия заперта в нем, и не сопротивляется, и уже начинает верить госпоже и казнить себя. Мрия даже не замечает, что Ксантиппа намеренно не оставляет ей шансов оправдаться и вернуться к прежней внутренней свободе - главному инструменту, вручаемому белошвейкам первой триады вместе с

«АДРОНОм» и «Иглой».

Внутри Анны постепенно росло сопротивление.

Она вмешалась в беседу, дерзко нарушив правило, которому учили на «Галере»: с госпожой одновременно может разговаривать только одна белль.

Анна решительно перехватила ребенка поудобнее и держала Надьжду, как древко стяга, вертикально. Вид у нее был самый решительный.

Вторая белль сказала:

– У меня есть только моя жизнь и мой опыт. «АДРОН» ни при чем, ничего он не создает лично для меня или для Мрии. Я прекрасно помню, как тяжело было поддерживать патрульный корабль в эпсилон – невероятно, мучительно тяжело. Я думала, не переживу тот полет. Победили мой труд, моя воля, мое терпение и действие, равное противодействию. И никакой мистики. Я справилась сама, «АДРОН» оставался только моим инструментом. Если это – не настоящая жизнь, то я не знаю, что может быть более реальным. Госпожа, ваша теория – только теория. Теорий много, они разные, на любой вкус и в каждом времени свои. Иногда теории отступают под натиском фактов. ... Помните, вы учили нас не обращать внимания на космофлотские суеверия? Это искусственно посеянные слухи, говорили вы, как и сплетни о белошвейках – беспросветных дурехах, нуждающихся в твердом руководстве. Обществу выгодно заблуждаться насчет нас, и поэтому бесполезно доказывать, что мы – другие. И самое правильное для белошвейки – не поднимать глаз, а на самом деле – быть себе на уме. Это избавит нас от ненужных проблем и в итоге обернется большей свободой, свободой в квадрате, в кубе для всех белошвеек космоса. Нас держат особняком, отдельно от Звездной флотилии, потому что так проще: меньше недоразумений, меньше недопонимания, меньше вопросов. Зачем раздражать общество мыслью о том, что в руках белль неограниченные возможности? ...И вот мы следуем этому правилу. Но потом получается, что почти невозможно донести то, что узнали белль, до остального звездного человечества. И никто не помогает нам проверить наши открытия. Я не знаю, хорош ли этот старый порядок. Ведь он создает барьеры для информации. Что может быть вреднее?

Ксантиппа развернулась ко второй мастерице всем корпусом.

Она оценила уверенность белль и сделала знак Мрии забрать дочку у решительной подруги:

– Продолжай, продолжай, девочка! Это интересно, и в этом – ты вся! Только к чему ты клонишь?

– Ваша теория кластеров может оказаться вашим личным заблуждением. Вселенная слишком невероятная, слишком сложная, слишком ценная, чтобы обращаться с ней, как с разменной монетой – бросать и заменять на другую, и все ради благополучия одной девушки. И тогда, выходит, все мы существуем в одном-единственном экземпляре. И «АДРОНЫ» созданы лучшими умами человечества, а не наоборот. И торсионные поля вполне физические константы, хоть ум человеческий пока не может их понять. Когда-нибудь я узнаю, есть ли кластеры на самом деле, и одной спорной теорией станет меньше. И я рано или поздно узнаю правду об эпсилон, если мне хватит на это жизни.

Ксантиппа помнила, от кого уже слышала эти слова. Патрульный пилот сказал так, бросаясь в эпсилон.

Наставница подумала: «Зачем я все это наговорила? Что я изменила в их молодой жизни? Сделался ли после моих слов легче их путь?.. „Не там, где Лета плещет свое забвение, а там, где жизнь пока еще ходит по воду, даруй мне, Господи, редкостное умение – смолчать по поводу, а не сказать по поводу...“»

Ксантиппа приказала себе вернуться в действительность, и ее окружили запахи и звуки. Она отметила, как свежа зелень вокруг, как бьется веселый пульс леса и как молоды и хороши собой ее воспитанницы среди растений этого юного мира...

Ксантиппа улыbnулась девушкам:

- Ты молодец, Анна. Возможно, ты полностью права. Мир?

Они обнялись.

- Чем займетесь, мои драгоценные?

- Ничем особенным, - за двоих ответила Анна и облегченно вздохнула, обрадовавшись концу тяжелого разговора. И сзади обняла прибодрившуюся подругу: - Я перемою зелень для салата, испеку хлеб на утро. Эти люди, лесорубы, рано начинают работу и работают до вечера. Надо помочь им по кухне.

Мрия подхватила:

- Я натрашу спелых вишен, Оази нас угостила и показала, где растут. Может, это вовсе и не вишни, но похожи. И вкусные-е-е.

- Эх, жаль, мне пора, - сказала Ксантиппа, устало, тяжело поднимаясь со скамейки. Белошвейки никогда не видели госпожу такой разбитой.

- Люблю фрукты. Завтра соберите чашечку вишен и на мою долю, если не трудно.

Рейнхус спросил у Ксантиппы, когда прощался с Оази, доброй и ласковой с ним:

- Завтра разрешишь мне вернуться к Оази, чтобы мне было к кому просыпаться?

И молчал во время полета в Вечный Май, прижавшись носом к иллюминатору.

Ксантиппа тоже впала в глубокую задумчивость, похожую на оцепенение. Она размышляла: «Им осталась одна ночь на планете. Почему я переживаю за них? Это всего лишь одна ночь. И она последняя. Они хорошо справляются. Но я боюсь, потому что сегодня уже потеряла любимого. Ночь унесла его. Петре был моей опорой - далекой, почти бесплотной, но он был со мной всю жизнь, и без него я не мыслю эту вселенную».

Губы наставницы белошвеек беззвучно зашевелились: «...ты не услышишь: слишком плотно уложены месяцы междувстречий. Медленно время о нас сочиняет книжку, да и сюжет, похоже, не безупречен. Вычесть из буден яркие крохи счастья - и не поймешь, на чем наш дуэт основан. Внутренним голосом силилась докричаться - до немoty сорван...»

До немoty, до немoty сорван...

Глава девятнадцатая

Ночь всех проверит

Ушки неподвижно стояла в середине вырубki, вслушиваясь в звуки вокруг. Это что-то новое: говорили больше вершины деревьев. Верхушки деревьев были беспокойны. Оази придумала, что сегодня деревья собираются наблюдать ночное небо: там что-то произошло накануне и что-то произойдет вскоре, и деревья сговариваются между собой. Она любила придумывать всякое такое о лесе. Это даже входило в ее профессиональную подготовку: работать с лесом, как с живым и уникально сложным организмом, и наделять его разными качествами.

Ветер слонялся все больше рядом с Мрией, но ему надоела праздность, и галерец, обойдя со скучающим видом технику вальщиков леса, набрел на Оази-Ушки. Ветер подходил и подходил все ближе, а она стояла, повернув в его сторону лицо в желтых круглых очках, плотно обхвативших ее голову широкими эластичными дугами. Казалось, она рассматривает галерца.

- Привет! - сказал Ветер. - Чего ждем?

- Здравствуйте! - ответила Ушки. - Я наблюдаю...

- Друг по случаю однажды купил у контрабандистов такие очки. У них линзы работали в ЭОП, да, в ЭОП, как у тебя, но еще в инфракрасном свете - какая-то сложная филь... фиксация лучей. - Он осознал, что подзабыл нужное слово, но, судя по виду, девчонка малость туповата и вряд ли заметила его ошибку. - Я к чему говорю: в тех очках можно было видеть человека без одежды. Ты любишь разглядывать голых парней? Нормально, че. Я никому не скажу. Я в хорошей форме? Ни-че? Дашь посмотреть?

Оази задохнулась от унижительного подозрения и растерялась, и как будто приклеилась к месту, а Ветер подцепил пальцем ее очки и снял их так, что вздыбилась челка над покатым лбом девчонки. Оголил не знавшую солнца, всегда спрятанную под очками кожу лица от носа и до бровей. Разглядел слепые бельма на месте зрачков и два симметричных отверстия на височных костях девушки, дышащих тонкой белой пленкой, окантованных трехлепестковой розеткой - оголившиеся биоразъемы, соединявшие флорлингвиста с ее очками.

Испугавшись собственной грубой выходки, галерец уронил очки и попятился.

Лех, свидетель происшествия, возмущенно свистнул, спрыгнул с форвардера и понесся, как носорог Глизе, на галерца.

Ветер понял, что будут бить. Он пустился наутек.

Тяжелый крепыш Лех, непривычный к бегу, разъярясь все больше, гнал галерца к лесу.

Галерец забирал на середину вырубki; быть загнанным в лес ему не хотелось, он еще не забыл ощущение мозгокружения, преследовавшее его в джунглях.

- Оази, стой на месте! - кричала Анна.

Она видела, что очки девушки упали на край рыхлой колеи, сверкая в низких лучах солнца имитацией желтых стекол. Одно неосторожное движение - Оази оступится и растопчет свой прибор.

Митто собирался еще немного поработать до заката на машине Аристарха - они опаздывали с рекультивацией почвы, - но какая работа, если обидели бригадного флорлингвиста?! Митто заорал, сигая вниз с подножки кабины:

- Йло! Да что ж это такое?! Вызвездок с ума сошел, что ли? Это же Ушки! Ее же вообще трогать нельзя - полный дисквал! Да на нас же лес пойдет войной!

И тоже ринулся на перехват галерца, вооружившись тем, что под руку попало: разводным ключом.

- Очки под ногами, Оази, не ходи, я подам их тебе! - кричала Анна на бегу.

Оази слышала голос второй белль.

Вторая белль, прекрасная, как сказочная фея. Она находится далеко, но видит упавшие очки и, конечно, видит ее, смешную Оази. Оази присела, спрятав в ладонях лицо, испорченное гримасой обиды, жалкая и беспомощная.

Ветер скакал по кочкам вырубки. Он несся к тому месту, где стояла колыбель с Надьей и его Мрия.

Оази вдруг услышала, нет, ощутила мгновения странной тишины.

Люди-то двигались, слышен был топот бегущих ног, разных ног; она слышала голоса людей на вырубке, разные голоса. До нее доносилось сопение с одной стороны - так сопит Митто. Стремительный и легкий ход кроссовок с другой стороны - это Анна мчится на помощь...

Звуки-то остались...

Оази сначала не могла объяснить себе: почему она назвала это - ТИШИНА?

А потом поняла и содрогнулась: лес, всегда звучавший для нее неумолчным, красноречивым, особенным многоголосьем, вдруг онемел. Живность и птицы, не такие продвинутые, как деревья, продолжали петь, чирикать, свистеть и щелкать, но лес - лес зловеще молчал.

Оази, бросив попытки нащупать очки, стремительно вскочила и, поворачивая из стороны в сторону невидящее лицо, подняла обе руки в предупреждающем жесте.

Лес готовился к чему-то, и об этом нужно было предупредить.

- Оглянитесь! - пискнула Оази. - С лесом что-то не так!!!

Штабель аккуратно сложенных бревен дрогнул.

С громким щелчком, похожим на выстрелы, раскрылись два левых фиксатора, лежавшие сверху стволы сорвались с предназначенного им места. Падая, они задели нижние фиксаторы, массивная решетка крепления штабеля упала под наклоном, и бревна ринулись по ней и дальше вниз по склону, раскатываясь и набирая скорость. Бревна неслись и заворачивали как раз в ту сторону, где стояла Мрия у колыбели с младенцем и куда бежал, не помня себя, Ветер, оказавшийся на пути раскатывающегося штабеля.

Ветер на бегу оглянулся на догонявшие его бревна, завизжал от страха, свернул и в три нечеловечески огромных прыжка оказался в стороне, вне опасности.

Бревна катились дальше, на Мрию и ребенка.

В небе над лесосекой Аристарх, вернувшийся с пилотом Тимохом, заходил на посадку.

Оценив размеры опасности, он вывернул рычаг управления так, что летающий диск поставило практически на ребро. «Азалия» перекадилась над землей и рухнула на пути первого ствола. Удар бревна был так силен, что диск лесорубов подпрыгнул. Следующие бревна, налетев на челнок, смяли маневровые сопла. Дубовый ствол торцом распорол днище «Азалии» и высунулся в салон как раз под креслом Аристарха.

Ветер, родившийся в рубашке, свалился в рытвину, в которой и пережил падение диска лесорубов чуть ли не на голову себе.

Мрия лежала на земле в десяти метрах от диска, и Аристарх видел ее крепко зажмуренные глаза и разметавшиеся косы.

Первая белль успела воткнуть в землю армированный столбик с надписью «Осторожно:

валка леса!» и вцепилась в него мертвой хваткой. Белошвейка сгруппировалась, зная, что ее тело примет на себя удар бревен. Она надеялась на то, что это остановит раскатывающиеся стволы и колыбель с девочкой уцелеет. Подоспевшие лесорубы с трудом выдернули из почвы столбик. Мрию пришлось отрывать от него силой, и ей разжимали по одному побелевшие пальцы, удивляясь молниеносной реакции белль. Мрия шептала, как в бреду: «Я сама! Сама! Сама!» Лицо ее было мертвенно-бледным, на щеках горел лихорадочный румянец, взор блуждал по лицам лесорубов, словно она хотела убедить их в чем-то, понятном только ей.

Анна нервно икала. Она старалась скрыть свое состояние, но ее тело сотрясало от очередного спазма. Она подобрала с земли очки Оази, помогла слепой начисто протереть биоразъемы и посветила на них обеззараживающим лучом кварцевого фонарика. Страх пережитого выходил из второй мастерицы тихой истерикой.

Лесорубы молча окружили «Азалию».

Их транспортник смят, и отвечать за диск придется самим.

Для оформления страхового случая, чтобы объяснить происшествие, они должны сдать властям патрульного пилота, вызвездка с «Галеры», двух белль и младенца. Беглецов разлучат, отправив в разные тюрьмы, а малышку отдадут на воспитание в чужую семью. И это будет наверняка, и девушки пострадают первыми – в Звездном флоте есть те, кто презирает белошвеек. Эти люди готовы воспользоваться любым предложением и показать, что поставить на место зарвавшуюся обслугу не трудно. Кубо-кубо всех планетоидов радостно затрепещат: «Закон для всех один, деятельность белошвеек пора жестко контролировать! Мы этим займемся в самое ближайшее время!»

Их бригадир, Аристарх, выкарабкался из диска, похлопывая себя по заду, словно проверяя, все ли на месте.

Потоптавшись в молчании, пару раз шумно вздохнув, он сказал, заглядывая под днище «Азалии»:

– Ф-ф-ф! Ф-фсе поправим. У меня есть знакомые ребята, залатают в кредит и ничего не спросят.

Неожиданно сорвал с наголо бритой головы кепку и с силой швырнул оземь:

– Йло!!!

Успокоившись, негромко прогудел, обращаясь к своей бригаде:

– Мы не будем его бить, ребята. Ночь скоро. Ночевать, сами понимаете, придется здесь.

Аристарх отправил прочь своих лесорубов, приказав ехать на форвардере к ближайшей горе, а там сигнальте и объясняться по наручням, чтобы их подняли наверх. Со стороны лесосеки не было годного подъема к ночному лагерю, склоны слишком крутые. Но его ребят не оставят под горой, обязательно подберут; на стоянках собирается десятка три работяг и разной техники, за ними отправят другой диск или, если дроны в порядке, перетаскают наверх дронами, по одному.

Лех, потянувший ногу, вызвал себе аэротакси из столицы – это можно, это не вызовет подозрения. Всякое бывает на лесоповалах.

Аристарх распорядился, обращаясь к Оази:

– Ты поедешь с Лехом.

– Нет! – воскликнула Ушки. – А Надья? Я буду в городе, а малышка останется здесь?!

– Я не отдам дочку, – хмуро произнес галерец. – Нам можно заночевать в «Азалии», ты, бригадир, сам это говорил. Корабль герметичный, что флорники ему сделают?

– Уже не герметичный.

- Я соображаю, не сомневайся. Заткнем дыру полисоновой сетью, укроемся сетью - у вас ее немало. Что скажешь?

- Я думаю, - ответил Аристарх. - Есть над чем подумать, чужак.

- Вы меня извините, - сказал галерец (Тимох и Аристарх чуть не поперхнулись от неожиданности - галерец впервые извинился), - но есть в этом всем какой-то перехлест.

- В чем «этом всем»? - уставился на него бригадир.

- Ну, лес, фиал. Почему бы местным просто-напросто не иметь под рукой скафандры? И все!

Аристарх длинно выдохнул.

- Зачем, скажи на милость?

- Ну... чтобы не рисковать...

Ветер додумал свою мысль и пояснил:

- Не надо бросать срочное дело, потому что, видишь ли, ночь наступила. На кораблях флотилии день и ночь - все одно. Для многих день продолжается и ночью, ночные смены, например. Или вахты. А отоспаться можно в любое время. Тимох, я правильно говорю?

Аристарх даже не сразу нашелся, что ответить. С вывездками всегда так: они являются со своими привычками, и, по их мнению, планета должна научиться соответствовать всем их гребаным пожеланиям...

Он приготовился ответить, выбирая слова. Человека, галерца то есть, надо подготовить к ночи, а не настроить против ночи.

Тимох выручил его, объяснив:

- Понимаешь, Ветер, мы не просто приземлились на грунт. Мы оказались внутри биома размером с планету. Ты думаешь, цитрозусы выделяют фиал? Все гораздо сложнее. Цитрозусы выделяют его в разы больше других иланских существ, но на самом деле здесь все живое выделяет фиал, и океан в том числе. Даже люди выделяют фиал в минидозах, начиная со второго-третьего дня жизни на Ило. Поэтому местные засыпают раньше и борются со сном аборигенам труднее. И толку заправляться в скафандр, если в нашей крови - фиал?

Аристарх добавил:

- Пытаться спастись от фиала - это как рыбе спастись от воды, в которой она живет.

Оази понравилось сравнение, и она с энтузиазмом закивала, соглашаясь:

- Биом Ило с помощью флорников каждую ночь решает: что мы такое? Любой организм занят тем же, когда в него попадает инородное тело.

- Умно, Оази! - похвалил ее бригадир. - Из тебя со временем выйдет хороший флорлингвист. И сейчас вся наша надежда на тебя: подумай, что мы можем предпринять до наступления ночи.

- Я... я... не знаю. Я не уверена... Солнце уже заходит.

- Говори все, что в голову придет, милая. Положение серьезное.

Оази вспыхнула от слов бригадира, смущаясь и надеясь, что под очками румянец будет не так заметен. Быстро справилась с собой и сказала:

- Сегодня я нашла в лесу серую паутину. Могу развесить ее в нашем челноке и погадать: проникнут ночью флорники, или обойдут нас.

- Почему только в челноке? Погадай нам всем, Оази! - попросил Тимох. - Не помешает.

Мне и белль Анне погадай, пожалуйста.

Оази убежала к вывернутому древесному корню на краю лесосеки и вскоре вернулась, неся что-то большое и невесомое в пригоршнях. Это была кудель паутины. Не верилось, что ее можно распутать, но Оази принялась старательно слюнить пальцы и вытягивать из кудели бесконечную нитку. Она усадила всех рядом с «Азалией», обмотала Тимоха с Анной, попросив не двигаться, потому что пауки не начнут делать свою работу, если человек шевелится. Ветер отказался наотрез, Мрия согласилась, и Оази обмотала паутиной Мрию и новорожденную на ее руках. Аристарх сказал, что будет последним в очереди: сначала нужно развесить паутину в «Азалии».

Оази скрылась в корабле и вскоре вышла оттуда. Кудель в ее руках уменьшилась.

А по нити паутины уже бежали из лесу, как раз из-под вывороченного пня, крохотные пауки, и на глазах у Ветера их серая масса нахлынула на первую пару; пауки плели кокон для Тимоха и Анны.

Кокон уплотнялся и вскоре скрыл патрульного пилота и вторую белль, плавно обтекая их силуэты. Пауки перешли по нити, как по мосту, к Мрии и снова принялись за работу. Ветер позволил им трудиться до тех пор, пока они не загустили слои паутины так, что скоро галерец не сможет видеть жену и дочку внутри кокона. А вот этого он никак не мог допустить и аккуратно снял с Мрии невесомую вязь. На всякий случай не отшвырнул, а разложил рваный паучий «наряд» на траве.

Аристарх попросил Оази завернуться в кокон вместе с ним. Сильно смутившаяся Оази выполнила просьбу бригадира, приговаривая: «Да ведь чтобы каждому сделать кокон – времени совсем мало. А парные сделать я успеваю... Вот еще с десятков витков, и все...»

Крошечные трудяги-пауки, озадаченные разрывом паутины на Мрии, растеклись по траве, нашли продолжение нити, и часть пауков сбежала в «Азалию», а часть занялась коконом бригадира и флорлингвиста.

Мрия прошептала с укором:

- Почему ты не позволил мне завернуться в паутину?

- Бред какой-то! Эти серые дряни первым делом запеленали моего ребенка. Тебя-то они не спешили упаковать, а личико Надьи почти скрылось в паутине. Ты знаешь, что в коконе? Может, ядовитые выделения. Может, трудно дышать. Может, они переваривают внутри кокона людей, как в фильмах ужасов. Нет, Мрия, я такое позволить не могу.

- А что можешь мне позволить? – хмурясь, спросила первая мастерица.

Но Ветер жадным поцелуем закрыл ей рот.

Их никто не видел; Аристарх и Оази уже скрылись в паутине. Все хранили благоговейное молчание. Пауки еще побегали, проверяя свою работу, и отхлынули в лес, как будто что-то всосало серую пыль с травы.

Над горизонтом взошла первая луна. До ночи оставались минуты. Просигналил наручень Аристарха, снятый и оставленный на бревне. Анна и Тимох, Аристарх и Оази продавили затвердевшие коконы и вышли из них. Аристрах заметил, что кокон Мрии слабый, и спросил, тщательно скрывая тревогу в голосе и украдкой обмениваясь взглядом с Оази и Тимохом:

- Белль, уютно было в паутине?

- Не знаю. Вет прогнал пауков, – ответила Мрия, еще не пришедшая в себя от страстных поцелуев истосковавшегося галереца.

- Зря! – придав голосу безразличие, сказал Тимох, а у самого желваки заходили под скулами от нехороших предчувствий.

- В паутине уютно. Она словно кожа, гладкая, обволакивающая, – мечтательно произнесла Анна.

Мрия с удивлением глянула на подругу: у Анны голос, как будто и она сейчас целовалась...

Подруга взглядом подтвердила: «Да!»

Она не сказала вслух, что ощущения были такие, как будто шелковистая кожа соединила ее и Тимоха Рея в одно существо. Они оказались в закрытом от посторонних взоров коконе, сделалось тепло, патрульный офицер прошептал: «Когда я дождусь обещанного, белль? Чепчик, чепчик!» «Я не сказала „да“», – улыбаясь, ответила Анна, чувствуя, что его горячие ладони крепко смыкаются вокруг ее талии и сердце бьется рядом с ее сердцем. «И не сказала „нет“», – произнес одними губами пилот...

Иланцы осмотрели жиденькие пряди паучьих нитей внутри челнока.

Даже менее опытному Тимоху стало ясно: в «Азалии» оставаться на ночь нельзя, это очевидно. Ветер не добился от них внятных объяснений. От ответов и Аристарх, и Тимох уклонялись и ссылались на дыру в днище корабля.

Галерец потребовал полисоновую сеть, и ему принесли сеть.

И помогали заткнуть пробитую дыру и укрыть диск, но не переставали уговаривать не делать этого – не оставаться в корабле.

В конце концов галерец послал всех к хаффу, хоть наступление третьей ночи сделало и его осторожным.

Тимох подумал, что еще сколько-то ночей на Ило – и парень начнет меняться. Может быть.

Тимох отвел в сторону бригадира лесорубов и предложил:

– Отнимем у галерца гусеницу, а? Жалко малышку!

Аристарх пообещал предпринять кое-что получше и без насилия. Тимох и сам знал, что сказал ерунду. Но ребенка надо спасать, раз не удалось уговорить взрослых.

Аристарх подогнал харвестер к дереву геометру на краю вырубки и позвал к нему людей, ради которых остался в лесу: пилота, белль Анну и Оази.

Геометров нельзя вырубать, это дерево, молодое, но уже высокое – выше всех деревьев, – останется, даже когда просека углубится дальше в лес. Аристарх с Тимохом с помощью лебедки харвестера поспешно подтянули на веревках белль Анну и Оази на вершину геометра. Затем бригадир поднял туда же и пилота.

У геометров зонтичная крона, ветви одного горизонта образуют просторную развилку, на ней, как на площадке, можно провести ночь в положении лежа. То, на что решилась компания обреченных провести ночь в лесу, было смертельно опасной авантюрой. Они не могли позволить себе ничего из вещей и одежды: любой предмет привлек бы внимание флорников.

В распоряжении парней и девушек имелись маломощные дроны с подсевшими истощенными микровками (их не догадались заправить). Но нельзя было необдуманно нагружать дронов, летунам предстояла другая работенка: Оази должна обмотать паутиной Тимоха и Анну, потом спуститься вниз, и потом летуны снова поднимут ее на вершину дерева. Вряд ли энергии дронов хватит на большее.

Оази согласилась с этим планом. Они с Аристархом не просто так шептались в паутинном коконе, они успели обсудить, как выжить этой ночью.

Оази тщательно оплела Тимоха и Анну паутиной, приказав им раздеться догола и сбросить одежду и обувь вниз. Потом флорлингвист спустилась на землю, где ее ждал Аристарх, подстраховавший спуск.

Ветер увел Мрию с младенцем в «Азалию» и закрыл мембрану входа.

Расплакалась Мрия внутри диска, переживая смутную безысходность и тревогу.

Снаружи паниковала Оази.

- Что делать? Что делать?! - испуганно зашептала она Аристарху, кривя рот от плача. - Мы совсем не подумали, что они закроются изнутри!

Аристарх (ему некогда было даже обругать себя за преступную недалёковидность) помчался к форвардеру, стоявшему далеко от разбитого челнока. Бригадиру пришлось прыгать через бурелом: ветви, стесанные со стволов, не успели убрать, просека завалена ветвями и щепой и в таком виде оставлена до утра. Он нырнул под сеть, натянутую на его рабочую машину, и исчез на долгую минуту, показавшуюся Ушки-Оази вечностью.

Аристарх бежал обратно, как будто земля горела у него под ногами: семь лун в быстро наливающимся густым ультрамарином небе становились все ярче.

Время! Времени не хватало катастрофически!

- Я принес электронный чип, сейчас открою! - задыхаясь, произнес Аристарх и нагнулся, подставляя голову невысокой Оази.

Ушки, с головой в паутине, как в шлеме (пауки еще бегали по ней, завершая свою работу), лихорадочно оплела шелковистой нитью голову и плечи бригадиру и посадила на него пауков.

- Аристарх, немедленно забирайтесь на дерево! Я в очках вижу сквозь паутину без помех, а вы скоро ничего не разглядите, кокон делается густым!

- Ладно-ладно, - пробурчал лесоруб. - Сейчас полезу в гнездо. Пора? Открываю?

- Они уснули или почти уснули. Пора! Идите же на дерево! Скорее! - умоляла его Оази.

Аристарх открыл своему флорлингвисту вход в «Азалию», а сам побежал к дереву геометру. Он с трудом видел землю под ногами и направление определял интуитивно; паутина на его голове уплотнилась и почти лишила его возможности видеть. Он боялся споткнуться, упасть и расплющить кокон. Тогда фиал усыпит его посреди вырубki. Кокон отсрочит засыпание на десять минут, хорошо. Только бы пауки оплели его плотнее, чтобы фиал не так чувствовался. Густая паутина фильтрует аромат ночи и дарит спасительную задержку...

«Оази-оази-оази» - из-за быстрого бега стучала кровь в его висках. «Только успевай, девочка! Только успевай! И я подпишу тебе практику, и характеристику, и оценки выставлю самые лучшие - если тебе нужны мои оценки... все сделаю! Какая ерунда волнует нас днем! Разве все это важно? Разве это может быть важно? Важно одно - чтобы ты успела!»

Окуляры Оази выдали изображение внутри корабля.

Тускло светила приборная панель помятой «Азалии». Спокойно лежали уснувшая Мрия и девочка в люльке. Рядом, облокотившись на руку, смотрел на жену и дочь галарец, непонятный человек.

Галарец увидел, как разъехалась мембрана входа, который он только что собственноручно закрыл изнутри. На фоне яркой звездной пыли, усыпавшей ночное небо Ило, возникло тонкое существо с огромной неровной головой и нырнуло внутрь корабля.

- Ты пришел? - обреченно спросил Ветер, облившись холодным потом, и почувствовал, что сердце от ужаса прыгнуло к горлу. - Я умер? Поведешь меня в ад? Уже? Я убил неудачника Келвина, но я раскаиваюсь! Меня научили, как правильно каяться, я успел покаяться, пока был жив! Слышишь, ты?!

- Я Оази, - прошептала девушка, догадавшись, что Ветер до смерти испугался ее

появления. – Ты засыпаешь, гость, не бойся, я-с-ва-ми...

Ветер шепнул:

– Милостивая Ясвами! Не оставляй меня! – он схватил ее за руку.

Фиал вошел в силу.

Оази видела, что щеки засыпающего галерца мокры от слез.

Оази набросала паутину на супругов, понимая, что теряет драгоценное время. Не поможет им паутина – в «Азалию» ведь не запустишь пауков, да и пауки скоро потеряют активность и уйдут глубоко в подземные лабиринты.

Она выхватила малышку из колыбели, страдая от того, что не может спасти всех и горячо надеясь, что флорники не потянутся в убежище Мрии и Ветера. Повторяя, как заведенная: «Ловенна б-вилана! Ловенна б-вилана, добрые люди! Ловенна б-вилана!» – выскочила под звезды, закрыла вход в диск и побежала к дереву геометру, прижимая к себе девочку.

Аристарх дождался ее в развилке ветвей, усилием воли прогоняя сон. Он поднял Оази на дерево на веревочной петле, действуя на ощупь и ничего не видя в твердеющей скорлупе паучьего кокона. Бригадир не доверил дронам втянуть девушку на развилку ветвей – дроны едва подняли его самого. Они с флорэкологом много чего не предусмотрели в суете этого вечера, и первое – что диск закроют изнутри. Они сглупили, неправильно посчитав количество подъемов на дерево, которые не могли обеспечить четыре не заправленных энергией летуна... Внезапно Аристарху сделалось все равно, заботы дня отсупили – фиал оказался сильнее. Веревка выпала из его пальцев, но девочка-флорлингвист молниеносно среагировала. Ей повезло ухватиться за тонкие ветки, с трудом, но она подтянулась на руках и через секунду оказалась на дереве.

Когда Оази сняла одежду с себя и младенца, сбросила вещи вниз и бедром прижалась к нагому Аристарху, он уже спал. Оази устроила ребенка между собой и лесорубом, – ей нужна была свобода движений. Оази дрожала, как в ознобе. Фиал начал проникать сквозь кокон на голове и мутит сознание. В ушах тянул ноту противный клаксон – никому не пожелаешь слышать такое!

Но она не боялась ночи.

Только бы задержать сон еще на минуточку!

Оази из последних сил, подавляя зевоту, сводившую скулы, млеющими руками распускала кудель, набрасывая паутину как придется: на плечи, на грудь, на руки, на ноги – себе, Аристарху, ребенку. И снова ребенку, Аристарху, себе.

В очках колыхалась, шевелилась флуоресцирующая масса: пауки слились в одно пятно, пятно облепило два человеческих тела, устроившихся в развилке ветвей у Оази над головой. Пауки разделились, и часть пятна потекла вниз по стволу, к развилке, в которой недвижимыми лежали Аристарх и младенец. Пауки принялись оплетать тела. Оази знала, что, если остаться в паутине до следующей ночи, пауки вернуться, проверят и уплотнят кокон, чтобы их добычу не обнаружили флорники. А если дать им двое суток – они завернут плоть так плотно, что внутренние слои кокона начнут разъедать органику, превратят в студень и вся паучья колония начнет питаться из этого кокона, возвращаясь к нему, пока не будет выедено все. Поэтому в лесах Ило не найти трупов убитых или умерших животных. Серые пауки-стиксы хоронят их.

Глава двадцатая

После грозы

Под утро прошел дождь, и лес наполнился грибным духом. На Тобионе начинался грибной сезон, третий за год. Созрели плоды дюшеса на дереве неподалеку от просеки, их аромат растекался вокруг, заставляя трепетать ноздри, их запах хотелось пить.

Над заболоченными низинами северного Тобиона еще шел ливень, в той стороне стояли фиолетовые тучи. А у подошвы каменного пояса Семи Братьев в свежeweымытое небо готовилось взойти солнце, и с первым его лучом заиграли радуги на краю грозового фронта.

Здесь, на возвышенностях Тобиона, за которыми начинались старые горы, росли местные разновидности деревьев, условно названные как их земные собратья. Эти леса были гордостью Ило; флорлингвисты постоянно посещали эти места, просеки засеивались молодыми саженцами.

...Роса блестела на вырубке, на свежезасеянной, пробившейся из земли траве – там, где Аристарх успел рекультивировать почву. И даже там, где еще влажно чернели глубокие рытвины, а колеи от гусеничных треков машин, до краев наполненные водой, зеркалами-лужами отражали небо, – там тоже блестели миллионы алмазов, росы ли, ночной ли влаги.

Спиленные бревна, омытые дождем и повлажневшие, выглядели нарядно, как новые цветные карандаши, только карандаши гигантские. Желтовато-белые с красно-коричневым ядром стволы тиса соседствовали с белыми стволами граба. Ровно уложенные в штабель, розовели бревна бука, над буком были сложены блестящие, с золотистым отливом, стволы дзельквы. Дуб выделялся темно-коричневым цветом своей тяжелой древесины. Даже стволы поваленных деревьев, еще не подвергнутые обработке, покрытые корой, – серой чешуйчатой, зеленоватой, желто-коричневой, – живописно лежали на краю лесосеки. Их вывороченные из земли корни, наполовину отмытые ночным ливнем, свежо лоснились змеевидными извивами.

Лесоруб Митто отвлекся на корень дзельквы и сказал:

– Вот это находка! Я оставляю себе эту коряжку – ты посмотри! В столице обработанный корень можно неплохо продать.

– Да ладно тебе, – остановил его Лех, вернувшийся из города одновременно с лесорубами, ночевавшими на плато, – где наши люди?

– Прости. Да, где они?

– «Азалия» закрыта?

– Закрыта! – подтвердил еще один лесоруб. – Флорники интересовались нашим диском. Ищите способ попасть внутрь – там точно кто-то оставался на ночь.

Теплый туман, собравший дождевую сырость, отодвинулся в гущу леса, прочь от солнечного света, залившего вырубку, и Митто указал на шатер, устроенный флорниками. Люди не разглядели его из-за тумана. Флорники за ночь густо обвили геометр, оплели его со всех сторон, и дерево выглядело высотным конусом с закругленной вершиной.

Митто указал на дерево:

– Наши ночевали здесь!

– Ловенна б-вилана, только бы все было в порядке! – бормотал лесоруб, разглядывая могучий геометр.

Флорники иссыхали и начали понемногу отваливаться и редеть. Вскоре Лех обнаружил свой харвестер, стоявший под деревом. Потом ребятам с трудом удалось разглядеть в

развилках ветвей геометра два пыльно-серых кокона, покрытых росой, и они заметили их лишь потому, что искали.

- Что там? - спросил удивленный Митху, самый молодой вальщик леса.

- Я знаю, что это. Серая паутина могильщиков-стиксов. Слышал, что она защищает от холода и даже фильтрует фиал. Если дышать через нее, заснешь позже других. Не понимаю, как они рискнули... Это всего лишь паутина.

- Это, небось, Ушки придумала. Их там хорошо учат, в универе! - сказал Митху.

Митто подхватил не без гордости:

- Бродяги-орнитологи толковали, наш бригадир тоже много чего знает. Он уже ночевал в лесу на дереве.

Лех внес ясность:

- Это был его дед. А потом авантюру случилось повторить его отцу. А наш Аристарх - Аристарх Третий. Ему имя перешло по наследству.

- Вот значит как? А нам что делать?

- Сначала откроем «Азалию». Потом вернемся сюда, к коконам на дереве. Я не знаю, можно ли трогать серую паутину снаружи? Поэтому лучше ее не трогать. В любом случае это уже не обязательно...

Лех не договорил, но все поняли, что нужно не мешать событиям идти своим чередом. Если люди пережили ночь - ничего рокового уже не случится.

- Митху, открой люк в диске!

Митху по-мальчишечьи ловко вскарабкался на верхнюю панель «Азалии», открыл аварийный люк и заглянул внутрь. Вскоре он спустился на землю молчаливый и с потупленным взором.

- Они мертвы, - сказал он.

- Все?!

- Парень с рыжими волосами и сказочно красивая белль, мать младенца.

- А младенец?

- Его нет.

- Ф-ф!

- Что ж ты не открыл вход изнутри?

- Растерялся...

- Сделай это, Митху, братец!

Митху, шмыгая носом, полез через люк обратно в чрево «Азалии».

К лесорубам пришел Аристарх.

Работяги обрадовались, увидев своего бригадира живым и здоровым, и обступили его. Аристарх был нагой и босой. Лишь бедра обернул серой ветхой и драной тряпкой. И он поцарапался, спускаясь с дерева.

- Что за карнавал? - спросил удрученный Лех, ткнув пальцем в тряпку на Аристархе, и она порвалась от прикосновения.

- Серая паутина, что-что... - буркнул Аристарх, читая по лицам своих людей события

прошедшей ночи и печальный ее итог.

Тела погибших бережно вынесли и положили перед входом в «Азалию». Ветер превратился в сплошное переплетение мельчайших корешков. Вид Ветера не удивил бригадира лесорубов. Удивило то, что Мрия, похоже, отравлена флорниками, но ее тело осталось нетронутым. В лаборатории Вечная характер вредоносного воздействия определили бы точно, но в столицу тела не отправишь. Аристарх подумал, что это ядовитый куддсу.

Все ли он сделал для этих двоих?

Паутина на Мрие была слабая, Ветер помешал паукам стиксам делать их дело. А паутина, говорят, чистит человека, вместе с ней отваливается нажитая с утра и до ночи душевная грязь.

Есть разные способы снять с себя лишнее.

Миттху, например, чистится по-другому: искусством йоги. Парня так научили в городе.

Умница Оази вовремя вспомнила про паутину, не то бы им всем сейчас лежать рядком на траве...

По-разному люди готовятся к ночи...

Они не могли сказать белль Мрие, что она в беде. Как скажешь такое? Что можно знать наверняка? И что могли изменить их слова?

Они не могли связать Ветера по рукам и ногам.

Да, получается, ничего не могли, потому что никогда нет полной ясности, что будет верно, а что – чересчур...

Бригадир лесорубов, борясь с горечью утраты, постоял над телами супругов, стуча кулаком о кулак и глядя на недвижно лежащую Мрию, еще вчера полную жизни. Он сильно сжал челюсти, так сильно, что хрустнул зуб.

В Вечном Мае, в одной из бесчисленных квартир окнами в небо, в его, Аристарха, берлоге, стоял искусно сплетенный из ротанга старый комод с резными деревянными дверцами выдвижных ящичков. Стихотворение Аристарха Первого хранилось в нижнем ящичке. Стихотворение было написано на шершавой фактурной бумаге для акварели, успевшей пожелтеть за череду десятилетий. Рукописные строки летели поверх нанесенного несколькими умелыми мазками акварельного пейзажа, изображавшего дождливый день в городе на далекой Земле. Аристарх Третий знал, что не сегодня завтра вернется в город, в тишине одиночества достанет этот лист, перечитает полузабытые строки и вот тогда-то заплачет...

«Застыл октябрь, пропитанный дождями, – стоп-кадр полузабытого кино, и каплями, как будто бы гвоздями, держало город – старое панно. На этом фоне оставались в цвете лишь ты и мной подаренный букет; мы двигались по тротуару-ленте, и краем кадра был нам турникет.

Зачем я вас, мой родненький, узнала, спросила ты, смеясь в мои цветы. Я улыбался. Было нам немало, но все моложе становилась ты.

Писать твоё лицо, причёску, плечи пытался я не раз и – пасовал: ты вне холстов, да мне отнюдь не легче. Волна волос, лица простой овал... Но где объём, где свет волшебный взгляда, где магия полуоткрытых губ?..

Не оживет картинка. И – не надо, ведь краски ложь, а холст изрядно груб, чтобы забрать тебя, поймать на плоскость, заставить мир тебя боготворить, приняв как идеал твою неброскость... Есть то, что лучше кистью не ловить. И заключать в слова – пустое дело, пристрастен слишком, даже одержим! Чуть что – не тот эпитет и нажим – и вместо

человека просто тело.

Да, пусть поблекнем, станем октябрем, на город каплями печально упадем, вольемся в смерть как в высшее блаженство; уходит все, и мы с тобой умрем, пройдя банальным, в общем-то, путем... но ты не зря сбылась как совершенство».

Люди ждали Аристарха.

- Помогите собрать барахлишко, - попросил он. - Куртки, штаны на троих человек, плюс на меня тоже, надо прикрыть срам. Мы сбросили все вещи вниз, и флор-ники, небось, разодрали наши гардеробы на сувениры.

Лех протянул бригадиру сменный комплект рабочей одежды и озадаченно спросил:

- Что там квакает в дереве? Никогда не слышал ничего подобного. Вы на геометре не обнаружили, случайно, неведомую зверюшку?

- Неведомую зверюшку? Квакает? - переспросил удрученный Аристарх. - Ах да! Это гусеница кричит. Отсюда далеко, поэтому не разобрать.

- Гусеница?! - хором отозвались его подчиненные.

- Гусеницей патрульный пилот называет ребенка. - Он вздохнул сокрушенно. - Младенец требует еды, сухости, ванночку, а-а, пи-пи, - чего еще там надо младенцам. Имеет право. Она, в отличие от мамки и папки, жива и потому нуждается во всех положенных ей благах. Дайте же мне одежду, и я пойду снимать людей и гусеницу с дерева.

Бригадир зажал под мышкой ворох рабочих комбинезонов.

- Такие дела. Грустно это... - Аристарх сокрушенно покрутил головой. - И не ходите за мной, мы там все голые. Лучше нацедите сока селлозии да поищите чего положено к столу. Поминальному. Сами покумекайте, что собрать, не маленькие...

Оази избегала Аристарха, переживая страшное смущение, и одновременно ей нужно было кому-то передать последние слова галерца. Она подумала и решила: почему обязательно Аристраху? Может, лучше - Тимоху? Ведь это он прилетел с девушками и галерцем, кому, как не ему, лучше знать отца малышки Надьи?

Она покружила в нерешительности, приближаясь к пилоту, и, вдоволь подергав себя за волосы, решила:

- Офицер Тимох, скажите, что значит «каяться»? - спросила она. - Мне мало тех сведений, которые сообщил кубо-кубо. Я хочу разобраться, спасибо.

- «Каяться» - это просить прощения за свой проступок. Так говорят на Звездном флоте, на кораблях, где есть специальные люди, принимающие покаяние. Они в космосе вроде заместителей флорников, только без полномочий расправляться с людьми по ночам.

- Как именно эти люди принимают покаяние? - блестела Тимоху в глаза желтыми кругляшами окуляров Оази.

- Они говорят, что прощают человеку его проступок, советуют больше никогда не поступать против совести и закона, иначе в следующий раз могут и не простить его.

- И если не простят, тогда что?

- Тогда этого человека вечно будут мучить злобные сущности после его смерти.

- Ах, вот оно что! Он испугался! - прошептала Оази. - Ветер убил человека и испугался мук наказания! А меня принял за злобную сущность, явившуюся за ним!

- Вот как? - пробормотал пилот. - Он уголовник?

- Да.

Оази-Ушки многозначительно удалилась. В ее случае это значило – не перешла на бег, как обычно, а ушла быстрой походкой.

Но потом, через час или около того, она снова подошла к патрульному офицеру. Собрав две морщинки на гладком лбу, она продолжила разговор:

– Разве можно убить человека, потом сказать «извините», получить прощение и думать, что сделал все, как надо? Вот что я не могу понять!

Тимох тоже сосредоточенно нахмурился, видя отражение своего лица в желтых стекляшках очков флор-лингвиста:

– Оази, эту задачу тебе решать всю жизнь. Раздели свой сложный вопрос на более простые: «Разве можно убить человека?» – это будет первое. Кстати, я и сам решаю эту задачу, и не я один. И пока, мне кажется, взялся за нее с конца: знаю только, что я бы, пожалуй, простил покаявшегося. Наверное, простил бы. Смотря по обстоятельствам – разобрался бы, конечно, сначала. Хотя что я такое говорю? Какое же прощение после разбирательства? Прощение, говорят, в сердце. Это если ты человек и имеешь сердце. М-да... Флорникам проще... Ох, тяжелый вопрос задала ты, Оази. Флорники не простили Ветера.

– И оставили вас жить.

Убитая горем Анна прижалась лбом к холодному лбу Мрии, затем встала с колен и сказала, чтобы тело первой белошвейки не готовили к погребению. Объяснила бригадиру:

– Я заберу Мрию на «Иглу-2».

Аристарх спросил:

– «Игла-2» готова к старту?

– Да. «АДРОН» снова взаимодействует со мной. Корабль открыт. Я улетаю.

– Это что-то личное?

– Это сложно объяснить, Аристарх. Долго рассказывать.

Ресницы Анны стояли горизонтально.

– Белль, будь человечной! – вырвалось у бригадира лесорубов.

Анна вздрогнула, как от пощечины, и закрыла лицо ладонями.

– Я злая... Отлет не связан с Тимохом, никто здесь ни при чем... Это я...

Ее ресницы взметнулись вверх, глаза распахнулись, она смотрела Аристарху в лицо:

– Вы хорошие люди, очень хорошие! Надежные. Я таких мало встречала. Раньше только Мрия была мне надежной подругой. Я буду вспоминать всех вас каждый день. Мое решение связано с космической теорией, которую необходимо проверить.

– Именно сейчас?

– Только сейчас или никогда. Может быть, я спасу Мрию, если верну ее в эпсилон, в нуль-точку, где она в одиночестве родила дочь и ждала помощи. Может, в нуль-точке я совмещу события, закольцую время и вычеркну ее смерть. Если мне не удастся это сделать, пусть космос примет мою подругу. Ваша планета не приняла ее, а она была правильной!

– Анна, Семилунный не может творить чудеса. Мы не смогли уберечь Мрию, она осталась ночевать там, где флорники нашли бы и умертвили любого. Ты ведь знаешь, как все складывалось. Что нам было делать?

- Да мы ничего не сделали для нее!

- Мы пытались. Лес свидетель - мы не хотели их смерти. Не казни меня, и так тошно. Флорники не повредили тело Мрии. Это знак. ...Я думаю, ты хорошо справишься, белль. Обещай, что вернешься. Твой парень будет тебя ждать. Паутина на вас была крепкая. Я бы поцеловал тебя, но Тимох не одобрит.

Анна грустно улыбнулась:

- На вас с Оази тоже была крепкая паутина!

Протянула Аристарху руку для рукопожатия. И повторила, отходя:

- Очень крепкая была паутина!

Тимоха задел за живое стремительный, как бегство, отлет второй белль.

Он, занятый в погребении Ветера с остальными мужчинами, вернувшись с опушки, увидел Анну готовой к отлету. Рядом левитировала в воздухе затянута прозрачным колпаком миниатюрная лодка. В лодке лежала Мрия. У Тимоха защипало в глазах от вида мертвой мастерицы.

- Что это? - спросил он вторую белль, чтобы не молчать.

- Это вимана. Я снова в контакте с «АДРОНОм» и вызвала лодку. Вимана есть в каждой «Игле», они часто нужны на планетах...

- Ты больше ничего не хочешь мне сказать?

- Я счастлива, что встретила вас, капитан. Смерть Мрии меня раздавила. Позаботьтесь о ее малышке, пожалуйста. Я стартую в эпсилон.

Это был конец.

«Отчаянная ты девочка!»

Он, скрывая тоску, сказал:

- Оази вцепилась в малышку и, похоже, никому ее не доверит. Аристарх, сдаётся мне, решил оставаться рядом с ними.

- У вас есть мальчик, эфеб. Пусть у них будет девочка.

Помолчав, Анна добавила:

- Госпожа Ксантиппа спешит сюда. У нее большие новости, и они - для вас, капитан Тимох Рей. Пока я не могу сказать больше, чем сказала. До сегодняшнего дня я не знала, что наставница руководила нашим бегством на Ило.

- От нее ты получила инструкции перед посадкой на планету?

- Наоборот, я думала, кто-то из ваших людей помогает нам и ждет в Вечном Мае, ведь вы - уроженец Семилунного...

Тимох молчал и смотрел на белль. Анну что-то смущало. Он уже знал, что ее смущение выглядит как подчеркнутая официальность. Знать бы только, что переменилось в их отношениях? И при чем здесь наставница?

- Извините, я должна лететь.

Белошвейка сделала короткий кивок склоненной головой: знак, которым белль заканчивали официальные переговоры с вышестоящими по рангу офицерами Звездного

флота. Она кивнула, как если бы пилот мог повлиять на ее решение. Нет, не так: как будто у него были полномочия влиять на ее решение. А ведь статус белль первой триады, пусть и не признаваемый за пределами баз белошвеек, равен статусу полковника Звездного флота. Тимох узнал это случайно, Ветер проговорился однажды...

Выходит, Анна выше по рангу, чем он, патрульный капитан.

Вот такой длинноносый полковник в мешковато обвисшем рабочем комбинезоне не по размеру, но осанистый, с крепенькой высокой грудью, стоит перед патрульным капитаном, вытянувшись, как на официальном приеме, и ждет...

Тимох молчал, озадаченный.

Анна быстрым испытующим взглядом стрельнула на его физиономию, и голос ее потеплел:

- Пожелаете мне удачи?

- Удачи! - только и смог ответить пилот.

Вимана, развернувшись на сто восемьдесят градусов, умчалась в направлении бункера номер пять.

Вскоре «Игла-2» бесшумно бликанула в зенит, унеся с собой цветущие лианы, густо облепившие маскировочную сеть. На стоянках каменного пояса Семи Братьев рассказывали о том, что утром после дождя в лагерь с неба падали свежие листья и цветы. Говорили, возможно, недавняя гроза над Тобионом вызвала какие-то атмосферные возмущения и этот цветочный дождь.

Глава двадцать первая

Стратегия мира

Ксантиппа прилетела, когда солнце поднялось высоко. Над свежей могилой Ветера наставница воткнула черный ирис в петлицу рубашки Рейнясу, и он, став серьезным, помня про траурный знак на своей одежде, ходил по лесосеке, внимательно всматривался в строгие лица людей, но не приставал к ним. Рейнясу с Тимохом дружески обнялись, патрульный был ласков с мальчиком, но ребенок почувствовал, что старшему звездному брату не до него. Только с Оази Рейнясу нашел утешение и больше не отходил от нее ни на шаг. Младенец тоже ему понравился. Он с нежностью тыкался лицом в новорожденную, порывался сделать что-то для крошки и всячески угождал Оази.

- Это твоя девочка? - спросил Рейнясу.

- Теперь будет моя.

- Тебе ее отдали?

- Ой... Да.

- А где ее мама и папа?

- Умерли.

- Ночью?

- Ночью.

- Так я и знал! - подытожил Рейнясу со вздохом. - Ты берешь только девочек?

- Я? - растерялась Оази, догадываясь, к чему он клонит. - Я в первый раз взяла. Только Надью. Потому что ее мама и папа умерли вместе. Сегодня. Рейнясу, будь другом, принеси мне фруктов, я еще ничего не ела и страшно проголодалась.

Оази посмотрела вслед бегущему за фруктами ребенку и вдруг подумала, что эта девочка и этот мальчик сделали ее невероятно смелой... нет, раскованной... нет... уверенной в себе - вот так будет точно. И опытной в обращении с людьми. У нее даже голос изменился.

Если бы белль Анна осталась рядом, она научила бы Оази быстро, на раз-два, укладывать волосы и вплетать в них цветы, а то вчерашнюю прическу пришлось разрушить, а новую уже не сделать никак - с малышкой на руках...

Патрульного пилота почти перестали беспокоить раны на ступнях. Ксантиппа медленно расхаживала с Тимохом по краю лесосеки, держась теневой стороны, иногда трогала листья, подкладывая под них ладонь и задумчиво разглядывая форму и узор прожилок. Тимоху показалось, госпожа вряд ли любитесь здешней флорой: ее мысли заняты совсем другим.

- «Галере» нужен новый руководитель, - объявила Ксантиппа.

«Галера» - слишком большой звездолет, чтобы кадровые назначения на нем прошли незамеченными для офицерского летного состава. Назначение на базу белошвеек, конечно, не тот случай, о котором станут трубить по всей галактике, но служебные информационные каналы всегда перечисляют кадровые перестановки, на то они и служебные. Тимох ничего не вспомнил, а должен был.

- Где прежний капитан? - поинтересовался Тимох.

- Капитан нашел себе преемника, вот и все.

Ксантиппа посмотрела на патрульного пилота и поощрительно улыбнулась:

- У нас это делается так. Капитан обязан сообщить «АДРОНу» о своих кандидатах на эту

должность. Квантовый мозг – единственный, кто или отклонит претендента сразу, или подвергнет его испытанию. Вашу кандидатуру «АДРОН» одобрил по 46 пунктам из 50.

Тимох почувствовал, что краснеет от запоздалого понимания:

– Госпожа Ксанטיפпа, в вашем лице я имею честь говорить с капитаном корабля «Галера»?

– Имеете! – сказала наставница. – Вы сразу понравились мне. Но нужно было проверить, и я включила вас в список претендентов на капитанскую должность. Вы заставили всех сильно поволноваться. Не хотелось лишиться такого кандидата.

Они с Ксанטיפпой в этот момент обходили дерево франжипани, то есть, условно говоря, находились в кухне, в которой Оази стряпала, а Рейнясу ей помогал. Он влезал на скамейки и снимал с сучьев все, что просила слепая девушка. Тимох глянул на Оази, ища подтверждения своей догадке, ведь Оази-Ушки всегда слушает очень внимательно, вникать в смысл сказанного – ее работа.

Оази утвердительно кивнула. Правда, в ее случае это выглядело как неумное болтание головой. Ну, Оази – это Оази. От волнения Ушки даже привстала на цыпочки и чуть ли не хлопала в ладоши, а ее окуляры, казалось, лучились восторгом, словно она давно решила, что патрульный капитан Тимох должен стать капитаном планетоида «Галера».

Пилот лихорадочно перебрал в памяти новостные видеохроники: записи с заседаний Совета представителей. Представляли интересы планетоидов именно капитаны. Заседания дежурно транслировали в новостях пару раз в году. Но видел ли он на заседаниях Совета Ксанטיפпу?

Патрульный пилот обдумал неожиданную новость.

– Меня смущает один момент...

– Какой, мой друг? Впрочем, что-то подсказывает мне, я знаю, что именно вас смущает.

Тимох решительно развернулся к наставнице:

– Мне и моим друзьям обязательно нужно было пройти проверку в джунглях Ило? Не слишком ли высока цена испытания? Новорожденная девочка потеряла здоровых и красивых родителей, все остальные чудом остались живы... пока живы, ведь мы еще не убрались с планеты, а я... – Он запнулся. – Анна улетела. В эфир. На этот раз – одна.

Он волновался и не скрывал свое состояние.

– Да, это обязательное испытание, – тихо, но твердо произнесла госпожа Ксанטיפпа. – Испытание придумано не мной и не сейчас, – повторила она. – Планеты Ило Семилунный, а еще Ледяной Флай и Перлит являются местами, где экзаменуют будущего руководителя любой базы беловшеек. Моя «Галера» дрейфует в системе Ило-Соло, и ее капитаны всегда проходили испытание на Семилунном. В этот раз «АДРОН» наблюдал троих кандидатов.

Значит, здесь находились трое, не знавшие о соперничестве? Или – знавшие? Об испытании знали все, кроме него?

Кто?

Аристарх?

Анна?

Анна?!

Да, Анна.

Наверняка она.

«А ты что думал?..»

Что сейчас говорит Ксантиппа?

- «АДРОН» интересовали вы, пилот Тимох Рей, белль Анна, и третьим был... да-а... - Ксантиппа тяжело вздохнула и положила ладонь на черный ирис, прикрепленный к платью.

- Ветер?!

- Да. Третьим кандидатом в капитаны был этот непутевый мальчик, Ветер, выдвинутый волей избирателей «Галеры». На «Галере» народовластие, вы не знали? Выдвигать незрелых, но амбициозных и щедрых на обещания кандидатов вопреки здравому смыслу избиратели не разучатся до последнего дня вселенной. Но возможность голосовать за своего кандидата - право свободных людей, и мы не собираемся отказываться от этого достижения демократии. На наше счастье, дальше за дело берется квантовый интеллект. Он дает шанс всем кандидатам, ему безразлично, у кого какой старт и кто кого выдвинул. Ему важно, как проявит себя будущий лидер. А для проверки эта планета - идеальное место. Вы выдержали испытание во всех смыслах. Эти выводы сделал компьютер на основании модели вашего поведения и по реакции флорников.

- Они, - Тимох кивнул на вальщиков леса, - тоже участники испытания?

- Абсолютно случайные вводные, - сказала Ксантиппа. - Ожидалось, что вы пойдете в столицу и проявите себя в другой обстановке, но вы приобрели хороших друзей, не выходя из лесу. Люди тянутся к вам. У вас уже есть преданная команда! - констатировала Ксантиппа, оглядываясь на хлопотливую Оази под деревом и бригаду лесорубов на дальнем конце просеки.

- А остальные кандидаты в капитаны «Галеры»? Что вы скажете о них?

- Анна достойный претендент на эту должность, офицер. Вернее, так было до ее отлета в эпсилон. Но она - искательница знаний. И она еще очень молода. Вам бы учесть все это, если вы готовы ждать ее из эпсилон.

- Вы думаете, Анна вернется?! - выдохнул Тимох.

- Вы сомневаетесь? После всего, что ей удалось? Нет, ну, разве что научное любопытство заведет нашу белль еще куда-нибудь; тогда вам придется немного набраться терпения.

- Спасибо! - прошептал Тимох и порывисто пожал руку госпожи. Он повертел головой, пытаясь скрыть рвущуюся наружу улыбку, такую неуместную в это печальное утро.

- Ветер и Мрия погибли... - сказал Тимох.

- Да. Ветер погиб. И погубил доверчивую Мрию. Это трагедия, это большое горе. Это смерть, неожиданная для тех, кто прогнозировал вероятные риски в этом испытании. Невозможно было предугадать, что народный избранник окажется так упрям и недальновиден. Спасибо, что вы сумели отстоять новорожденную. А Мрия... Мрия - боль моя. Ее смерть тяжелее всего перенести. Я ведь воспитывала этих девочек, я знаю всех белль и знаю их судьбы. Мрия была веселой, солнечной девушкой. Про таких говорят - милашка. Парни просто не могли пройти мимо такой очаровательной девушки. И она очень любила жизнь. Ветер сначала отбил от нее всех поклонников. Мы наблюдали, как со временем она просто смирилась под его напором. Ветер не из тех, кто останавливается в своих желаниях. И он искал союза с первой белошвейкой, потому что это наверняка добавило бы ему популярности. Так оно и вышло. После женитьбы на первой белошвейке парни пилоты носили его на руках, а он радовался славе, как ребенок радуется новой игрушке...

Тимох подумал: галерец действительно рвался в эпсилон за женой и ребенком или решил воспользоваться ситуацией и накрутить себе рейтинг? Что бы он делал, если бы стартовал от причала номер семнадцать в «Певне», - чужом корабле, да еще патрульном

корабле с заблокированными системами межпространственных выходов? Или Ветеру было достаточно лишь стартовать?!

Эх-х... о покойниках плохо не говорят...

Похоже, Мрии фатально не повезло с замужеством...

Ксантиппа продолжала:

- Испытание этой планетой оказалось не по силам Ветеру. Да что говорить - через этого парня Семи-лунный проверял и испытывал каждого из вас. Пусть бедный юноша покоится с миром, его ошибки умерли вместе с ним. Мои года и пошатнувшееся здоровье вынуждают меня удалиться от дел, чтобы наедине пережить утрату тех, кого я любила. Я еще не сказала вам, что завтра в полдень - похороны Петре Браге?..

- Как это? - смешался пилот. - Полковник Петре Браге - друг моего отца и мой друг! Что я слышу, он погиб? Здесь, на Ило?!

- Увы, мой мальчик. Пойдемте, выпьем. У лесорубов уже все готово, нехорошо заставлять их ждать, - неожиданно предложила Ксантиппа. - Сегодня день политического безвременья, и мне уже можно, а вам еще можно отведать напитка, мутящего разум.

Длинный разговор дался ей нелегко. За какие-то несколько дней, прошедшие со времени их знакомства, Ксантиппа постарела и осунулась. Она оперлась о локоть Тимоха, и патрульный пилот повел наставницу в обратную сторону, к вальщикам леса, от которых они удалились.

- Смерть полковника Петре Браге как-то связана с нами... с нашим бегством из эпсилон? - спросил пилот, справляясь с новой волной скорби. Перед внутренним взором стоял их последний с Петре Браге разговор. Старик выглядел молодцевато. Что могло произойти на туристическом аэрокraftе, самом безопасном месте на Ило Семилунном?

Ксантиппа достала из складок одежды узкий цилиндр с записями. Вид цилиндра выдавал время его создания: этой вещице исполнилось полторы сотни лет, его заполняли в эпоху Первых перемещений.

Наставница сказала:

- Назад мы пойдем медленно. Нет, я не устала. Пришла пора доверить вам крайне важные сведения, и сделать это надо без свидетелей. Вы должны уяснить истинную расстановку сил в Звездном Содружестве, а иначе я не смогу объяснить причину, по которой погиб Петре Браге и едва не погиб этот милый ребенок, ваш эфеб.

Ксантиппа вложила старый цилиндр в руку патрульного, сомкнула его пальцы на бархатистом футляре, придержала, не спеша отнять ладонь:

- Информация разглашению не подлежит. Должность капитана базы белошвеек, «Галеры», подразумевает, что вы принимаете на себя и руководство партией «Сила».

Тимох попытался связать все, что он знал, и все, что довелось услышать от Ксантиппы.

Он сказал:

- «Силовики» - непримиримые противники белошвеек. Сейчас это одна из самых влиятельных партий, и пополняется она в основном пилотами торговых кораблей Звездного флота.

- Видите ли, капитан, легче самим организовать движение против белль, контролировать и направлять его, чем дожидаться, когда в обществе созреют крайне радикальные настроения, а потом начнется наступление на права честных и ответственных девушек, распоряжающихся неисчерпаемой космической энергией. Согласитесь, легче предупредить события, чем запоздало принимать меры.

«Значит, на самом деле нити от силовиков тянутся на „Галеру“?..» - подумал Тимох Рей.

Ксантиппа, постучав пальцем по цилиндру в его руках, сказала:

- Сто пятьдесят лет назад первая наставница белошвеек, которую звали Айока, предвидела возможность смены общественных настроений. Она была проницательная женщина, она просчитывала наперед любую ситуацию, и потому много десятилетий лидировала в индустрии высокой моды, что совсем непросто. Айока знала, что белошвеек начнут всячески принижать, внушая девушкам и обществу, что их роль в космических перемещениях не так и велика, что незаменимых нет. И в конце концов уникальных мастериц постараются низвести до положения рабочих пчел. Но белль не станут мириться с этим статусом. И что ждет Звездный флот, если белошвейки будут вынуждены отстаивать свое человеческое достоинство? Вы представляете, что может случиться?

- Это очевидно.

- Вы правы, офицер. Ответом на притеснения станет то, что и бунтом не назовешь - в истории человечества не было прецедентов такой ситуации! Белль не будут устраивать акции протеста, они просто исчезнут, не попрощавшись. Эти девушки большие труженицы, но они знают цену свободе. Они вкушают свободу, и только свобода компенсирует белошвейкам неимоверное напряжение сил, смертельный риск и впридачу унижение от высокомерного отношения со стороны командных чинов, с которыми им приходится иметь дело. ...Исчезновение белошвеек отбросит Звездный флот на сто пятьдесят лет назад, в эру термоядерного ракетного топлива. Звездное Содружество просто распадется, миры вынуждены будут существовать автономно, как и планетоиды на орбитах населенных планет.

Некоторое время собеседники молчали.

Наставница белошвеек дала время Тимоху обдумать услышанное.

«Галера» оказалась скрытой точкой напряжения, рубежом, на котором необходимо поддерживать равновесие ради существования Звездного Содружества.

Ксантиппа сказала:

- В этом цилиндре хранится очень важная для человечества реликвия - стратегия госпожи Айоки. Эти страницы удалены из полных дневниковых записей, и без них дневники представляют исторический интерес только как хроника первых шагов землян в большой космос. В таком виде и копируются, и распространяются на базы белошвеек. Но самые важные выводы госпожи Айоки хранятся только на «Галере», у капитана. Это разумно. Потому что именно капитан «Галеры» возглавляет «Силу», и скрытая у него информация не для широкого пользования.

Сейчас наши карманные враги в партии «Сила» на пике активности. Удерживать их под контролем становится все труднее.

Ксантиппа заглянула в глаза патрульного:

- Офицер Тимох Рей Гвенн Тимофей Йлонен Семилунен, «Галере» нужен молодой, решительный и мудрый капитан. Потому что работа предстоит большая.

- Готов! - отозвался Тимох на вызов Ксантиппы и судьбы. - Но смерть моего друга, полковника Петре Браге... Госпожа, вы не сказали, что случилось с ним.

- Петре и ваш маленький эфеб оказались в одном летающем отеле с наемниками врагов белошвеек. Хакеры, мужчина и женщина, получили задание взломать системы «АДРОНа» и были так самоуверенны, что решили, это по силам человеку. Они даже позволили себе не замечать, что их действия не щадят электронику аэрокraftа. Впрочем, они рассчитывали спастись в любом случае, используя киберняню вашего Рейнясу.

- Откуда вам это известно?

- Потому что я знаю всех крикунов, противников Объединенного Звездного флота, ратующих за автономные полеты кораблей! - с чувством ответила наставница. Тимох Рей нечаянно задел ее главную болевую точку, и она позволила себе выплеснуть эмоции.

- Спесивые эгоисты, они не понимают, что каждая белошвейка – уникальна, они не знают, как мало на самом деле девушек, способных создавать надежные пространственные туннели. Они уверены, что белошвейкой может стать любая девушка, освоившая швейное ремесло. В их воспаленном воображении рисуется, что в каждом корабле будет своя Первая мастерица: послушный инструмент и исполнитель воли капитана. Они хотят власти для себя, хотят раздробить Звездный флот на удельные княжества-звездолеты, где станут господствовать безраздельно. А для этого им нужно контролировать квантовый «АДРОН»!

Ксантиппа сделала паузу и, глубоко вздохнув, продолжила, как всегда спокойно и с достоинством:

- Прогулочный аэрокraft разбился над скалами Северного кольца у Малеона. Это произошло на закате. Петре до последней минуты жизни заботился о ребенке. Мои агенты присутствовали там, но не могли ничем ему помочь; одного агента ранили, второй вынужден был блокировать преступников.

- У вас есть своя агентура?

- Как видите, – повела бровью Ксантиппа. – Теперь она есть и у вас... Хакеры сделали вашего эфеба своим любимчиком. Они принялись угождать ребенку, проводили с ним время, и сначала эта пара оставалась вне подозрений офицеров команды, заподозривших неладное. И даже Петре Браге подозревало во взломе компьютерных систем не истинных виновников, а Филиаса и Энге, моих людей. Это было на руку моим агентам, они продолжали играть роль неудачников и ждали, что их вот-вот арестуют по ложному подозрению. Хакеры наблюдали, как круг сжимается вокруг Филиаса и Энге. Должно быть, это их забавляло и преступники расслабились.

Тем временем игрушки вашего мальчика Энге Лаперуз приспособил для наблюдения, начинив их следящими камерами и микрофонами. Игрушки записывали разговоры хакеров. Самым эффективным был привязчивый мячик, малыш с ним не расставался. Роковая случайность помешала моим людям предотвратить крушение аэрокraftа, но Энге удалось найти способ посадить падающий аэрокraft на скалы. Он спас сотни туристов, которым повезло встретить ночь в закрытых каютах. И хакеров они взяли и предъявили против них неопровержимые улики. Но Петре... Петре не дождался помощи.

Тимох опустил голову.

Слишком много новостей за одно утро. Шокирующих новостей.

Древесный лист на ветке перед ним затрепетал без ветра. Иланец заметил трепетание.

«Мне здесь не место, вот что значит беспокойное дрожание, нерв леса, – подумал Тимох. – Что не так во мне? Или, наоборот, не во мне дело, просто я действительно должен быть в другом месте?»

Лист успокоился.

«Уяснил», – сказал себе бывший патрульный пилот, без пяти минут капитан «Галеры» и руководитель враждебной белошвейкам партии «Сила».

Лесорубы все сделали как надо. На свежей могиле Ветера высажен черный ирис.

На планете-матери есть город, в котором лет пятьсот пытались вырастить этот цветок, чтобы непременно черного цвета – как на городском гербе. У них ничего так и не получилось. Тот город называется Флоренция – значит «Цветущая». На Ило тоже есть своя Цветущая, столица кантона на восточном архипелаге. Только ирис на эмблеме здешнего города белый. Черные на этой планете не в диковинку. Когда заселяли планету, понадобилось много черных цветов...

Пожалуй, Анна права, увезя отсюда тело Мрии. Пусть лучше космос примет первую белль.

Анна.

Анна!

«Где бы ты ни была, знай: мне без тебя – никак. Жду, драгоценная стрелочка моя!»

Ему показалось, в небе Ило Семилунного приветливо блеснул звездолет.

Показалось.

Семь керамических рюмашек – для собравшихся за поминальным столом. Рядом еще три рюмки. Эти останутся нетронутыми.

У ребят лесорубов суперская чача.

Душевная.

Терпко пахнет стол, свежий древесный горбыль, застланный в два слоя широкими лентами поминай-травы. На поминай-траве рядом с хлебом – маслянистые ктитты и сочные луковицы фра. Старые синие луковицы фра – ядреные, жгучие. Белые, молодые – почти без шелухи и сладкие. На плетеном блюде горой – улитки, запеченные в глине, на другом блюде – обжаренные на открытом огне корни сыти. Нынче завтрак поздний...

Солнце высокое, но не злое. Душно. Видно, к вечеру опять соберется дождь.

У ребят лесорубов суперская чача.

Ну, по второй.

Хороших людей потеряли.

По щеке пилота скатилась слеза.

Ило! Да за что же так – строго?!

Примечания

1

Из стихотворения Елены Асенчик.

2

Электронно-оптический преобразователь. *(Примеч. автора)*

3

Стихотворение Сергея Панарина.

4

Из стихотворения Елены Асенчик.

Из стихотворения Елены Асенчик.

6

Стихотворение Сергея Панарина.